

- [Керуак Джек](#)
 -

Спасибо, что скачали книгу в [бесплатной электронной библиотеке BooksCafe.Net](#)

[Все книги автора](#)

[Эта же книга в других форматах](#)

Приятного чтения!

Керуак Джек

Подземные

Джек Керуак

Подземные

ИЗ РОМАНА "НА ДОРОГЕ" (1957)

Я впервые встретил Дина вскоре после того, как мы с женой расстались. Я тогда едва выкарабкался из серьезной болезни, о которой сейчас говорить неохота, достаточно лишь сказать, что этот наш жалкий и утомительный раскол сыграл не последнюю роль, и я чувствовал, что все сдохло. С появлением Дина Мориарти началась та часть моей жизни, которую можно назвать "жизнью на дороге". Я и прежде часто мечтал отправиться на Запад посмотреть страну, но планы всегда оставались смутными, и с места я не трогался. Дин же - как раз тот парень, который идеально соответствует дороге, поскольку даже родился на ней: в 1926 году его родители ехали на своей колыхаге в Лос-Анжелес и застряли в Солт-Лейк-Сити, чтобы произвести его на свет. Первые рассказы о нем я услышал от Чада Кинга; Чад и показал мне несколько его писем из исправительной колонии в Нью-Мексико. Меня эти письма неизменно заинтересовали, поскольку в них Дин так наивно и так мило просил Чада научить его всему, что тот сам знал про Ницше и про все остальные дивные интеллектуальные штуки. Как-то раз мы с Карло говорили об этих письмах в том смысле, что познакомимся ли мы когда-нибудь с этим странным Дином Мориарти. Все это было еще тогда, давно, когда Дин не был таким, как сегодня, когда он был еще сплошь окруженным тайной пацаном только что из тюрьмы. Потом стало известно, что его выпустили из колонии, и что он впервые в жизни едет в Нью-Йорк. Еще ходили разговоры, что он только что женился на девчонке по имени Мэрилу.

Однажды, когда я шлялся по студенческому городку, Чад и Тим Грэй сказали мне, что Дин остановился на какой-то квартире безо всяких удобств в Восточном Гарлеме - то есть, в испанском квартале. Он приехал прошлой ночью, в Нью-Йорке первый раз, с ним - его остренькая и симпатичная подружка Мэрилу. Они слезли с междугородного "грейхаунда" на 50-й Улице, свернули за угол, чтобы найти чего-нибудь поесть, и сразу зашли к Гектору, и с тех самых пор кафетерий Гектора всегда оставался для Дина главным символом Нью-Йорка. Они тогда

истратили все деньги на здоровенные чудесные пирожные с глазурью и взбитыми сливками.

Все это время Дин вешал Мэрилу на уши примерно следующее:

- Ну, милая, вот мы и в Нью-Йорке, и хоть я не совсем еще рассказал тебе, о чем думал, когда мы ехали через Миссури, а особенно - в том месте, где мы проезжали Бунвильскую Колонию, которая напомнила мне собственные тюремные дела, теперь совершенно необходимо отбросить все, что осталось от наших личных привязанностей, и немедленно прикинуть конкретные планы трудовой жизни... - И так далее, как он обычно разговаривал в те, самые первые дни.

Мы с парнями поехали к нему в эту квартирку, и Дин вышел открывать нам в одних трусах. Мэрилу как раз прыгивала с кушетки: Дин отправил обитателя хаты на кухню, возможно - варить кофе, а сам решал свои любовные проблемы, ибо для него секс оставался единственной святой и важной вещью в жизни, как бы ни приходилось потеть и материться, чтобы вообще прожить, ну и так далее. Все это было на нем написано: в том, как он стоял, как покачивал головой, все время глядя куда-то вниз, будто молодой боксер, получающий наставления тренера, как кивал, чтобы заставить поверить, что впитывает каждое слово, вставляя бесчисленные "да" и "хорошо". С первого взгляда он напомнил мне молодого Джина Отри - ладный, узкобедрый, голубоглазый, с настоящим оклахомским выговором, - в общем, эдакий герой заснеженного Запада с небольшими бакенбардами. Он и в самом деле работал на ранчо у Эда Уолла в Колорадо до того, как женился на Мэрилу и поехал на Восток. Мэрилу была миленькой блондинкой с громадными кольцами волос - целое море золотых локонов. Она сидела на краешке кушетки, руки свисали с колен, а голубые деревенские глаза с поволокой смотрели широко и неподвижно, потому что сейчас она торчала в сером и злом Нью-Йорке, о котором столько слышала дома, на Западе, сидела на хате, словно длиннотелая чахлая сюрреалистическая женщина Модильяни, ожидающая в какой-нибудь важной приемной. Но помимо того, что Мэрилу была просто милашкой, глупа она была жутко и способна на ужасные поступки. Той ночью все пили пиво, болтали и ржали до самой зари, а наутро, когда мы уже оцепенело сидели и докуривали бычки из пепельниц при сером свете унылого дня, Дин нервно поднялся, походил взад-вперед, подумал и решил, что самое нужное сейчас - это заставить Мэрилу приготовить завтрак и подмести пол.

- Другими словами, давай шевелиться, милая, слышишь, что я говорю, иначе будет один сплошной разброд, а истинного знания или

кристаллизации своих планов мы не добьемся.

Тут я ушел.

На следующей неделе он признался Чаду Кингу, что ему абсолютно необходимо научиться у того писать. Чад ему ответил, что писатель тут - я, и что за советом обращаться надо ко мне. Тем временем, Дин устроился работать на автостоянку, поссорился с Мэрилу у них на новой квартире в Хобокене - одному Богу известно, чего их туда занесло, - и она так рассвирепела, что замыслила месть и позвонила в полицию с каким-то вздорным, истеричным, идиотским поклепом, и Дину пришлось из Хобокена свалить. Жить ему было негде. Он поехал напрямик в Патерсон, Нью-Джерси, где я жил со своей теткой, и как-то вечером, когда я занимался, в дверь постучали, и вот уже Дин кланялся и подобострастно расшаркивался в полумраке прихожей, говоря при этом:

- При-вет, ты меня помнишь - я Дин Мориарти? Я приехал попросить тебя показать мне, как надо писать.

- А где Мэрилу? - спросил я, и Дин ответил, что она, видимо, выхарила у кого-нибудь несколько долларов и поехала обратно в Денвер, "шлюха!". А раз так, то мы пошли с ним выпить пива, потому что разговаривать так, как нам хотелось, мы не могли в присутствии моей тетки, которая сидела в гостиной и читала свою газету. Она бросила на Дина один-единственный взгляд и решила, что он - шалый.

В баре я ему сказал:

- Слушай, чувак, я очень хорошо знаю, что ты ко мне приехал не только затем, чтобы стать писателем, да и, в конце концов, что я сам об этом знаю, кроме того, что на этом надо заклеиться с такой же страшной силой, как на амфетаминах.

А он ответил:

- Да, конечно, я точно знаю, что ты имеешь в виду, и все эти проблемы, на самом деле, мне тоже приходили в голову, но то, чего я хочу, это реализация таких факторов, что в случае, если придется зависеть от шопенгауэровской дихотомии для любого внутренне реализуемого... - И дальше по тексту - штуки, которых я ни на йоту не понимал, да и он сам тоже. В те дни он действительно не соображал, о чем говорил; то есть это был просто только что откинувшийся юный зэк, зацикленный на дивных возможностях стать настоящим интеллектуалом, и ему нравилось разговаривать тем тоном и пользоваться теми словами, которые слышал от "настоящих интеллектуалов", но как-то совершенно замороченно - хотя учтите, он не был так уж наивен во всем остальном, и ему потребовалось лишь несколько месяцев провести с Карло Марксом, чтобы полностью

освоиться во всяких специальных словечках и жаргоне. Однако, мы прекрасно поняли друг друга на иных уровнях безумия, и я согласился на то, чтобы он остался у меня дома, пока не найдет работу, а дальше мы уговорились как-нибудь отправиться на Запад. Это было зимой 1947-го.

Однажды вечером, когда Дин ужинал у меня - а он уже работал на стоянке в Нью-Йорке, - а я быстро барабанил на своей машинке, он облокотился мне на плечи и сказал:

- Ну, давай же, девчонки ждать не будут, закругляйся.

Я ответил:

- Погоди минуточку, вот сейчас только главу закончу. - А это была одна из лучших глав во всей книге. Потом я оделся, и мы понеслись в Нью-Йорк на стрелку с какими-то девчонками. Пока автобус шел в жуткой фосфоресцирующей пустоте Линкольн-Тоннеля, мы держались друг за друга, возбужденно болтали, орали и размахивали руками, и я начал врубаться в этого психа Дина. Парня просто до чрезвычайности возбуждала жизнь, но если он и был пройдохой, так это только оттого, что слишком хотел жить и общаться с людьми, которые иначе бы не обращали на него никакого внимания. Он подкалывал и меня, и я это знал (по части жилья, еды и того, "как писать"), и он знал, что я это знаю (это и было основой наших отношений), но мне было плевать, и мы прекрасно ладили - не доставая друг друга и особо не церемонясь; мы ходили друг за дружкой на цыпочках, будто только что трогательно подружились. Я начал учиться у него так же, как он, видимо, учился у меня. О том, что касалось моей работы, он говорил:

- Валяй дальше, все, что ты делаешь, - клево. - Он заглядывал мне через плечо, когда я писал свои рассказы, и вопил: - Да! Так и надо! Ну, ты даешь, чувак! - Или говорил: - Ф-фу! - и промакивал лицо носовым платком. - Слушай, елки-палки, ведь еще столько можно сделать, столько написать! Хотя бы начать все это записывать, без всяких наносных стеснений и не упираясь ни в какие литературные запреты и грамматические страхи...

- Все верно, чувак, ты правильно заговорил. - И я видел, как некое подобие священной молнии сверкает в его возбуждении и в его видениях, которые изливались из него таким потоком, что люди в автобусах оборачивались посмотреть на этого "психа ненормального". На Западе он провел треть своей жизни в бильярдной, треть - в тюрьме, а треть - в публичной библиотеке. Видели, как он целеустремленно несся с непокрытой головой по зимним улицам в сторону бильярдной, таща под мышкой книги, или карабкался по деревьям, чтобы попасть на чердак

каких-нибудь своих приятелей, где обычно сидел днями напролет, читая или скрываясь от представителей закона.

Мы поехали в Нью-Йорк - я забыл, в чем там было дело, какие-то две цветные девчонки - и никаких девчонок на месте, конечно, не оказалось: они должны были встретиться с Дином в кафешке и не пришли. Мы тогда поехали на его стоянку, где ему что-то надо было сделать - переодеться в будке на задворках, прихорошиться перед треснутым зеркалом, что-то типа такого, - а уж потом двинулись дальше. Как раз в тот вечер Дин повстречался с Карло Марксом. Грандиозная штука произошла, когда они встретились. Два таких острых ума, как они, приглянулись друг другу сразу же. Скрестились два пронизательных взгляда - святой пройдоха с сияющим разумом и печальный поэтический пройдоха с темным разумом, то есть Карло Маркс. Начиная с этой самой минуты, я видел Дина только изредка, и мне было немного обидно. Их энергии сшибались лбами, и в сравнении я был просто лохом и не мог держаться с ними наравне. Тогда-то и началась вся эта безумная катавасия, которая потом закрутила всех моих друзей и все, что у меня оставалось от семьи, затянула в большую тучу пыли, заставшую Американскую Ночь. Карло рассказал ему про Старого Быка Ли, про Элмера Хассела и Джейн: как Ли в Техасе выращивал траву, как Хассел сидел на острове Рикера, как Джейн бродила по Таймс-Сквер вся в бензедриновых глюках, таская на руках свою малышку, и как она кончила в Белльвю. А Дин рассказал Карло про разных неизвестных людей с Запада, типа Томми Снарка, колченогой акулы бильярда, картежника и святого педераста. Рассказал и про Роя Джонсона, про Большого Эда Данкеля - корешей своего детства, уличных корешей, про своих бесчисленных девчонок и половые попойки, про порнографические картинки, про своих героев, героинь, про свои приключения. Они вместе носились по улицам, врубаясь во все так, как у них это было с самого начала, и что позже стало восприниматься с такой грустью и пустотой. Но тогда они выплясывали по улицам как придурочные, а я тащился за ними, как всю свою жизнь волочился за теми людьми, которые меня интересовали, потому что единственные люди для меня - это безумцы, те, кто безумен жить, безумен говорить, безумен быть спасенным, алчен до всего одновременно, кто никогда не зевнет, никогда не скажет банальность, кто лишь горит, горит, горит как сказочные желтые римские свечи, взрываясь среди звезд пауками света, а в середине видно голубую вспышку, и все взывают: "А-аууу!" Как звали таких молодых людей в гетевской Германии? Всей душой желая научиться писать как Карло, Дин первым же делом атаковал его этой своей любвеобильной душой, какая бывает только у пройдох:

- Ну Карло же, дай же мне сказать - я вот что хочу сказать... - Я не видел их где-то недели две, и за это время они зацементировали свои отношения до зверской степени непрерывных ежедневных и еженощных разговоров.

Потом пришла весна, клевое время для путешествий, и каждый в нашей рассеявшейся компании готовился к той или иной поездке. Я был занят своим романом, а когда дошел до срединной отметки, то после того, как мы с теткой съездили на Юг проведать моего братца Рокко, я был вполне готов отправиться на Запад первый раз в своей жизни.

Дин уже уехал. Мы с Карло проводили его со станции "грейхаунда" на 34-й Улице. Там наверху у них было место, где за четвертак можно сфотографироваться. Карло снял очки и стал выглядеть зловеще. Дин снялся в профиль, при этом застенчиво оборачиваясь. Я сфотографировался в фас но так, что стал похож на тридцатилетнего итальянца, готового порешить всякого, кто хоть слово скажет против его матери. Эту фотографию Карло и Дин аккуратно разрезали бритвой посередине и спрятали половинки себе в бумажники. На Дине был настоящий западный деловой костюм, купленный специально для великого возвращения в Денвер: парень кончил свой первый загул в Нью-Йорке. Я говорю "загул", но Дин лишь впахивал на своих стоянках как вол. Это был самый фантастический служитель автостоянок в целом мире: он мог задним ходом втиснуть машину в узкую щель и тормознуть у самой стенки с сорока миль в час, выпрыгнуть из кабины, пробежаться между бамперами впритык, вскочить в другую машину, развернуться со скоростью пятьдесят миль в час на крохотном пятакке, быстро сдать назад в тесный тупичок, бум - захлопнуть дверцу с такой поспешностью, что видно, как машина вибрирует, когда он из нее вылетает, затем рвануть к будке с кассой, словно звезда гаревых дорожек, выдать квитанцию, прыгнуть в только что подъехавший автомобиль, не успеет еще владелец и выбраться из него, буквально проскочить у того под ногами, завестись с еще незакрытой дверцей и с ревом - к следующему свободному пятакку; разворот, шлеп на место, тормоз, вылетел, ходу: работать вот так без передышки по восемь часов в ночь, как раз в вечерние часы пик и после театральных разъездов, в засаленных штанах с какого-то алкаша, в обтрепанной куртке, отороченной мехом, и в разбитых башмаках, спадающих с ноги. Теперь он к возвращению домой купил себе новый костюм, синий в тончайшую полоску, жилет и все остальное - одиннадцать долларов на Третьей Авеню, вместе с часами и цепочкой, и к тому же - портативную пишущую машинку, на которой собирался начать писать в каких-нибудь денверских

меблированных комнатах, как только найдет там работу. Мы устроили прощальный обед из сосисок с бобами в "Рикере" на Седьмой Авеню, а потом Дин сел в автобус и с ревом отчалил в ночь. Вот и уехал наш крикун. Я пообещал себе отправиться туда же, когда весна зацветет по-настоящему, а земля раскроется.

Вот так, на самом деле, и началась моя дорожная жизнь, и то, чему суждено было случиться потом, - чистая фантастика, и не рассказать об этом нельзя.

Да, и я хотел ближе узнать Дина не просто потому, что был писателем и нуждался в свежих впечатлениях, и не просто потому, что вся моя жизнь, вертевшаяся вокруг студгородка, достигла какого-то завершения цикла и сошла на нет, но потому, что непонятным образом, несмотря на несходство наших характеров, он напоминал мне какого-то давно потерянного братишку: при виде страдания на его костистом лице с длинными бачками и капелью пота на напряженной мускулистой шее я невольно вспоминал свои мальчишеские годы на красивых свалках, в котлованах, заполненных водой, и на речных отмелях Патерсона и Пассаика. Его грязная роба льнула к нему так изящно, будто заказать лучшего костюма у портного было невозможно, а можно было лишь заработать его у Прирожденного Портного Естества И Радости, как этого своим потом и добился Дин. А в его возбужденной манере говорить я вновь слышал голоса старых соратников и братьев - под мостом, среди мотоциклов, в соседских дворах, расчерченных бельевыми веревками, и на дремотных полуденных крылечках, где мальчишки тренькают на гитарах, пока их старшие братья вкалывают на фабриках. Все остальные нынешние мои друзья были "интеллектуалами": антрополог-ницшеанец Чад, Карло Маркс с его прибабахнутыми сюрреальными разговорами тихим голосом с серьезным взглядом, Старый Бык Ли с такой критической растяжкой в голосе, не приемлющий абсолютно ничего; или же они были потайными беззаконниками, типа Элмера Хассела с этой его хиповой презрительной насмешкой, или же типа Джейн Ли, особенно когда та растягивалась на восточном покрывале своей кушетки, фыркая в "Нью-Йоркер". Но разумность Дина была до последнего зернышка дисциплинированной, сияющей и завершенной, без этой вот занудной интеллектуальности. А "беззаконность" его была не того сорта, когда злятся или презрительно фыркают: она была диким выплеском американской радости, говорящей "да" абсолютно всему, она принадлежала Западу, она была западным ветром, одой, донесшейся с Равнин, чем-то новым, давно предсказанным, давно уже подступающим (он угонял машины, только чтобы прокатиться

удовольствия ради). А кроме этого, все мои нью-йоркские друзья находились в том кошмарном положении отрицания, когда общество низвергают и приводят для этого свои выдохшиеся причины, вычитанные в книжках, - политические или психоаналитические; Дин же просто носился по обществу, жадный до хлеба и любви, - ему было, в общем, всегда плевать на то или на это, "до тех пор, пока я еще могу заполучить себе вот эту девчоночку с этим ма-а-ахоньким у нее вон там между ножек, пацан", и "до тех пор, пока еще можно пожрать, слышишь, сынок? я проголодался, я жрать хочу, пошли сейчас же пожрем чего-нибудь!" - и вот мы уже несемся жрать, о чем и глаголил Екклезиаст: "Се доля ваша под солнцем".

Западный родич солнца, Дин. Хотя тетка предупредила, что он меня до добра не доведет, я уже слышал новый зов и видел новые дали - и верил в них, будучи юн; и проблески того, что действительно не довело до добра, и даже то, что впоследствии Дин отверг меня как своего кореша, а потом вообще вытирал об меня ноги на голодных мостовых и больничных койках разве имело все это хоть какое-нибудь значение? Я был молодым писателем и хотел стронуться с места.

Я знал, что где-то на этом пути будут девчонки, будут видения - все будет; где-то на этом пути жемчужина попадет мне в руки.

Перевод и вступительное слово Максима Немцова

ДЖЕК КЕРУАК:

"НА ИНЫХ УРОВНЯХ БЕЗУМИЯ"

Джек Керуак, человек, давший голос целому поколению в литературе, родился 12 марта 1922 года в Лоуэлле, штат Массачусеттс, и умер в 47 лет. За свою короткую жизнь, проведенную, в основном, "на колесах", он успел написать около 20 книг прозы, поэзии и снов и стать самым известным и противоречивым автором своего времени.

Многие считали и считают его писателем никудышним, многие - классиком литературы этого столетия, но практически все сходятся в одном: без Керуака литературы "разбитых" просто не было бы. По его книгам и разговорам учились писать, наверное, все битники. Он придумывал названия их книгам, кормил их идеями и замыслами. Стиль "письмодействия", отчасти заимствованный им у Марселя Пруста и творчески видоизмененный, оказался очень привлекательным для Аллена Гинзберга, Уильяма Берроуза, Грегори Корсо и многих других - а уж опосредованным влиянием в мировой литературе несть числа.

...Стирай все пороги между глазом, рукой и листом бумаги - пиши как дышишь, как живешь - литература делается каждым твоим шагом. Если умеешь по-детски восторгаться живописным дощатым сортиром на склоне

горы и густым среднезападным мороженым, ножками школьницы и закатом над товарной станцией - значит, ты тоже можешь делать литературу... Манерностью это не было. Керуак боролся за свое право писать так, как говорил и думал: сам язык, ритм, расхристанная пунктуация - все помогало ему кидаться головой в омут свободного самовыражения. Гинзберг называл его стиль "спонтанной боповой просодией" - а джаз не требует пауз в композиции, ему не нужна редакция. Почти бессознательный поток. Голая экзистенция кончика пера или клавиш машинки.

Это было неслыханно. Талантливого выскочку ставили на место: редакторы ортодоксального издательства "Вайкинг" постарались оградить читателей от стилистических инноваций Керуака при публикации романа "На Дороге" ("On the Road") в 1957 году - через пять лет после того, как три сумбурных недели были истрачены на лихорадочную запись на рулон газетной бумаги мыслей и событий нескольких минувших лет, проведенных в скитаниях по всему континенту. Но к тому времени Джек в глазах богемной тусовки с Таймс-Сквер уже был признанным "писателем": в 1950 году вышел "Городок и Город" - прото-книга многотомной "Легенды о Дулуозе", книги, которую он писал всю жизнь, и в которой - вся его жизнь. Поэтому, наверное, так трудно Керуака описывать - жизнь его задокументирована им самим, возможно, лучше кого бы то ни было в современной литературе.

Наверное, нет необходимости расшифровывать имена всех персонажей "На Дороге" - достаточно сказать, что за ними всеми стоят реальные люди, часто обижавшиеся на Керуака, не подозревавшие, что он запоминал мельчайшие детали их поведения и разговоров. Но об одном человеке все же следует сказать: Дин Мориарти - Нил Кэссиди, ближайший "кореш" Джека Керуака, духовный "давно потерянный братишка" практически всех битников, совершенно неизвестный как писатель, человек, сильно зависевший от женщин и наркотиков всю свою короткую жизнь, которую превратил в нескончаемую череду приключений и которую стремился привести к состоянию покоя и умиротворения через учения странных религиозных сект, позже - участник передвижной провокации "Веселых Проказников" Кена Кизи, почетный железнодорожник, уголовник и ужасный семьянин, любимый женой Кэролайн всю жизнь, несмотря на разрыв... Когда он умер в 1968 году, его прах был отправлен именно ей - в жизни у него больше никого не осталось, Джек Керуак уже медленно угасал от алкоголизма во Флориде. Кен Кизи писал о нем: "Нил Кэссиди делал все, что делает роман, - вот только он все делал лучше, потому что он

так жил, а не только писал об этом". Его жизни хватило бы на сотню романов. Из них Керуак написал четырнадцать.

Этим людям не суждена была долгая жизнь - они сжигали себя с обоих концов алкоголем, наркотиками, страстями... Джек Керуак умер в Сент-Питерсберге, Флорида, 31 октября 1969 года от обширного желудочного кровотечения. Еще при жизни его книги были переведены на 18 языков. На русском была издана лишь пара крохотных и изуродованных цензурой отрывков.

Джек Керуак Jack Kerouac Подземные The Subterraneans

Перевел с английского М. Немцов A Publishing In Tongues/PW93 Studios

Publication 1994 ? М. Немцов, перевод, 1992 ? 1958 by Jack Kerouac ----

Перевод этой книги посвящается Светке

1

Когда-то я был молод и гораздо лучше разбирался в окружающем и мог с нервической разумностью говорить о чем угодно а также с ясностью и без этих вот литературных околичностей; иными словами вот вам история несамоуверенного человека и в то же время эгоманьяка, естественно, многогранного не годится - просто начать с начала и пускай истина себе просачивается, так и сделаю... Началось теплой летней ночью - ах, она сидела на крыле с Жюльеном Александером который... давайте вообще начну с истории подземных Сан-Франциско...

Жюльен Александер ангел подземных, а подземные это имя придумал Адам Мурэд, а он поэт и мой друг сказавший "Они хиповы без поверхностности, они разумны без банальности, они интеллектуальны как черти и все знают про Паунда без претензий или чрезмерной болтовни, они очень спокойны, они очень похожи на Христа". Жюльен сам определенно похож на Иисуса. Я шел по улице с Ларри О'Харой, старым моим собутыльником по всем тем долгим и взбалмошным и безумным периодам в Сан-Франциско, когда я надирался и по-настоящему выжувливал выпивку у друзей с такой "добродушной" регулярностью которую всем просто в лом было замечать или объявлять во всеуслышанье что во мне развиваются или уже развились с юности этикие дурные шаровые наклонности хотя конечно вс° они замечали но я им нравился и как Сэм сказал "Все приходят к тебе заправиться парень, ну у тебя там и бензоколонка" или что-то в том же духе - старина Ларри О'Хара всегда со мною мил, спятивший молодой бизнесмен-ирландец из Сан-Франциско с прямо бальзаковской какой-то каморкой в глубине своей книжной лавки где покуривают ча°к и говорят о

былых днях великого оркестра Бейси или былых днях великого Чу Берри - о котором больше чуть позже поскольку она и с ним тоже спуталась потому как неминуемо путалась со всеми ибо знала меня кто нервен и многоуровнев и ни в малейшей степени не однодушен - ни кусочка моей боли еще не проявилось - или страдания - Ангелы, будьте ко мне снисходительны - я даже не смотрю на страницу а прямо перед собою на грустное мерцание стены в моей комнате и на радио-КРОУ-шоу Сары Вогэн Джерри Маллигэна на столе в форме радиоприемника, другими словами они сидели на крыле машины перед баром Черная Маска на Монтгомери-Стрит, Жюльен Александер Хриstopодобный небритый тощий моложавый спокойный странный про такого вы или Адам почти могли бы сказать апокалиптический ангел или святой подземных, определенно звезда (теперь), и она, Марду Фокс, чье лицо когда я впервые увидел его в баре у Данте за углом навело меня на мысль: "Ей-Богу, я должен связаться с этой маленькой женщиной" а может быть еще и потому что она была негритяжкой. К тому же у нее было такое же лицо как и у Риты Сэвидж подруги детства моей сестры, и о которой среди всего прочего я грезил среди бела дня о том как она у меня между ног на коленях на полу туалета, а я на стульчаке, с ее особыми прохладными губами и индейски резкими высокими мягкими скулами - то же самое лицо, но темное, милое, с небольшими глазами честными блестящими и напряженными она, Марду склонялась говоря что-то очень настойчиво Россу Валленстайну (другу Жюльена) наклонившись над столом, глубоко - "Я должен с нею связаться" - я пытался стрелкнуть в нее радостным взглядом сексуальным взглядом на который она так и не догадалась поднять голову или увидеть - Я должен объяснить, я только-только сошел с парохода в Нью-Йорке, меня рассчитали до рейса на Кубе Япония из-за лажи с буфетчиком и моей неспособности быть милосердным и на самом деле человечным и вообще обычным парнем выполняющим обязанности дневального в кают-компании (а вы теперь не можете не признать что я придерживаюсь фактов), что для меня типично, я относился к стармеху и другим офицерам с запоздалой вежливостью, это в конце концов разозлило их, они захотели от меня чего-то услышать, может чтоб я рявкнул поутру, ставя кофе им на столик а вместо этого молча на мягких подошвах я спешил выполнить малейшее их пожелание и ни разу не улыбнулся даже гадко, даже свысока, вс° это из-за моего ангела одиночества сидящего у меня на плече пока я спускался по теплой Монтгомери-Стрит в тот вечер и увидел Марду на крыле вместе с Жюльеном, вспомнив: "О вон девчонка с которой мне надо связаться, интересно ходит ли она с кем-нибудь из этих

парней" - темно, вы б ее едва разглядели на тусклой улице - ее ноги в сандалетах-шлепанцах такого сексуально привлекательного величия что я захотел поцеловать ее, их - хоть и без малейшего понятия о чем бы то ни было.

Подземные теплой ночью тусовались у Маски, Жюльен на крыле, Росс Валленстайн стоя, Роджер Белуа великий тенор-саксофонист бопа, Уолт Фитцпатрик который был сыном знаменитого режиссера и вырос в Голливуде в атмосфере вечеринок у Греты Гарбо под утро и Чаплина пьяным вваливающегося в двери, несколько других девчонок, Гарриет бывшая жена Росса Валленстайна этакая блондинка с мягкими невыразительными чертами одетая в простое ситцевое платьишко почти что кухонный халатик домохозяйки но живот наполняет мягкая сладость когда смотришь на нее - поскольку следует сделать еще одно признание, а до скончания веков мне предстоит еще и не одно - я грубо по-мужски сексуален и ничего не могу с собой поделатать и обладаю распутными и так далее наклонностями да и почти все мои читатели мужского пола без сомнения таковы - признание за признанием. Я канук (1) , я не мог говорить по-английски лет до 5 или 6, в 16 я разговаривал с акцентом запинаясь и в школе был здоровенным заморышем хоть позднее и участвовал в универовском баскетболе и если б не он никто бы и не заметил что я могу справиться с окружающим миром (недосамоуверенность) и меня бы точно запихали в шизарню за то или иное отклонение...

Но теперь позвольте мне сказать сама Марду (трудно сделать настоящее признание и показать что произошло когда ты такой эгоманьяк что можешь единственно лишь пускаться в огромные абзацы с незначительными подробностями про самого себя и со значительными душевными подробностями про других что сидят вокруг и ждут) - в любом случае, значит, там был еще Фриц Николас титулованный вожак подземных, которому я сказал (встретившись с ним в канун Нового Года в шикарной квартирке на Ноб-Хилле сидючи по-турецки как пейотовый индеец на толстом ковре и чокнутая девчонка типа Айседоры Дункан с длинными голубыми волосами у него на плече курила коноплю и говорила о Паунде и пейоте) (тощий тоже Иисусообразный со взглядом фавна и молодой и серьезный и как отец для всей компании, так скажем, вдруг его можно было увидеть в Черной Маске он сидел откинув голову тонкие черные глаза наблюдали за всеми как бы во внезапном медленном изумлении и "Вот они мы малютки и что теперь мои дорогие", но был он еще и первосортным торчком, он хотел оттяга в любой форме в любое

время и очень интенсивно) я ему сказал: "Ты знаешь эту девчонку, темненькую?" - "Марду?" - "Ее так зовут? С кем она ходит?" - "Как раз сейчас ни с кем в особенности, это в свое время была кровосмесительная компания," очень странную вещь он мне там сказал, пока мы шли к его старому битому Шеви 36 года без заднего сиденья припаркованному через дорогу от бара с целью насшибать немного чаю чтобы компания вся собралась вместе, как я и сказал Ларри: "Чувак, давай достанем чаю" - "А на фиг тебе все эти люди?" "Я хочу врубиться в них как в группу," произнеся это, к тому же, перед Николасом чтобы тот быть может оценил мою способность прочувствовать будучи в компании посторонним и все же непременно, и т. д., восприняв их ценность - факты, факты, милая философия давно уж покинула меня и соки прочих лет истекли - кровосмесительные - была еще одна окончательно великая фигура в той компании которая однако этим летом была не здесь а в Париже, Джек Стин, очень интересный паренек Лесли-Ховардовского склада ходивший (как Марду мне потом изобразила) как венский философ размахивая мягкими руками слегка боковыми потоками и длинными медленными текучими шагами, останавливаясь на углу в надменной мягкой позе - он тоже имел отношение к Марду как я узнал потом самым диковинным образом - но теперь моей крошкой информации касательно этой девушки с которой я СТРЕМИЛСЯ связаться как будто и так не было печали или прочие застарелые романчики не преподали мне этого урока боли, продолжаю просить его, просить жизни...

Из бара выплескивались интересные люди, ночь производила на меня великое впечатление, какой-то темный Марлон Брандо с прической как у Трумэна Капоте с прекрасной худющей мальчонкой или девчонкой в мальчишечьих брючках со звездами у нее в глазах и бедрами казавшимися такими мягкими что когда она засовывала руки в карманы я видел разницу - и темные тонкие ножки в брючинах ниспадали к маленьким ступням, и что за лицо, и с ними парень с другой красивой куколкой, парня зовут Роб и он что-то вроде израильского солдата-искателя приключений с британским выговором которого наверняка можно было бы найти в каком-нибудь баре на Ривьере в 5 утра пьющим что ни попадя в алфавитном порядке с кодлой забавных чокнутых друзей из международной тусовки в загуле - Ларри О'Хара познакомил меня с Роджером Белуа (я не верил что этот молодой человек с заурядной физиономией стоявший передо мною был тем самым великом поэтом которому я поклонялся в юности, в своей юности, в моей юности, то есть в 1948-м, я продолжаю повторять моя юность) - "Это Роджер Белуа? - Я Беннетт Фитцпатрик" - (отец Уолта) отчего на лице

Роджера Белуа возникла улыбка Адам Мурэд к этому времени вынырнувший из ночи тоже стоял там и ночь готова была раскрыться...

И вот значит мы все действительно поехали к Ларри и Жюльен сидел на полу перед развернутой газетой в которой был чай (низкокачественный лос-анжелесский но сойдет) и сворачивал, или "скручивал" как Джек Стин, отсутствующий, сказал мне на предыдущий Новый Год а то был мой первый контакт с подземными, он тогда спросил не свернуть ли мне косячок а я ответил в натуре очень холодно "К чему? Я сам себе сворачиваю" и тотчас же туча набежала на его чувствительное личико, и т. д., и он меня возненавидел - и поэтому ломил меня всю ночь когда только мог - теперь же Жюльен был на полу, по-турецки, и сам скручивал для всей компании и все бубнили свои разговоры которые я разумеется повторять не стану, ну разве что типа вот такого: "Я смотрю на эту книгу Перспье - кто такой Перспье, его уже замесили?" и прочий треп, или же, слушая как Стэн Кентон говорит о музыке завтрашнего дня и мы слышим как вступает новой молодой тенор, Риччи Комучча, Роджер Белуа говорит, раздвигая выразительные тонкие лиловые губы: "И это - музыка завтрашнего дня?" а Ларри О'Хара рассказывает свои лежалые анекдоты из обычного репертуара. В Шиви'36 по пути Жюльен, сидя рядом со мною на полу, протянул руку и сказал: "Меня зовут Жюльен Александер, во мне кое-что есть, я покорил Египет," а потом Марду протянула руку Адаму Мурэду и представилась, сказав: "Марду Фокс," но и не подумала проделать так со мной чему уже следовало насторожить меня первым предчувствием того что грядет, поэтому мне пришлось самому протянуть ей руку и сказать: "Лео Перспье меня зовут" и пожать - ах, всегда ведь тянет к тем кто на самом деле тебя не хочет - на самом деле она хотела Адама Мурэда, ее только что холодно и подземно отверг Жюльен - ее интересовали худые аскетичные странные интеллектуалы Сан-Франциско и Беркли а вовсе не здоровущие бичи-параноики пароходов и железных дорог и романов и всей этой ненавистности которая во мне мне самому столь очевидна и другим поэтому тоже - хотя и поскольку на десять лет моложе меня не видя ни единого из моих достоинств которые все равно давно уже как утоплены годами наркоты и желания смерти, сдаться, бросить все и забыть все, умереть в темной звезде - это я протянул руку, не она - ах время.

Но пожирая глазами ее маленькие чары у меня была на переднем плане одна только мысль что я должен погрузить все свое одинокое существо ("Большой печальный одинокий человек," вот что она мне сказала как-то вечером уже потом, вдруг увидев меня в кресле) в теплую ванну и в спасение ее бедер - близости юных любовников в постели,

высокие, лицом к лицу глаза в глаза грудь к груди обнаженные, орган к органу, колено к дрожащему колену покрытому гусиной кожицей, обмениваясь экзистенциальным и любовные акты чтобы постараться и чтобы получилось - "получается" это ее особое словечко, я вижу чуть выпирающие зубки под красными губами когда видно что "получается" - ключ к боли - она сидела в углу, у окна, она была "отделена" или "отстраненна" или "готова оторваться от этой компании" по своим собственным причинам. - В угол я и пошел, склонив голову вовсе не к ней а к стене и попробовал молчаливую коммуникацию, затем тихие слова (как пристало вечеринке) и слова принятые на Норт-Биче: "Что ты читаешь?" и впервые она открыла рот и заговорила со мною сообщая полную мысль и сердце мое не совсем оборвалось но удивилось стоило мне услышать смешные культурные интонации отчасти Пляжа (2) , отчасти образца И. Маньина, отчасти Беркли, отчасти негритянского высшего класса, нечто, смесь *langue* и такого стиля говорить и употреблять слова какого я никогда раньше не слышал если не считать определенных редких девчонок конечно же белых и такую странную что даже Адам сразу заметил и заметил мне в ту ночь - но определенно манера говорить нового боп-поколения, когда говоришь о себе не говоришь "I", а говоришь "ahy" или "Oy" и растянуто так, типа как в старину бывало "женственная" такая манера произношения поэтому когда слышишь ее у мужчин звучит сначала противно а когда слышишь у женщин это очаровательно но слишком уж странно, и звук который я уже определенно и озадаченно слышал в голосах новых певцов боба вроде Джерри Уинтерса особенно с оркестром Кентона на пластинке Да Папочка Да и может быть у Джери Сазерна тоже - но сердце мое оборвалось поскольку Пляж всегда ненавидел меня, отторгал меня, недооценивал меня, срал на меня, с самого начала в 1943 году и дальше - ибо глядите, идя вниз по улице я какой-то громила а потом когда они узнают что я вовсе не громила а какой-то сумасшедший святой им это не нравится и более того они боятся что я вдруг все равно превращусь в громилу и вломлю им и что-нибудь сокрушу а я все равно почти что проделывал это а в отрочестве и подавно делал, как однажды я ошивался по Норт-Бичу со стэнфордской баскетбольной командой, в особенности с Редом Келли чья жена (по праву?) умерла в Редвуд-Сити в 1946-м, а за нами вся команда с боков брата Гаретта, он пихнул скрипача педика в парадное а я впихнул другого, он своего замочил, я на своего вызверился, мне было 18, я был совсем щегол свеженький как маргаритка к тому же - теперь, видя это прошлое в оскале и в зверстве и в ужасе и в биенье моей лобной гордости они не хотели иметь со мной ничего общего, и я поэтому конечно

тоже знал что Марду испытывает настоящее подлинное недоверие и нелюбовь ко мне пока я сидел там "пытаясь (не чтоб получилось ВООБЩЕ) а получить е°" - нехипово, нагло, улыбаясь, фальшиво истерично "принужденно" давя улыбку они это называют - я горячий - они прохладные - на мне к тому же была весьма ядовитая совсем неподобающая у них на Пляже рубашка, купленная на Бродвее в Нью-Йорке когда я думал что буду рассекать

вниз по трапу в Кобе, дурацкая гавайская распашонка от Кросби с рисунками, которую по-мужски и тщеславно после первоначальных честных унижений моего обычного я (в самом деле) выкурив пару косячков я чувствовал себя принужденным расстегнуть на лишнюю пуговицу и тем показать свою загорелую, волосатую грудь - что должно быть было ей отвратительно - в любом случае она и глазом не повела, и говорила мало и тихо - и была сосредоточена на Жюльене который сидел на корточках спиной к ней - а она слушала и мурлыкала смеясь в общем разговоре - в основном разговором заправляли О'Хара и громогласный Белуа и тот интеллигентный авантюрист Роб а я, слишком молчаливый, слушавший, врубавшийся, но в чайном тщеславии то и дело вставлявший "совершенные" (как я думал) реплики которые были "слишком уж совершенны" но для Адама Мурэда знавшего меня все время ясное свидетельство моего почтения и слушания и уважения фактически ко всей компании, а для них этот новый тип вставлявший свои реплики только чтобы показать собственную хиповость - все ужасно, и неискупимо. - Хотя в самом начале, перед затяжками, которые передавались по кругу по-индейски, у меня было определенное ощущение того что я могу сблизиться с Марду вовлечься и сделать ее в эту же самую первую ночь, то есть сняться с нею одной хотя бы только на кофе но с затяжками заставившими меня молиться истово и в серьезнейшей потаенности дабы вернулось мое дозатяжечное "здравомыслие" я стал крайне несамоуверенным, начал слишком лебезить, положительно уверенный что не нравлюсь ей, ненавижу себя за это вспоминая теперь первую ночь когда я встретил свою любовь Ники Питерс в 1948-м на хате у Адама Мурэда в (тогда еще) Филлморе, я стоял незаинтересованный и пил пиво в кухне как всегда (а дома яростно работая над громаднейшим романом, безумный, ненормальный, уверенный, молодой, талантливый как никогда больше) когда она показала на профиль моей тени на бледно-зеленой стене и сказала: "Как прекрасен твой профиль," что привело меня в такое замешательство и (как и чай) придало несамоуверенности, внимания, я стал пытаться "начать ее сделать", действовать таким образом который по ее почти гипнотическому

внушению привел теперь к первым предварительным изысканиям типа гордость против гордости и красоты или битовость или чувствительность против глупой невротической нервозности фаллического типа, постоянно осознающего собственный фаллос, свою башню, а женщин колодцами - собака-то вот где зарыта, но человек слетел с резьбы, неуспокоенный, да и теперь уже не 1948 а 1953 с четкими отстраненными поколениями а я на пять лет старше, или моложе, и надо чтобы получилось (или же получать женщин) в новом стиле и избавиться от нервозности - в любом случае я бросил сознательно пытаться сделать Марду и угомонился решив всю ночь врубаться в замечательную новую озадачивающую компанию подземных которых Адам открыл и дал им имя на Пляже.

Но изначально Марду действительно зависела только от самой себя и была независима объявляя что никого не желает, не хочет ни с кем ничего общего, закончив (после меня) тем же - что нынче в холодной проклинающей ночи я чувствую в воздухе, это ее объявление, и что ее маленькие зубки больше не мои а вероятно враг мой упивается ими и обращается с нею по-садистски как она вероятно и любит и как не обращался с нею я убийство витает в воздухе - и тот блеклый угол где сияет лампа, и вихрятся ветры, бумага, туман, я вижу великое обескураженное лицо самого себя и моя так называемая любовь никнет в переулке, не годится - как прежде это были меланхолические сникания в горячих креслах, усугубленные фазами луны (хотя сегодня великолепная осенняя ночь полнолуния) - там где тогда, прежде, это было признанием нужды моего возвращения ко всемирной любви как должно великому писателю, типа какого-нибудь Лютера, какого-нибудь Вагнера, теперь от этой теплой мысли о величии зябко веет холодом - ибо и величие умирает - ах и кто только сказал что я велик - и предположим кто-то был великим писателем, тайным Шекспиром ночью под подушкой? или в самом деле так - стихотворение Бодлера не стоит его скорби - его скорби (Это Марду в конце концов сказала мне: "Я бы предпочла счастливого человека несчастливым стихам которые он нам оставил," с чем я согласен а я Бодлер, и люблю свою смуглую любовницу и тоже склонялся ей на живот и слушал перекаты внутри) - но мне следовало бы понять по ее первоначальному объявлению независимости чтобы поверить в искренность ее отвращения к вовлеченности, вместо того чтобы бросаться на нее как будто и поскольку я фактически хотел чтобы мне стало больно и желал "истерзать" себя - еще одним терзаньем больше и они задвинут синюю крышку, и мой ящик плюхнется парень - ибо теперь смерть гнет свои крыла над моим окном, я ее вижу, я ее слышу, я чую ее запах, я вижу ее в вялом висенье моих

рубашек которым больше не суждено быть ношенными, ново-старых, стильно-старомодных, галстуки подвешенные змееподобно которыми я даже уже и не пользуюсь, новые одеяла для осенних мирных постелей теперь корчатся порывами коек в море себяубийства - утраты - ненависти - паранойи - это в ее личико я желал проникнуть, и проник...

В то утро когда вечеринка достигла своей высшей точки я был в спальне у Ларри вновь любуясь красным светом и вспоминая ту ночь когда у нас там была Мики нас трое, Адам и Ларри и я сам, и у нас был бенни и большая сексуальная кутерьма сама по себе слишком поразительная, чтобы ее можно было описать - когда вбежал Ларри и сказал: "Чувак ты собираешься с нею сегодня это сделать?" - "Мне бы конечно хотелось - Не знаю..." - "Ну чувак так ты разберись, времени-то немного осталось, что это с тобой такое, мы притаскиваем всех этих людей в дом и подогреваем всех этих чаем и теперь все мое пиво из ледника, чувак надо что-то с этого получить, займись-ка..." "О, тебе она нравится?" - "Мне вообще кто угодно нравится если уж на то пошло чувак - но я имею в виду, в конце концов." - Что привело меня к краткой натужной неудачной свежей попытке, к какому-то виду, взгляду, реплике, сидя рядом с нею в углу, я сдался и на рассвете она подорвала с остальными которые все пошли пить кофе и я пошел туда же с Адамом чтобы увидеть ее вновь (следом за компанией вниз по лестнице пять минут спустя) и они там были а ее не было, предаваясь независимым темным размышлениям, она свалила к себе в душную квартирку в Небесном Переулке на Телеграфном Холме.

Поэтому я отправился домой и несколько дней в сексуальных фантазиях там была она, ее темные ноги, шлепанцы, темные глаза, мягкое маленькое коричневое лицо, скулы и губы как у Риты Сэвидж, крохотная скрытная близость и каким-то образом теперь мягко змеиное очарование как и подобает маленькой худенькой смуглой женщине любящей одеваться в темное, в бедную битовую подземную одежду...

Несколько ночей спустя Адам со мстительной улыбкой объявил мне что столкнулся с нею на Третьей Улице в автобусе и они пошли к нему поговорить и выпить и у них произошел большой долгий разговор который по-Лероевски завершился кульминацией когда Адам сидел голышом и читал китайскую поэзию и передавал ей кропалик и закончилось все в постели: "А она очень ласковая, Боже, как она обхватывает вдруг тебя руками как бы ни по какой другой причине кроме чистой внезапной нежности." - "Ты собираешься это сделать? закрутить с нею связь?" - "Ну дай мне теперь - на самом деле я тебе скажу - она это вс^о и немало не в себе - она сейчас лечится, очевидно очень серьезно поехала притом совсем

недавно, там что-то из-за Жюльена, лечилась но виду не подавала, садится или ложится читать или же просто ничего не делает а смотрит в потолок весь день напролет у себя там, восемнадцать долларов в месяц в своем Небесном Переулке, получает, очевидно, какое-то пособие, завязанное каким-то образом ее докторами или кем-то еще на ее нетрудоспособность или что-то типа этого - постоянно об этом говорит и на самом деле слишком чрезмерна на мой вкус - очевидно у нее настоящие галлюцинации про монахинь в приюте где она выросла и она их видит и чувствует настоящую угрозу - и другие вещи к тому же, вроде ощущения того, что она принимает мусор хотя мусор она никогда не пробовала а только знала наркотов," - "Жюльена?" - "Жюльен двигается мусором когда только может а это нечасто поскольку у него нет денег а стать он как бы хочет настоящим наркотом - но в любом случае у нее были глюки что она не торчит как надо в контакте а на самом деле ее кто-то или что-то как-то тайно подсаживает, люди идущие за нею по улицам, скажем, полная чума - и для меня это чересчур - и в конце концов то что она негритянка я не хочу впутываться с потрохами." - "Она хорошенькая?" - "Она прекрасна - но у меня не получается." - "Но парень я в натуре врубаюсь как она выглядит и все такое прочее." - "Ну ладно чувак тогда у тебя получится вали туда, я дам тебе адрес, или еще лучше когда, я приглашу ее сюда и мы поговорим, ты можешь попробовать если захочешь но хоть у меня и горячее чувство в сексуальном смысле и все такое к ней я на самом деле не хочу углубляться в нее дальше не только по всем этим причинам но и наконец, самая большая, если я теперь завяжусь с девчонкой то хочу быть постоянным типа постоянно и всерьез и надолго а с нею я так не могу." - "Я бы хотел долго постоянно и так далее." - "Ну поглядим."

Он сообщил мне в какой вечер она придет немного перекусить тем что он ей приготовит поэтому я там тоже был, курил чай в красной гостиной, с зажженной тусклой красной лампочкой, и зашла она выглядела так же но на мне теперь была простая синяя шелковая спортивная рубашка и модные штаны и я откинулся на спинку четко чтоб напустить на себя сдержанность надеясь что она это заметит с результатом, когда дама вошла в гостиную я не поднялся.

Пока они ели в кухне я делал вид что читаю. Я делал вид что не обращаю ни малейшего внимания. Мы вышли прогуляться втроем и к этому времени все вместе уже стремились перебить друг друга как трое добрых друзей которые хотят войти внутрь друг друга и высказать все что у них на душе, дружеское соперничество - мы пошли в Красный Барабан послушать джаз которым в ту ночь был Чарли Паркер с Гондурасом

Джонсом на барабанах и другие интересные, вероятно Роджер Белуа тоже, кого я теперь хотел увидеть, и то возбуждение мягконогого санфранцисского боба в воздухе но полностью в прохладном сладком безнапряжном Пляже - поэтому мы на самом деле бежали, от Адама с Телеграфного Холма, вниз по белой улочке под фонарями, бежали, прыгали, выпендривались, веселились - испытывали ликование и что-то пульсировало и мне было приятно что она может ходить так же быстро как и мы - милая худенькая сильная маленькая красавица чтоб рассекать с нею вдоль по улице притом такая ослепительная что все оборачиваются посмотреть, странный бородатый Адам, темная Марду в странных брючках, и я, здоровый ликующий громила.

И вот мы оказались в Красном Барабане, столик заставленный пивом несколькими то есть и все банды то вваливались то вываливались, платя доллар с четвертью у двери, маленький с-понтон-хиповый хорек продавал там билеты, Пэдди Кордаван вплыл внутрь как было предсказано (большой длинный светловолосый типа тормозного кондуктора подземный с Восточного Вашингтона похожий на ковбоя в джинсах зашедшего на дикую поколенческую пьянку всю в дыму и безумии и я завопил "Пэдди Кордаван?" и "Ага?" и он подвалил к нам) - все сидели вместе, интересными компаниями за разными столиками, Жюльен, Роксанна (женщина 25 лет пророчествующая будущий стиль Америки короткими почти под машинку но с кудряшками черными змеящимися волосами, змеящейся походкой, бледным бледным торчковым анемичным личиком а мы говорим торчковое когда как бы когда-то выразился Достоевский? если не аскетичное или святое? но ни в малейшей степени? но холодное бледное фанатичное лицо холодной голубой девушки и одетой в мужскую белую но с манжетами расстегнутыми развязанными у пуговиц так что я помню как она перегибалась разговаривая с кем-то после того как прокралась по танцплощадке с текучими плечами в поводу, согнувшись поговорить держа в руке короткий бычок и аккуратное резкое движение каким она стряхивала с него пепел но вновь и вновь длинными длинными ногтями в дюйм длиной и тоже восточными и змееобразными) - компании всевозможнейшие, и Росс Валленстайн, толпа, и наверху на эстраде Птица Паркер с торжественными глазами которого довольно-таки недавно заметили и он теперь вернулся в какой-то мертвый в смысле боба Фриско но только что обнаружил или же ему рассказали про Красный Барабан, банду великого нового поколения завывающую и собирающуюся там, поэтому вот он на сцене, изучал их этими глазами пока выдувал свои теперь-уже-упорядоченные-в-размеренный-рисунок "сумасшедшие" ноты -

громыхающие барабаны, высокий потолок - Адам ради меня исполнительно отчалил около 11 часов с тем чтобы лечь спать и отправиться утром на работу, после краткой вылазки с Пэдди и мной наскоро хлебнуть десятицентового пива в ревевшей Пантере, где Пэдди и я во время нашего первого разговора и хохота поборолись на локотках - теперь Марду отвалила со мной, ликующеглазая, между отделениями, выпить пивка, но по ее настоянию в Маске вместо здесь где оно было по пятнадцать центов, а у нее самой было лишь несколько пенни и мы пошли туда и начали самозабвенно разговаривать и внутри у нас все зазвенело и запело от пива и вот теперь стало начало - вернувшись в Красный Барабан на следующее отделение, услышать Птицу, который как я видел отчетливо врубался в Марду несколько раз и в меня самого тоже прямо в глаза глядя мол действительно ли я тот великий писатель каким считаю себя как будто знал мои недостатки и амбиции или помнил меня по другим ночным клубам и другим побережьям, по иным Чикагам - не вызывающий взгляд а король и основатель боп-поколения по крайней мере его звука врубаясь в свою аудиторию врубавшийся в глаза, тайные глаза на-него-смотрящие, пока он просто складывал губы и пускай работают великие легкие и бессмертные пальцы, глаза его отдельные и заинтересованные и человечны, добрейший джазовый музыкант что только мог быть будучи и следовательно естественно величайший - наблюдая за Марду и мной во младенчестве нашей любви и вероятно удивляясь почему, или зная что долго она не продлится, или видя кому именно станет больно, как теперь, очевидно, но еще не совсем, это была Марду чьи глаза сияли в мою сторону, хотя знать я не мог и не знаю в точности теперь - если не считать одного факта, по пути домой, сейшак окончен пиво в Маске выпито мы поехали домой на автобусе по Третьей Улице печально сквозь ночь и бьющиеся мигающие неонки и когда я неожиданно склонился над нею прокричать что-то дальше (в ее тайное я как позже призналась) ее сердце скакнуло почуяв "сладость моего дыхания" (цитата) и неожиданно она почти что полюбила меня - я не знал этого, когда мы нашли русскую темную грустную дверь Небесного Переулка огромные железные ворота заскрежетали по тротуару когда я потянул, внутренности вонючих мусорных баков печально-приваленных друг к другу, рыбы головы, коты, затем сам Переулок, мой первый взгляд на него (долгая история и огромность его в моей душе, как в 1951 году рассекая со своей тетрадью для зарисовок диким октябрьским вечером когда я обнаруживал собственную пишущую душу наконец я увидел подземного Виктора который приехал в Большой Сюр как-то раз на мотоцикле, по слухам на

нем же уехал на Аляску, с маленькой подземной цыпочкой Дори Киль, вон он в размашистом иисусовом пальто направляется на север в Небесный Переулочек в свою берлогу и я некоторое время шел за ним, дивясь Небесному Переулочку и всем тем долгим разговорам что у меня были много лет с людьми типа Мака Джоунза про тайну, молчание подземных, "городскими Торо" Мак называл их, как из Альфреда Казина в лекциях в нью-йоркской Новой Школе там на Востоке где он замечал по поводу того что всех студентов Уитмен интересуется с точки зрения сексуальной революции а Торо с созерцательно-мистической и антиматериалистической если не с экзистенциалистской или какой-то там еще точки зрения, Пьер-Мелвилловская придурь и чудо этого, темные битовые джутовые одежонки, истории которые слышишь про великих теноров задвигающихся мусором у разбитых окон и начинающих дуть в свои дудки, или про великих молодых поэтов с бородами лежащих в торче в Руо-подобных святейших неведомостях, Небесный Переулочек знаменитый Небесный Переулочек где они все в то или иное время полоумные подземные жили, как например Альфред и его гнусенькая женушка прямиком из петербургских трущоб Достоевского вы бы решили но в действительности американская потерянная бородастая идеалистичная - вся эта штука в любом случае), увидя его впервые, но с Марду, стирка развешена над двором, на самом деле задний двор большого многоквартирного дома на 20 семей с эркерами, стирка развешана и в разгар дня великая симфония итальянских мамаш, детишек, отцов финнеганствующих и вопящих со стремянок, запахи, кошки мяукают, мексиканцы, музыка изо всех приемников болеро ли это мексиканцев или итальянский тенор спагеттиглотов или же громкие внезапно врубленные по КПЕА симфонии Вивальди клавесинные исполнения для интеллектуалов бум блэм грандиознейший звук всего этого который я потом приходил слушать целое лето обернутый руками моей любви - входя туда сейчас, и поднимаясь по узенькой затхлоу лесенке будто в развалюхе, и ее дверь.

Замышляя я потребовал чтобы мы потанцевали - прежде она была голодна поэтому я предложил и мы действительно зашли купить яичного фуянга на Джеконе и Кирни и теперь она его разогрела (позднее признание что она терпеть его не может хоть это одно из самых моих любимых блюд и типично для моего последующего поведения которое я уже насильно запихивал ей в горло то что она в подземной кручине хотела выстрадать одна если и вообще), ах. - Танцую, я выключил свет, и вот, в темноте, танцую, поцеловал ее - это было головокружительно, кружась в танце, начало, обычное начало влюбленных целующихся стоя в темной

комнате комната разумеется женщины мужчина сплошные умыслы - закончив потом в диких плясках она у меня на колене или на бедре пока я вращаю ее вокруг откинувшись назад для равновесия а она вокруг моей шеи своими руками что стали разогревать так сильно того меня что потом было только жарко...

И довольно скоро я узнал что у нее нет веры и неоткуда взять мать-негритянка умерла ради рождения ее - неведомый отец черноки-полукровка сезонник приходивший бывало швыряя изодранные башмаки через серые равнины осени в черном сомбреро и розовом шарфе присев на корточки у костров с горячими собаками запуливая тару из-под токая в ночь "Йяа-а Калехико!"

Скор нырнуть, куснуть, погасить свет, спрятать лицо от стыда, полюбить ее грандиозно из-за нехватки любви целый год почти что и нужды толкающей вниз - наши маленькие соглашения в темноте, всамделишные не-следовало-об-этом-говорить - ибо это она потом сказала "Мужчины такие сумасшедшие, они хотят сущности, женщина и есть сущность, вот она прямо у них в руках а они срываются прочь возводя большие абстрактные конструкции" - "Ты имеешь в виду что им следует просто остаться дома с этой сущностью, то есть валяться под деревом весь день с женщиной но Марду это ведь моя старая телега, прелестная мысль, я ни разу не слышал ее лучшего выражения и никогда не мечтал." - "Вместо этого они срываются и затевают большие войны и рассматривают женщин как награды а не как человеческих существ, что ж чувак я может и прямо в середине всего этого дерьма но я определенно не желаю ни кусочка" (своими милыми культурными хипейными интонациями нового поколения). - И поэтому поимев сущность ее любви теперь я воздвигаю большие словесные конструкции и тем самым предаю ее на самом деле - пересказывая слухи каждого подметного листка бельевого веревка мира - и ее, наше, за все два месяца нашей любви (думал я) только раз постиранное поскольку она будучи одинокой подземной проводила лунатичные дни и ходила бывало в прачечную с ними но внезапно уже промозглый поздний день и слишком поздно и простыни серы, милы мне - поскольку мягки. - Но не могу я в этом признании предать самые потаенные, бедра, то что в бедрах есть - а тогда зачем писать? - бедра хранят сущность - однако хоть там мне и следует остаться и оттуда я пришел и рано или поздно вернусь, все же я должен срываться и возводить возводить - ради ничто ради бодлеровских стихов...

Ни разу не употребила она слово любовь, даже в то первое мгновенье после нашего дикого танца когда я пронес ее по-прежнему на себе не касая

ногами пола к постели и медленно опустил, страдая отыскать ее, что она полюбила, и будучи несексуальной всю свою жизнь (кроме первого 15-летнего совокупления которое по какой-то причине поглотило ее и никогда больше с тех пор) (О боль когда выбалтываешь эти секреты которые так необходимо выболтать, или к чему писать или жить) теперь "casus in eventu est" но рада что я тут теряю рассудок несколько эгоманиакально как и следовало ожидать после нескольких пив. - Лежа потом в темноте, мягко, щупальцево, ожидая, до сна - и вот утром я просыпаюсь от крика пивных кошмаров и вижу рядом негритянскую женщину с приотворенными губами спящую, и пушинки от белой подушки набились ей в черные волосы, испытываю почти что отвращение, осознаю что я за животное чувствую хоть что-то близкое к нему, виноградному сладкому тельцу обнаженному на беспокойных простынях возбужденного прошлоночья, шум из Небесного Переулка просачивается сквозь серое окно, серый судный день в августе поэтому мне хочется уйти немедленно чтобы "вернуться к своей работе" к химере не химеры а упорядоченно надвигающегося ощущения работы и долга которое я разработал и развил дома (в Южном Городе) скромного дальше некуда, свои утешения там тоже есть, уединения которого я желал а теперь не переносу. - Я встал и начал одеваться, извиняться, она лежала маленькой мумией под простыней и бросала серьезные карие взгляды на меня, как взгляды индейской настороженности в лесу, словно карими ресницами внезапно поднимающимися черными ресницами чтобы явить неожиданные фантастические белки зора с карим поблескивающим центром радужки, серьез-ость ее лица подчеркнута слегка монголоидным как бы боксерским носом и скулами немного припухшими от сна, словно лицо прекрасной порфирной маски найденной давным-давно и ацтекской. - "Но зачем тебе нужно срываться так быстро, как будто почти в истерике или тревоге?" - "Ну вот нужно у меня работа и мне надо прийти в себя - с бодуна..." и она едва проснулась, поэтому я на цыпочках выскальзываю с несколькими словами фактически когда она почти снова проваливается в сон и я не вижу ее опять несколько дней...

Ебарь-подросток совершив этот подвиг едва ли оплакивает дома утрату любви завоеванной девицы, чернобровой милашки - здесь нет признания. Только в то утро когда я ночевал у Адама увидел я ее снова, я собирался вставать, кое-что печатать и пить кофе в кухне весь день поскольку в то время работа, работа была у меня господствовавшей мыслью, не любовь - не боль, вынуждающая меня писать это даже если я не хочу, боль которая не облегчится писанием этого но усилится, но которая будет искуплена, и если б только она была болью с чувством

собственного достоинства и если б ее можно было куда-то определить а не в эту черную канаву стыда и утраты и шумного безрассудства в ночи и несчастной испарины у меня на челе Адам встает идти на работу, я тоже, умываемся, мыча переговариваемся, когда телефон зазвонил и там была Марду, которая собиралась к своему доктору, но ей нужна монетка на автобус, а поскольку живет сразу за углом: "Ладно забегай но побыстрее я иду на работу или оставляю монетку у Лео." - "О и он там?" - "Да." - У меня в уме мужские мысли сделать это снова и на самом деле с нетерпением жду чтобы увидеть ее неожиданно, как будто чувствовал что она недовольна нашей первой ночью (никаких причин так чувствовать нет, перед всей этой кутерьмой она легла мне на грудь доедая яичный фуянг и врубалась в меня поблескивавшими ликовавшими глазами) (которые сегодня ночью мой враг пожирает?) мысль об этом заставляет меня уронить сальное пылающее чело в усталую руку - О любовь, бежала от меня - или телепатии действительно сочувственно пересекаются в ночи? Такая пагуба выпадает ему - что холодный любитель похоти заслужит теплого кровотечения духа - и вот она вошла, 8 утра, Адам ушел на работу и мы были одни и сразу же она свернулась у меня на коленях, по моему приглашению, в большом набивном кресле и мы стали разговаривать, она начала рассказывать о себе и я зажег (серым днем) тусклую красную лампочку и вот так началась наша истинная любовь...

Ей нужно было рассказать мне все - несомненно на днях она уже рассказала всю свою историю Адаму и тот слушал пощипывая себя за бороду с мечтою в отдаленном взоре чтобы выглядеть внимательным и любовником в унылой вечности, кивая - теперь же со мной она начинала все заново но как будто (как я думал) брату Адама гораздо сильнее любящему и больше, более благоговейно выслушивающему и принимающему ближе к сердцу. - Вот они мы во всем сером Сан-Франциско серого Запада, можно было почти почуять дождь в воздухе и далеко за всю ширью земли, за горами дальше Окленда и гораздо дальше Доннера и Траки лежала великая пустыня Невады, пустоши уводящие к Юте, к Колорадо, на холодные холодные стоит грянуть осени равнины где я продолжал воображать себе этот ее полукровка-чороки бродячий папаша валяется брюхом вниз на платформе а ветер треплет его тряпье и черную шляпу, его бурая грустная физиономия видела всю эту землю и все это опустошение. - В иные мгновенья я представлял себе его вместо этого работающим сборщиком где-нибудь под Индио и жаркой ночью он сидит на стуле на тротуаре среди мужиков в одних рубашках перекидывающихся шутками, и он сплевывает а те говорят: "Эй Ястреб Тау ну-ка расскажи нам

еще ту историю как ты угнал такси и доехал на нем аж до Манитобы в Канаде ты когда-нибудь слышал как он ее рассказывает, Сай?" - У меня было видение ее отца, он стоял во весь рост, гордо, красивый, в унылом тусклом красном свете Америки на углу, никто не знает его имени, никому нет дела...

Ее маленькие истории о собственных безумствах и приключениях, о пересечении всех границ города, и курении слишком много марихуаны, в чем для нее было столько ужаса (в свете моих собственных погружений касательно ее отца зачинателя ее плоти и ужаснувшегося предшественника ее ужасов и знатока гораздо больших безумств и безумия чем она в своих возбужденных психоаналитиком треволнениях могла бы хоть когда-нибудь даже только вызвать в воображении), образовывали лишь фон для мыслей о неграх и индейцах и Америке в общем но вместе со всеми обертонами "нового поколения" и другими историческими заморочками в которые ее теперь закрутило точно так же как и всех нас в Забойно-Европейской Печали всех нас, та невинная серьезность с которой она рассказывала свою историю а я слушал так часто и сам рассказывал - распахнув глаза обнимаясь на седьмом небе вместе - хипстеры Америки посреди 1950-х сидящие в полутемной комнатке лязг улиц за голым мягким подоконником окна. - Забота о ее отце, поскольку я сам бывал там и садился на землю и видел рельсы сталь Америки покрывающую землю наполненную костями старых индейцев и Коренных Американцев. - Холодной серой осенью в Колорадо и Вайоминге я работал в полях и смотрел как индейцы-сезонники вдруг выныривают из кустов у полотна и движутся медленно, тягуче отхаркиваясь, забывая смахнуть слюну с подбородка, морщинистые, в великую тень света таща на себе котомки и всякую ерунду тихо переговариваясь друг с другом и так далеки от всяческих забот батраков в поле, даже негров с шайеннских и денверских улиц, джапов, армян и мексиканцев общего меньшинства всего Запада что смотреть на индейцев по-трое или по-четверо пересекающих поле и железнодорожные пути это как что-то невероятное для чувств будто во сне - ты думаешь: "Они должно быть индейцы - ни единая душа на них не смотрит - они вон туда идут - никто не замечает - не важно в какую сторону они идут - в резервацию? Что у них в этих коричневых бумажных пакетах?" и только с большой долей усилия ты понимаешь "Но ведь именно они населяли эту землю и под этими громаднейшими небесами именно они беспокоились и плакали на похоронах и защищали жен целыми нациями собиравшимися вокруг вигвамов - теперь же рельсы бегущие по костям их предков ведут их вперед указывая в бесконечность, призраки человечества легко ступающие по

поверхности земли так глубоко гноящейся наваром их страдания что нужно копнуть лишь на фут вглубь чтобы наткнуться на ручку ребенка. - Пассажирский экспресс со скрежещущими дизельными яйцами мимо гррум, грумм, индейцы лишь поднимают взгляд - Я вижу как они исчезают пятнышками перед глазами..." и сидя в краснолампочной комнатке в Сан-Франциско теперь с милой Марду я думаю: "И это твоего отца я видел на серой пустоши, проглоченного ночью - из его соков возникли твои губы, твои глаза полные страданья и печали, и нам не знать его имени или имени его судьбы?" - Ее смуглая ручка свернулась в моей, ее ногти бледнее кожи, и на ногах и скинув туфли она втискивает одну ножку мне между бедер для тепла и мы говорим, мы начинаем наш романтический роман на более глубинном уровне любви и историй уважения и стыда. - Ибо величайший ключ к мужеству есть стыд и смазанные лица в пролетающем поезде ничего не видят снаружи на равнине кроме фигур бродячих сезонников укатывающихся прочь из поля зрения...

"Я помню как-то в воскресенье, пришли Майк с Ритой, у нас было немного очень крепкого чая - они сказали он дает прямо вулканический пепел сильнее у них ничего не было." - "Из Л. А.?" - "Из Мехико - какие-то парни поехали туда в фургоне и они скинулись вместе, или из Тихуаны или откуда-то еще, не знаю - Рита тогда сильно ехала - когда мы практически уже раскумарились она поднялась очень так драматично и встала посреди комнаты чувак говоря что чувствует как нервы прожигают ей кости насквозь - Видеть как она едет прямо у меня на глазах - Я задержалась и какая-то идея посетила меня по части Майка, он все смотрел на меня так будто хотел убить - у него все равно такой смешной взгляд - Я выбралась из дому и пошла и пошла и не знала куда идти, у меня ум все поворачивался и поворачивался в нескольких направлениях куда я думала пойти: а тело продолжало идти прямо вдоль Колумбуса хоть я и чувствовала ощущение каждого из тех направлений куда я ментально и эмоционально сворачивала, изумленная всеми этими возможными направлениями которые можешь выбрать по различным мотивам что приходят в голову, как будто от этого станешь другой личностью - Я часто думала об этом с самого детства, о том что предположим вместо того чтоб идти вверх по Колумбусу как я обычно делала я сверну на Филберт случится ли тогда что-то что в это время достаточно незначительно но будет как бы достаточно для того чтобы повлиять на всю мою жизнь в конце? - Что ждет меня в том направлении куда я не иду? - и все такое, поэтому если б это не было такой постоянной заморочкой сопровождавшей меня в моем одиночестве которую я разыгрывала настолько многими способами насколько было

возможно я бы не беспокоилась теперь если б не видеть тех жутких дорог к которым идет это чистое предположение оно довело меня до испугов, если б я не была так дьявольски упорна..." и так далее в глубину дня, долгая путаная история лишь кусочки которой и неточно я помню, лишь масса безысходности в связной форме...

Съезды мрачными днями в комнате у Жюльена а Жюльен сидит и не обращает на нее никакого внимания а лишь смотрит неподвижно в пустоту серую как ночная мохнатая бабочка лишь изредка шевелясь чтобы закрыть окно или поменять отсиженную ногу, глаза круглые неподвижные в медитации такой долгой и такой таинственной и как я уже сказал такой Христообразной по-настоящему наглядно ягнячье-кроткой что ее достаточно чтобы свести с ума любого я бы сказал достаточно прожить там хотя бы день с Жюльеном или с Валленстайном (тот же тип) или с Майком М°рфи (тот же тип), подземными с их мрачной длинномысленной выносливостью. - И укрощенная девчонка ожидающая в темном углу, как я помнил очень хорошо то время когда сам был в Большом Сюре и приехал Виктор на своем буквально самопальном мотоцикле с малышкой Дори Киль, была вечеринка у Пэтси в коттедже, пиво, свечи горели, радио, разговоры, однако в первый час вновьприбывшие в своих смешных рваных одеяньях и он с этой своей бородой и она с этими своими хмурыми серьезными глазами сидели практически незаметно где-то за тенями от пламени свечей так чтобы никто не мог их увидеть и поскольку они ничего не говорили вообще а только (если не слушали) медитировали, мрачнели, перетерпевали, я наконец даже забыл что они вообще тут - и позднее той ночью они спали в крошечной палаточке в поле в туман-ной росе Звездной Ночи Тихоокеанского Побережья и с тем же самым смиренным молчанием ни о чем не упоминали наутро - Виктор настолько у меня на уме всегда центральный преувеличитель склонностей подземного хип-поколения к молчанию, к богемной таинственности, к наркотикам, к бороде, к полусвятости и, как я выяснил впоследствии, к непревзойденной недоброжелательности (как Джордж Сэндерс в Луне и Гроше) - поэтому Марду здоровая девушка в своем праве и с продутого ветрами открытого готовая к любви теперь таилась в затхлом углу дожидаясь пока Жюльен заговорит. - Временами в общем "кровосмешении" она бывала лукаво молча по какому-то взаимному согласию или тайной государственной стратегии перемещена или возможно просто "Эй Росс ты сегодня забираешь Марду домой я хочу сделать это с Ритой для разнообразия," - и оставалась у Росса на неделю, куря вулканический пепел, она ехала - (напряженная тревога неподобающего секса плюс к этому,

преждевременные семяизвержения этих анемичных maquegeaux (3) оставлявшие ее подвешенной в напряжении и нерешенности). - "Я была всего-навсего невинным цыпленком когда встретила их, независимой и типа ну не счастливой или что-то вроде а чувствовала что мне надо что-то сделать, я хотела поступить в вечернюю школу, у меня было несколько работ по моей специальности, переплетать в Олстаде и других местечках по всему Харрисону, учительница рисования бабуся в школе еще говорила что я могу стать великой скульпторшей а я жила с разными сожителями и тратила все на одежду и у меня получалось" - (всасывая свою губку, и это гладкое "цок" в горле от быстрого вдоха в печали и словно простуженно, как в глотках великих пьянчуг, но она не пьянчуга а опечаливатель себя) (высшая, темная) - (вьющаяся теплая рука дальше вокруг меня) "а он лежит там и говорит ч^отакое а я не могу понять..." Она вдруг не может понять что произошло поскольку потеряла разум, свое обычное признание себя, и ощущает жуткий зуд загадки, она действительно не знает кто она и зачем и где она, она выглядывает в окно и этот город Сан-Франциско большая унылая голая сцена для какой-то гигантской шутки сотворяемой над нею самой. - "Повернувшись спиной я не знала о чем Росс думает - даже что делает." - На ней не было никакой одежды, она поднялась из его удовлетворенных простыней и встала в омывающем сером размышлении мрачновремениа что делать, куда идти. - И чем дольше она там стояла с пальчиком во рту и чем больше мужчина говорил: "В чем дело бэби" (в конце концов он прекратил спрашивать и оставил ее в покое стоять там) тем больше она чувствовала давление изнутри нараставшее к прорыву и к наступающему взрыву, наконец она сделала гигантский шаг вперед ахнув от страха - все было ясно: в воздухе пахнет опасностью - она читалась в тенях, в унылой пыли за чертежным столом в углу, в мусорных мешках, серые стоки дня сочились по стене и в окно - в полых глазах людей - она выбежала из комнаты. - "Что он сказал?"

"Ничего - он не шевельнулся у него только голова сбилась с подушки когда я взглянула назад прикрывая дверь - На мне не было одежды в переулке, меня это не волновало, так интенсивно сосредоточена я была на этом осознании всего что знала я была невинное дитя." - "Голая крошка, ух." (И про себя: "Боже мой, эта девчонка, Адам прав она сумасшедшая, типа так и будет, я съеду как съехал по бензедрину с Милой в 1945-м и думал что она хочет воспользоваться моим телом для машины банды и устроить крушение и пламя но я определенно никогда не побегу на улицы Сан-Франциско голышом хоть и мог бы, может если б я на самом деле почувствовал необходимость какого-то действия, ага") и я посмотрел на нее

изумляясь действительно, действительно ли она говорит правду. - Она была в переулке, вопрошая себя кто она, ночь, худосочная морось тумана, молчание спящего Фриско, суда на приколе в бухте, огромные когтистые пасти туманов покровом над бухтой, ореолы смешного потустороннего света посылаемые в середине вверх Галереями Намордников Столпохрамового Алькатраза - ее сердце грохало в тишине, в прохладном темном мире. - Наверх на деревянный забор, ожидая - увидеть не будет ли ей послана снаружи какая-нибудь мысль подсказавшая бы что делать дальше и полная смысла и предзнаменования ибо надо чтоб все было правильно и лишь раз - "Раз поскользнешься не туда...." ее прикол с направлениями, прыгнуть ли ей по одну сторону забора или по другую, бесконечное прощупывание пространства в четырех измерениях, унылошляпые люди приступающие к работе на поблескивающих улицах не ведая об обнаженной девушке прячущейся в туманной дымке или если б они там были и увидели ее кругом бы стояли не прикасаясь к ней просто ожидая пока придут полицейские власти и увезут ее и все их безразличные усталые глаза плоские от пустого стыда следили б за каждой частичкой ее тела - голая крошка. - Чем дольше она болтается на заборе тем меньше силы у нее останется в конце чтоб на самом деле слезть и решить, а наверху Росс Валленстайн даже не ворочается на своей мусорно-торчковой постели, думая что она свернулась калачиком в прихожей, или заснул все равно в собственной коже и костях. - Дождливая ночь шипит повсюду, целуя везде мужчин женщин и города в одном омовении грустной поэзии, медовыми строчками Ангелов на верхних полках трубодующих в вышине поверх окончательных покрытых Востоком тихоокеански-огромных песен Рая, конец страху внизу. - Она садится на корточки на заборе, тощая морось бисером на ее смуглых плечах, звезды в волосах, ее дикие уже индейские глаза теперь уставились в Черноту и маленькое облачко тумана исходит из ее смуглого рта, безысходность как кристаллики льда на пополах пони ее индейских предков, моросит на деревню давным-давно и нищий дым выкарабкивается из подземелья и когда скорбная мать размальывала желуди и готовила тюрю в безнадежных тысячелетиях - песня азиатской охотничьей банды лязгающая вниз по последнему аляскинскому ребру земли к Воям Нового Света (в их глазах и в глазах Марду сейчас последнее возможное Царство инков майя и обширных ацтеков сияющее золотым змеем и храмами столь же благородными сколь греческие, египетские, длинные лощеные трещины челюстей и приплюснутые носы монгольских гениев творивших искусство в храмовых покоях и скачок их челюстей перед тем как заговорить, пока испанцы Кортеса, изможденные

старосветские обабившиеся голландские бичи Писарро в панталонах не пришли проломившись сквозь чащобы тростника в саваннах и не обнаружили сияющие города Индейских Глаз высоко, с ландшафтами, с бульварами, с ритуалами, с герольдами, с флагами под тем же самым Солнцем Нового Света которому протянуто бьющееся сердце) - ее сердце бьющееся под дождем Фриско, на заборе, перед последними фактами, готовое сдвинуться бежать сейчас же вниз по земле и возвращаться и сворачиваться снова там где была она и где было все - утешая себя видениями истины - спускаясь с забора, на цыпочках, двигаясь вперед, отыскивая прихожую, содрогаясь, крадучись...

"Я решилась, я воздвигла некую структуру, она была как, но я не могу..." Начиная заново, начиная от плоти под дождем: "Зачем кому-то захочется причинить вред моему маленькому сердечку, моим ногам, моим ручкам, моей коже в которую я завернута потому что Боженька желает чтобы мне было тепло и Внутренне, моим пальчикам на ногах - почему Бог создал все это таким тленным и умираемым и вредимым и хочет заставить меня понять и кричать - Я трепетала когда даритель сливки снимал, когда мать моя грезила, отец мой кричал - Я начала сызмала потом воспарила наверх шариком и теперь я большая и нагое дитя снова и только чтобы плакать и бояться. - Ах - Защищай себя, ангел безвредности, ты кто никогда и не мог бы никогда повредить и расколоть другому невинному его скорлупку и боль под тонкой кисеей - оберни халат вокруг себя, сладкий ягненок - защити себя от дождя и подожди, пока Папочка не кончит снова, а Мамочка не впихнет тебя тепленько внутрь долины луны, маячь у ткацкого станка терпеливого времени, будь счастлив по утрам." - Начиная сызнова, дрожа, из ночи в переулке нагишом в коже и на одеревенелых ногах к заляпанной двери какой-то соседки - постучав - женщина подошедшая к двери в ответ на испуганные постукивания маслом тающих костяшек, видит обнаженную смуглянку, испугана - ("Вот женщина, душа под моим дождем, она глядит на меня, она боится.") - "Стучаться в двери к совершенно незнакомым, еще бы." - "Думая я просто добегу до Бетти на той же улице и назад, пообещала ей действительно имея в виду в самой глубине что принесу одежду обратно и она взаправду впустила меня и достала одеяло и закутала меня, затем одежду, и к счастью она была одна - итальянка. - А в переулке я вся вышла и дальше, это теперь была первая одежда, потом я пойду к Бетти и возьму два доллара - потом куплю эту брошку что видела в тот день в каком-то месте со старым мореным деревом в окне, на Норт-Биче, произведение искусства ручная работа типа ковки, просто прелесть, это был самый первый символ который я собиралась себе

позволить." - "Конечно." - Из-под обнаженного дождя в халатик, к окутывающей невинности, затем украшение Бога и религиозная сладость. - "Типа того как мы подрались с Джеком Стином это мне в голову очень крепко засело." - "Драка с Джеком Стином?" - "Это было еще раньше, все торчки в комнате у Росса, перетягивались и ширялись с Толкачом, ты же знаешь Толкача, ну и я там тоже сняла одежду - это было... все... частью того же... съезда..." - "Но эта одежда, эта одежда!" (про себя). - "Я стояла посреди комнаты и ехала а Толкач пощипывал гитару, одну струну всего, и я подошла к нему и сказала: "Чувак ты МНЕ тут этих своих грязных нот не щипай," и он типа сразу же поднялся без единого слова и свалил." - А Джек Стин расшвырялся на нее и подумал что если стукнет и вырубит ее кулаком то она очухается поэтому он ей двинул но она оказалась такой же сильной как и он (анемичные бледные 110-фунтовые торчки-аскеты Америки), бац, они стали махаться перед утомленными остальными. - Она померялась силами с Джеком, с Жюльеном, разбила их практически - "Типа Жюльен в конце победил на локотках но ему пришлось на самом деле яростно пригнуть меня чтоб это получилось и сделать мне больно и он действительно расстроился" (злорадный маленький фырчок сквозь передние зубки) - значит она там выясняла отношения с Джеком Стином и на самом деле почти что избивала его но он был в ярости а соседи снизу вызвали мусоров которые приехали и которым пришлось объяснять - "танцевали, мол." - Но в тот день я увидела эту железную штучку, маленькую брошку с прекрасным тусклым блеском, надевать на шею, знаешь как хорошо это будет смотреться у меня на груди." - "На твоей коричневой груди тусклое золото прекрасно будет бэби, продолжай свой изумительный рассказ." - "И вот мне немедленно понадобилась эта брошка несмотря на время, уже 4 часа утра, а на мне это старое пальто и туфли и старое платье что она мне дала, я чувствовала себя уличной шлюхой но чувствовала что никто бы не догадался - я побежала к Бетти за двумя долларами, разбудила ее..." Она потребовала денег, она выбиралась из смерти а деньги были просто средством заполучить блестящую брошку (дурацкое средство изобретенное изобретателями бартера и торгашества и стилей того кому что принадлежит, кому что принадлежит...). Потом она бежала вниз по улице со своими двумя баксами, придя к магазину задолго до открытия, зайдя выпить кофе в кафетерий, сидя за столиком одна, врубаясь наконец в мир, унылые шляпы, блестящие мокрые тротуары, вывески гласящие о печеной камбале, отражения дождя в стеклянной панели и столбе из зеркал, красота прилавок с едой где выставлены холодные закуски и горы жареного витога печенья и пар от кофейного

аппарата. - "Как тепл мир, нужно лишь достать эти маленькие символические монетки - они впустят тебя ко всему теплу и пище каких только захочешь - тебе не нужно будет сдирать с себя кожу и глодать собственные кости в тупиках - эти места предназначены были давать приют и успокоение мешочникам-старьевщикам пришедшим поплакать чтоб утешили." - Она сидит там уставившись на всех, обычные съемщики и взглянуть на нее боятся поскольку вибрация у нее из глаз дикая, они чувствуют какую-то живую опасность в апокалипсисе ее напряженной жаждущей шеи и трясущихся жилистых рук. - "Это не женщина." - "Эта чокнутая индианка еще кокнет кого-нибудь." - Приходит утро, Марду спешит ликующе и с поплывшим разумом, захваченная, к магазину, купить брошку - стоя затем в аптеке у вертушки с открытками полных два часа изучая каждую вновь и вновь досконально поскольку у нее осталось лишь десять центов и она может купить только две и эти две должны быть для нее совершенными личными талисманами нового важного значения, персональными эмблемами предзнаменования - ее алчущие губы расслаблены чтобы разглядеть получше крохотные значения углов теней от вагончиков фуникулера, Чайнатауна, цветочных рядов, голубых, служащие удивляются: "Два часа уже тут торчит, без чулок, колени грязные, рассматривает открытки, жена какого-нибудь алкаша с Третьей Улицы сбежала, пришла в аптеку белого человека, никогда прежде не видела глянцевого открытки..." Предыдущей ночью они могли бы увидеть ее на Маркет-Стрит в Фостере с последним (опять) гривенником и стаканом молока, плачущей в это свое молоко, и мужчины постоянно смотрели на нее, постоянно пытались сделать ее но теперь не делали уже ничего поскольку забоявшись, поскольку она была как дитя - и поскольку: "Почему же Жюльен или Джек Стин или Уолт Фитцпатрик не дали тебе никакого места чтоб там можно было остаться и не оставили тебя в покое в уголке, или не ссудили тебе пару долларов?" - "Но им же было наплевать, они меня боялись, они действительно не хотели меня рядом у них была типа отвлеченной объективности, наблюдая за мной, задавая гадкие вопросы - пару раз Жюльен пускался в свои игры его-голова-против-моей типа знаешь "Ч°такое, Марду," и его обычные подобные номера и липовое сочувствие но ему на самом деле было просто любопытно почему я еду - никто из них ни разу не давал мне денег, чувак." - "Те парни в самом деле плохо к тебе относились, ты это знаешь?" - "Ага так они ж никогда ни к кому не относятся - как никогда ничего не делают - ты сам о себе заботишься, я позабочусь обо мне." - "Экзистенциализм." - "Но американский хуже незаинтересованный экзистенциализм и торчков чувак,

я тусовалась с ними, уже почти год к тому времени и получала, всякий раз когда их вставляло, что-то вроде контактного кайфа." - Она бывало сидела с ними, они уже начинали отпадать, в мертвом молчании она ждала, ощущая как медленные змеевидные волны вибрации пробираются через всю комнату, веки опадают, головы клонятся и вздергиваются вновь, кто-нибудь бормочет какую-нибудь противную жалобу: "Чув-ва-ак, меня достал этот сукин сын МакДауд с его вечным нытьем по части как у него не хватает денег на одну стекляшку, как будто полстекляшки нельзя достать или за половину заплатить - чув-ва-ак, я ни разу не видал такой никудышности, ну ч-че-орт, пошел бы он куда подальше и с концами, эм." (Это торчковое "эм" сопровождающее любую подставу, а все подставляются когда говорят, в смысле утверждения, эм, ну-эм, всхлип потакающего собственным капризам младенца сдерживаемый чтобы не взорваться полным ревом УААА во всю пасть которого им хочется от мусора низводящего их системы до колыбельки.) - Марду бывало сидела там, и под конец улетев по чаю или бенни она начинала чувствовать себя так будто ее тоже ширнули, она шла по улице съехав и на самом деле ощущала электрический контакт с прочими человеками (в своей чувствительности признавая факт) но иногда ее обуревали подозрения что ее кто-то тайно подсаживал и шел за нею следом по улице тот который в действительности нес ответственность за это ее электрическое ощущение и был так независим от какого бы то ни было естественного закона вселенной. - "Но ты на самом-то деле этому не верила - однако верила - когда я поехал по бенни в 1945-м я в натуре верил что девчонка хотела использовать мое тело чтобы сжечь его и засунуть документы ее мальчика мне в карман чтобы фараоны подумали что он умер - я и рассказал ей, к тому же." - "О и что она сделала?" - "Она сказала: "Ууу папочка," и обняла меня и позаботилась обо мне, Милашка была дикой сучкой, она накладывала оладьи грима на мой бледный - я сбросил тридцать, десять, пятнадцать фунтов - но что же было дальше?" - "Я пошла бродить со своей брошкой." - Она зашла в какой-то магазин подарков и там сидел человек в инвалидном кресле. (Она случайно ткнулась в двери с клетками и зелеными канарейками за стеклом, ей хотелось потрогать бусинки, посмотреть золотых рыбок, погладить старого жирного кота нежившегося на полу на солнышке, постоять в прохладных зеленых джунглях попугайчиков в магазине торча от зеленых не-от-мира-сего дротиков попугайских взглядов скручивающих себе безмозглые шеи чтоб окаменеть зарывшись в безумные перышки и ощутить эту отчетливую передачу от них птичьего ужаса, электрические спазмы их внимания, к р я к, л у к, л и к, а человек был крайне странен.) - "Почему?" - "Не знаю

просто очень странен и вс°, он хотел, он говорил со мной очень ясно и настойчиво - типа интенсивно глядя прямо на меня и очень долго распространялся но улыбаясь на простейшие банальнейшие темы но мы оба знали что подразумеваем все остальное что сказали - ты знаешь как в жизни - на самом деле это было про тоннели, тоннель на Стоктон-Стрит и тот другой который только что соорудили на Бродвее, об этом-то мы как раз говорили больше всего, но пока мы беседовали великий электроток подлинного понимания прошел меж нами и я почувствовала иные уровни бесконечное число их в каждой интонации его речи и моей и целый мир значения в каждом слове - я никогда прежде не представляла себе насколько много происходит все время, и люди это знают - видно у них по глазам, они отказываются показывать это каким-то другим - я осталась там очень надолго." - "Он сам должно быть чудик." - "Знаешь, лысоватый такой, и типа голубого, и средних лет, и с таким видом будто у него отрезана голова или просто висит в воздухе," (безмозглая, осунувшаяся) "оглядывающая все вокруг, наверное то была его мать пожилая дама в цветастой шали - но Боже мой у меня б это отняло целый день." - "Ух." - "А на улице эта прекрасная старушка с седыми волосами подошла ко мне и увидела меня, но расспрашивала как пройти, но хотела поболтать..." (На солнечном теперь лирическом воскресно-утреннем тротуаре после дождя, Пасха во Фриско и все пурпурные шляпки извлечены и лавандовые пальто на параде в прохладных порывах ветра и маленькие девочки такие крошечные в своих только что набеленных туфельках и полных надежд пальтецах медленно гуляющие по белым холмистым улицам, церкви старых колоколов в хлопотах и в центре вокруг Маркета где наша оборванная святая негритянская Жанна д'Арк скиталась поя осанну в своей смуглой одолженной у ночи коже и сердце, трепыханья бюллетеней со ставками на угловых газетных стендах, наблюдатели голых журналов, цветы на углу в корзинах и старый итальянец в фартуке с газетами вставший на колени полить, и папа-китаец в облегающем экстатическом костюме везет в корзинке-коляске грудного младенца вниз по Пауэлл со своей розовощекой женой с блестящими карими глазами в новой шляпке срывающейся и трепещущей на солнце, вот там стоит Марду улыбаясь напряженно и странно и пожилая эксцентричная дама уже не обращает внимания на ее негритянскость не больше чем добрый инвалид из магазина и раз уж у нее теперь такое внешнее и открытое лицо, ясные свидетельства обеспокоенного чистого невинного духа только что восставшего из провала в изъязвленной оспинами земле и собственными переломанными руками вытащившего себя к безопасности и спасению, две женщины Марду и

старушка в невероятно грустных пустых улицах воскресенья после всех возбуждений субботней ночи великого блеска вверх и вниз по Маркету как собранной пыли после промывки золота и пульсации неона в барах О'Фаррелла и Мэсона с вишневыми палочками коктейльных стаканов подмигивающими приглашая открыть изголодавшиеся сердца субботы а в действительности ведущими лишь в конце концов к синей пустоте воскресного утра лишь трепыханье нескольких газет в канаве и долгий белый вид на Окленд с призраком Саббата, все же - Пасхальный тротуар Фриско пока белые корабли врезают четкие голубые линии из Сасебо под пролет Золотых Ворот, ветер что усыпает искрами всю листву Приморского Графства отмывая выстиранный блеск белого доброго города, в облаках утраченной чистоты в вышине красно-кирпичный след и пирс Эмбаркадеро, призрачный расколотый намек на песню старых помо некогда-единственных скитальцев по этим одиннадцати последним американским теперь застроенным белыми домиками холмам, лицо самого отца Марду сейчас когда он поднимает голову чтобы вдохнуть чтобы заговорить на улицах жизни материализуясь громадно над Америкой, тая...)

"И типа я ей ответила но тоже поболтала и когда она уходила то отдала мне свой цветочек и приколола его ко мне и назвала меня миленькой." - "Она была белой?" - "Ага, вроде, она была очень ласковой, очень приятной кажется она меня полюбила - типа спасла меня, вытащила - я поднялась на холм, на Калифорнию, мимо Чайнатауна, где-то набрела на белый гараж типа с большой такой стеной и этот парень на вертящемся стульчике хотел узнать чего мне нужно, я понимаю все свои действия как одно обязательство за другим вступать в коммуникацию с кем бы то ни было не случайно но по договоренности выдвинутые передо мною, вступить в связь и передать эту новость, вибрацию и новое значение что у меня теперь есть, по поводу всего что происходит со всеми постоянно повсюду и чтоб они не волновались, никто так не гадок как ты думаешь или - цветной парень на вертящемся стульчике, и у нас с ним вышел долгий путаный разговор и он очень не хотел, я помню, смотреть мне в глаза и действительно слушать что я говорила." "Но что же ты говорила?" - "Так это же все теперь забыто - что-то такое простое и типа того чего никогда не ожидаешь вон как те тоннели или старушка и я зависшая на улицах и направлениях - но парень хотел со мною это сделать, я видела как он расстегнул молнию но ему вдруг стало стыдно, я стояла спиной и видела в стекле." (В белых плоскостях гаражностенного утра, фантом человека и девушка стоящая спиной тяжело осевшая наблюдая в окне которое отражает не только черного странного робкого человека тайно уставившегося но и всю

контору, кресло, сейф, промозглые бетонные задние интерьеры гаража и тускло полированные авто, хвастающие также несмытыми пылинками наляпанными вчерашним вечерним дождиком и сквозь стекло через дорожный бессмертный балкон многоквартирного дома с деревянными лоджиями где внезапно она увидела троих чернокожих детишек в странном наряде махавших руками но не кричавших негру четырьмя этажами ниже в робе значит очевидно работавшему в Пасху, который тоже махал им идя в собственном странном направлении которое вдруг пересеклось с медленным направлением выбранным двумя мужчинами, двумя обычными мужиками в шляпах, в пальто но несшими одну бутылку, другой мальчика лет трех, вот остановившимися чтобы затем поднять бутылку Четырехзвездочного Калифорнийского Шерри и выпить пока фрискинский дополуденный всеутреннесолнечный ветер трепал им трагические пальто на одну сторону, мальчишка ревел, их тени на улице как тени чаек цвета выделанных вруч-ную итальянских сигар в глубоких бурых лавках на Колумбусе и Пасифике, вот проезд кадиллака с акульими плавниками на второй скорости по направлению к домам на вершине холма с видом на бухту и какой-то пахучий визит родственников привезших с собою газеты с комиксами, новости про престарелых тетушек, конфетки для какого-нибудь несчастного мальчугана ждущего когда же наконец закончится это воскресенье, когда солнце перестанет литься сквозь жалюзи застекленных дверей и растения в кадках перестанут от него выгорать а лучше пойдет дождик и снова понедельник и радость закоулка с деревянными заборами где не далее как вчера ночью бедняжка Марду чуть не потерялась.) - "Что сделал цветной парень?" - "Он снова застегнулся, он боялся на меня взглянуть, он отвернулся, было странно он застыдился и сел - мне это напомнило к тому же когда я была маленькой в Окленде и этот человек посылал нас в магазин и давал нам монетки потом распахивал свой купальный халат и показывал нам себя." - "Негр?" - "Угу, у нас по соседству где я жила - я помню никогда там не оставалась а подружка моя оставалась и я думаю один раз даже с ним сделала что-то." - "Как ты поступила с парнем на вертящемся стульчике?" - "Ну, я типа выбралась оттуда и стоял прекрасный день, Пасха, чувак." - "Бож-же, Пасха а я-то сам где был?" - "Мягкое солнышко, цветы и вот я шла вниз по улице и думала "Зачем я позволяла себе чтобы мне было скучно в прошлом вообще" и чтобы компенсироваться за это улетала или напивалась или буйства или всякие трюки что бывают у людей поскольку они хотят чего угодно но только не безмятежного понимания всего лишь того что есть, чего в конце концов так много, и обдумывая вроде как сердитые социальные сделки, -

типа рассерженного - оттяга - как типа ссориться из-за социальных проблем и моей расовой проблемы, это значило так мало и я чувствовала такую клеветную уверенность а золото утра ускользнуло бы рано или поздно и уже начало - я могла бы сделать всю свою жизнь вот такой как это утро одной лишь силой чистого понимания и желания жить и продолжать идти, Боже это все было прекраснейшей вещью что когда-либо случалась со мной по-своему - но все это было таким зловещим." - Кончилось когда она добралась домой в дом своей сестры в Окленде и те на нее взъярились все равно но она послала их и делала странные вещи; она заметила например сложную проводку которую ее старшая сестра протянула чтобы подсоединить телевизор и радио к кухонной розетке в ветхой деревянной надстройке над их коттеджем около Седьмой и Пайна железнодорожное прокопченное дерево и чудовищные веранды типа трухи трущоб-нахаловок, не двор а участок со щебенкой и почерневшими палками где бродяги токайствовали прошлой ночью перед тем как переходить грузовую площадку скотобоен к главной линии на Трэйси сквозь обширный бесконечный невозможный Бруклин-Окленд полный телефонных столбов и всякого хлама и субботними вечерами дикие негритянские бары полные блядей а мексиканцы йя-йякают в своих собственных салунах и патрульная машина крейсирующая по длинному печальному проспекту усеянному пьющими и блеском битых бутылок (теперь в деревянном домишке где ее вырастили в ужасе Марду сидит на корточках у стены глядя на провода в полутьме и слышит как сама же говорит и не понимает зачем она это говорит если не считать того что это должно быть произнесено, должно выйти наружу, поскольку тем же самым днем только раньше в своих скитаниях она наконец выбралась на дикую Третью Улицу между шеренг надрызгивавшихся пьянчуг и кровавых пьющих индейцев в хайратниках выкатывавшихся из переулков и с киношкой за 10 центов с тремя фильмами в программе и маленькими детишками трущобных ночлежек бегавшими по мостовой и ломбардами и музыкальными автоматами негритянских распивочных и она стояла в свете дремотного солнца вдруг вслушиваясь в боп будто в первый раз а тот лился, намерение музыкантов и их труб и инструментов внезапно мистическая общность выражающая себя волнами типа зловещих и вновь электричество но вопящее от осязаемой живучести непосредственное слово из вибрации, взаимообмены утверждения, уровни волнующихся намеков, улыбка в звуке, тот же живой экивок в том как ее сестра расположила те провода извивающиеся перепутанные и преисполненные намерения, выглядевшие невинно но на самом-то деле под личиной обыденной жизни совершенно по уговору тошнотворная пасть

почти усмехающиеся змеи электричества целенаправленно помещенные которых она видела весь день и слышала в музыке и увидела теперь в проводах), "Что ты пытаешься сделать в самом деле убить меня током?" по этому сестры поняли что что-то действительно не так, хуже чем младшая из сестер Фокс которая была алкоголичкой и устраивала тарарам на улице и арестовывалась регулярно полицией нравов, что-то безмянно кошмарно зияюще не так, "Она курит дурь, она якшается со всякими странными бородатыми парнями в Городе." - Они позвонили в полицию и Марду забрали в больницу - уже осознавая: "Боже, я видела как ужасно то что на самом деле происходило и готово было произойти со мной и чувак я извлеклась из этого быстро, и разговаривала здраво со всеми с кем возможно и все делала правильно, они выпустили меня через 48 часов - со мною были еще женщины, мы выглядывали в окна и то что они говорили, из-за этого я поняла драгоценность того как в самом деле выберешься наружу из этих проклятых халатов и наружу оттуда вообще на улицу, солнце, мы видели пароходы, наружу и СВОБОДНО чувак бродить, как замечательно это в самом деле и как мы никогда этого не ценим угрюмо внутри собственных забот и шкур, как дураки на самом деле, или слепые испорченные презренные детки надувшиеся из-за того что... им не дают... всех... конфет... которых им хочется, поэтому я поговорила с докторами и рассказала им..." "И тебе негде было остановиться, где вся твоя одежда?" - "Разбросана повсюду - по всему Пляжу - мне надо было что-то сделать - они мне позволили пожить здесь, одни мои друзья, на лето. Мне придется выметаться в октябре." - "В Переулке?" - "Ага." - "Милая давай ты и я - хочешь поехать со мной в Мексику?" - "Да!" - "Если я поеду в Мексику? то есть, если я раздобуду денег? хоть у меня сейчас и есть сто восемьдесят и мы в самом деле действительно могли бы поехать хоть завтра и у нас бы получилось - как индейцы - в смысле задешево и жить в деревне или в трущобах." - "Да - было б так славно свалить сейчас." - "Но мы могли бы или должны бы на самом деле подождать пока я не получу - я должен получить пять сотен понимаешь - и - " (и вот тогда-то я мог бы умыкнуть ее на груди своей жизни) - она говорила "Я действительно не хочу больше ничего общего с Пляжем или с кем-либо из этой банды, чувак, вот почему - наверное я заговорила или согласилась слишком рано, ты кажется уже не так уверен" (смеясь увидев как я все взвешиваю). - "Но я лишь обдумываю практические проблемы." - "Тем не менее если б я сказала "может быть" спорим - уууу как хорошо," целуя меня - серый день, красный свет лампочки, я никогда не слышал подобной истории от подобной души кроме тех великих людей которых знал в юности, великих героев Америки с

которыми мы были корешами, с которыми я искал вместе приключений и садился в тюрьму и кого знал рваными рассветами, мальчишек битых на бордюрах узревших символы в переполненной канаве, Рембо и Верленов Америки с Таймс-Сквер, пацанов - ни одна девчонка ни разу не тронула меня историей духовного страдания и столь прекрасно виднелась душа ее лучистая как ангел скитающийся по преисподней а преисподняя те же самые улицы по которым шлялся и я сам наблюдая, ища кого-то как она и никогда и не мечтая о тьме и тайне и неизбежности нашей встречи в вечности, громадность ее лица сейчас словно внезапная голова Тигра на плакате поодаль на дощатом заборе дымной свалки утром в субботу когда нет школы, непосредственная, прекрасная, безумная, под дождем. - Мы обнялись, мы прижимались тесно - сейчас это было как любовь, я был изумлен - у нас получилось в гостиной, с радостью, в креслах, на постели, спали сплетаясь, удовлетворенные - я покажу ей больше сексуальности

Мы проснулись поздно, она не пошла к своему психоаналитику, она "просохатила" свой день и когда Адам вернулся домой и увидел нас в кресле снова по-прежнему разговаривающими а весь дом замусоренным (кофейные чашки, крошки пирожных что я купил на трагичном Бродвее в серой итальянскости которая так походила на потерянную индейскость Марду, трагическое Америко-Фриско с его серыми заборами, мрачными тротуарами, парадными промозглости, которое я из маленького городка и только-только из солнечной Флориды Восточного Побережья находил таким пугающим). - "Марду, ты просохатила свою стрелу с терапевтом, в самом деле Лео тебе должно быть стыдно и ты должен ощущать немножко ответственности в конце концов..." "Ты имеешь в виду что я заставляю ее пускать по бороде обязанности... Я бывало делал так со всеми своими девчонками... ах ей будет полезно пропустить разок" (не зная всей ее необходимости). - Адам почти шутливо но и вполне серьезно: "Марду ты должна написать письмо или же позвонить почему б тебе прямо сейчас ему не позвонить?" "Это докторша, в городской и районной." - "Так позвони сейчас, вот тебе монетка." - "Но я могу и завтра это сделать, ведь уже слишком поздно." - "Откуда ты знаешь что уже слишком поздно - нет в самом деле, ты сегодня действительно облажалась, и ты тоже Лео ты ужасно виноват крысеньш." А затем веселенький ужин, две девчонки пришли снаружи (серого сумасшедшего наружи) к нам, одна свеженькая после переезда через всю землю из Нью-Йорка с Бадди Пондом, куколка такая лос-анжелесского хипового типа с короткой стрижкой которая немедленно занырнула в грязную кухню и приготовила всем восхитительный ужин суп из черной фасоли (вс° из банок) с еще кое-какой

бакалеей пока другая девчонка, Адама, трепалась по телефону а Марду и я сидели виновато, смурно в кухне допивая выдохшееся пиво и думая что может Адам и не прав на самом деле по части того что следует сделать, как следует взять себя в руки, но наши истории уже рассказаны, наша любовь упрочилась, и что-то печальное прокралось в глаза нам обоим - вечер продолжался веселеньким ужином, мы впятером, девчонка с короткой стрижкой позже сказала что я был так прекрасен что она не смела взглянуть (что впоследствии оказалось присловьем Восточного Побережья у нее и у Бадди Понда), "прекрасен" так меня изумило, невероятно, но должно быть произвело впечатление на Марду, которая в любом случае за ужином ревновала из-за девчонкиных знаков внимания ко мне и потом так и сказала - мое положение так воздушно, уверенно - и мы все поехали кататься в ее импортной машине с откидным верхом, по тепер уже пустеющим улицам Фриско не серым а открывающим мягко жарко красные в небе между домов Марду и я откинулись назад на открытом заднем сиденье врубаясь в них, мягкие оттенки, обсуждая их, держась за руки - те впереди как веселая молодая международная парижская тусовка едущая через город, девчонка с короткими волосами внушительно рулила, Адам показывал пальцем - ехали навестить какого-то парня с Русского Холма собиравшего вещи на нью-йоркский поезд и судно во Францию где по несколько пив, светская болтовня, позже толпой пешком вместе с Бадди Пондом к какому-то другу-литератору Адама Эйлуорду Такому-то-и-такому известному своими диалогами в Текущем Обзоре, владельцу великолепнейшей библиотеки, потом за угол к (как я сказал Эйлуорду) величайшему остроумцу Америки Чарльзу Бернаруду, у которого был джин, и к старому седому гомику, и к остальным, и на всяческие подобные вечеринки, закончив поздно ночью когда я сделал первую глупую ошибку в своей жизни и любви с Марду, отказавшись идти домой со всеми остальными в 3 часа утра, настаивая, хоть и по приглашению Чарли, остаться до рассвета смотреть его порнографические (гомо мужские сексуальные) картинки и слушать пластинки Марлен Дитрих, с Эйлуордом - остальные уходили, Марду устала и слишком много выпила кротко глядя на меня и не протестуя и видя какой я был, пьянь на самом деле, всегда допоздна, всегда за чужой счет, громогласный, дурной - но любя теперь меня поэтому и не жалуясь и шлепая по всей кухне своими босыми смуглыми ножками в сандалиях за мною пока мы смешивали напитки и даже когда Бернард заявляет что она украла одну порнографическую открытку (поскольку она в ванной а он говорит мне доверительно: "Дорогой мой, я видел как она сунула ее в карман, набедренный в смысле

нагрудный") поэтому когда она выходит из ванной то что-то такое ощущает, вокруг нее педаки, странный пьяница с которым она, она не жалуется - первое из столь многих унижений нагроможденных на нее, не на ее способность к страданию но беспричинно на ее маленькие женские гордости. - Ах мне не следовало так поступать, заниматься лажей, длинный список попоек и пьянок и загулов и все разы когда я наезжал на нее, последняя встряска когда в такси вместе она настаивает чтобы я отвез ее домой (спать) а сам могу идти увидеться с Сэмом один (в баре) но я выскакиваю из машины, безумно ("Я никогда не видела ничего более маниакального"), и бегу в другое такси и срываюсь прочь, оставив ее в ночи - поэтому когда Юрий ломится к ней в дверь на следующую ночь, а меня нигде нет, а он пьяный и лезет, и прыгает на нее как он это обычно и делал, она уступила, она уступила - она сдалась - забегая вперед в рассказе, сразу же называя по имени своего врага - боль, почему должен "сладкий таран их броска в любви" который на самом деле не имеет никакого отношения ко мне ни во времени ни в пространстве, быть как кинжал у меня в горле?

Проснувшись, затем, после веселья, в Небесном Переулке, снова у меня пивной кошмар (теперь еще и немного джина) и с угрызениями и снова почти и теперь уже безо всякой причины отвращение маленькие беленькие частички-шерстинки от подушки набившиеся ей в черные почти проволочные волосы, и ее припухшие скулы и маленькие припухшие губы, мрак и сырость Небесного Переулка, и еще раз "Надо идти домой, исправиться" - как будто никогда я не был с нею прям, а жульничал - никогда не вдали от своей химерической рабочей комнаты и удобного дома, в чужой серости всемирного города, в состоянии БЛАГОПОЛУЧИЯ... "Но почему тебе вечно хочется срываться так скоро?" - "Наверное чувство благополучия дома, то что мне нужно, быть правильным - как..." "Я знаю бэби - но я мне не хватает тебя так что я ревную что у тебя есть дом и мать которая гладит тебе одежду и все такое а у меня нет..." "Когда мне вернуться, в пятницу вечером?" - "Но бэби тебе решать - сам говори когда." - "Но скажи чего ТЫ хочешь." - "Но от меня этого не требуется." - "Но что ты имеешь в виду не требуется?" "Это как говорится - об - ох, да не знаю я" (вздыхая, переворачиваясь в постели, прячась, зарывая маленькое виноградное тельце целиком, поэтому я подхожу, переворачиваю ее, хлопаюсь на постель, целую прямую что сбегает с ее грудной кости, углубление там, прямо, вниз до самого пупка где она становится бесконечно малой линией и продолжается как будто прочерченная карандашом дальше вниз а затем длится так же прямо под низ, и

необходимо ли человеку получать благополучие из истории и мысли как она сама сказала когда у него есть это, сущность, но все же). - Тяжесть моей нужды пойти домой, мои невротические страхи, похмелья, ужасы - "Мне не надо было - нам не стоило переться к Бернарду вообще вчера ночью - по крайней мере надо было пойти домой в три вместе со всеми." - "Я так и говорю бэби - но Боже" (смеясь со всхлипываньем и смешно изображая маленький голос еле ворочающий языком) "ты никада ни делаишш шшо я прашшу." "Оо прости меня - я тебя люблю - ты меня любишь?" - "Чувак," смеясь, "о чем это ты" - глядя на меня с опаской - "Я о том чувствуешь ли ты ко мне расположение?" хоть она и обхватила уже смуглой ручкой мою напряженную большую шею. - "Естественно бэби." - "Но что за - ?" Я хочу спросить все, не могу, не знаю как, какова тайна того что я хочу от тебя, что такое мужчина или женщина, любовь, что я имею в виду под любовью или почему мне обязательно нужно упираться и спрашивать и почему я ухожу и бросаю тебя потому что в твоей бедной убогой квартирке - "Это меня это место угнетает - дома я сижу во дворе под деревьями кормлю кота." - "Ох чувак я знаю что здесь душно - хочешь я подниму жалюзи?" - "Нет тебя все увидят - я буду так рад когда лето кончится - когда я получу те бабки и мы поедем в Мексику." - "Ну чувак, давай как ты говорил поедем сей-час на те деньги которые у тебя есть сейчас, ты говоришь мы в самом деле можем это сделать." - "Ладно! ладно!" мысль набирающая силу у меня в мозгу пока я делаю несколько долгих глотков выдохшегося пива и обдумываю глинобитную хижину скажем за Тексоко за пять долларов в месяц и мы идем на рынок ранним росистым утром она в своих сандалиях на милых смуглых ножках шлепая как жена как Руфь следуя за мною, мы приходим, покупаем апельсины, нагружаемся хлебом, даже вином, местным вином, мы идем домой и готовим чистенько на нашей маленькой плитке, мы сидим вместе за кофе записывая свои сны, анализируя их, мы занимаемся любовью на нашей маленькой постельке. - Вот мы с Марду сидим там обговаривая это все, грезим, одна большая фантазия - "Ну чувак," с зубками выпирающими смехом, "КОГДА мы это сделаем - типа это было таким маленьким съездом все наши взаимоотношения, все эти нерешительные облака и планирование - Боже." "Может нам следует подождать пока я не получу эти гонорарные башли ага! в натуре! так будет лучше, потому что так мы сможем купить пишущую машинку и трехскоростной вертак и пластинок Джерри Маллигэна и одежды для тебя и всего что нам нужно, типа того как сейчас мы ничего не можем." - "Угу - не знаю" (раздумывая) "Чувак ты знаешь у меня глаз никак не лежит на эти истерические дела бедности" -

(утверждения такой внезапной силы и хипоты что я бешусь и иду домой и размышляю над ними много дней). "Когда ты вернешься?" - "Ну ладно, тогда давай в четверг." - "Но если ты в самом деле хочешь в пятницу - не позволяй мне мешать тебе работать, бэби - может лучше если тебе уходить на подольше." - "После того что ты - О я люблю тебя - ты..." Я раздеваюсь и остаюсь еще на три часа, и ухожу виновато поскольку благополучие, ощущение того что я должен бы принесено в жертву, пусть в жертву здоровой любви, что-то во мне нездоровое, утраченное, страхи - к тому же я понимаю что не дал Марду монетки, хлеба в буквальном смысле, одну болтовню, объятья, поцелуи, я покидаю дом а ее чек пособия по безработице до сих пор не пришел и ей было нечего есть - "Что ты будешь есть?" - "О у меня еще остались банки - или может схожу к Адаму - но мне не хочется ходить туда слишком часто - я чувствую он теперь меня презирает, ваша дружба была, я вмешалась в то некое что-то которое у вас вроде..." "Никуда ты не вмешалась." - "Но тут кое-что еще - я не хочу выходить наружу, я хочу остаться внутри, никого не видеть" - "Даже меня?" - "Даже тебя, иногда Боже я так вот чувствую." - "Ах Марду я весь в смятении - я не могу решить - нам следует что-то сделать вместе - я знаю что, я устроюсь работать на железную дорогу и мы станем жить вместе..." вот новая великая мысль.

(А Чарльз Бернارد, огромность этого имени в космогонии моего мозга, герой прустовского прошлого в общей схеме какой я знал ее, только-лишь-фрискинской ветви ее, Чарльз Бернارد который был возлюбленным Джейн, Джейн которую застрелил Фрэнк, Джейн с которой жил я, лучшей подруги Мари, холодными зимними дождливыми ночами когда Чарльз ходил по всему студгородку говоря что-нибудь остроумное, великие нетленки почтинездешнезвучащие фантомообразные и неинтересные если вообще достоверные но истинное положение и насущная до зуда важность не только Чарльза но и доброй дюжины остальных в световой сетке моего мозга, поэтому Марду видимая в этом свете, это маленькое коричневое тело в постели с серыми простынями в трущобах Телеграфного Холма, громадная фигура в истории ночи да но лишь одна среди многих, сексуальность РАБОТЫ - тоже внезапная животная радость пива когда видения великих слов в ритмическом порядке все в одной гигантской архангельской книге с ревом проходят сквозь мой мозг поэтому я лежу в темноте тоже видя тоже слыша жаргон будущих миров - дамажехе элеоут экеке дхдкдк длдоуд, ---д, экеоэу дхдхдкхгыт - лучше не больше чем лтхер эхе тхе макм^орфи из того дсадикат то которое он странно он делает мдоудлткдип - басееаатра - плохие примеры из-за механических

ограничений машинописи, потока речных звуков, слов, темных, уводящих к будущему и удостоверяющих безумие, пустоту, звон и рев моего разума кой благословен или неблагословен суть где деревья поют - на смешном ветру - благосостояние верит он отправится на небеса - слова мудрым хватит - "Ловкие Спятели," написал Аллен Гинзберг.)

Причина почему я не пошел домой в 3 часа утра - и пример.

2

Сперва я сомневался, поскольку она была негритянкой, поскольку она была неряхой (вечно откладывая все до завтра, неприбранная комната, нестиранные простыни - да Господи ты Боже мой дались мне эти простыни) сомневался поскольку знал что она была всерьез помешана прежде и снова запросто могла стать и одна из первых вещей что мы сделали, в самые первые ночи, она пошла в ванную голый по запущенному коридору но дверь ее комнаты со странным скрипом как он прозвучал для меня (улетевшего по чаю) как бы внезапно кто-то подошел и стоял на лестничной клетке (типа может Гонзалес мексиканец типа бича или тусовщика вроде голубоватого такого который постоянно к ней наведывался по старой памяти о дружбе которая была у нее с какими-то пачуками из Трэйси чтоб выхарить у нее каких-нибудь 7 центиков или стрелнуть пару сигареток причем постоянно обычно когда ей было хуже некуда, иногда даже чтобы забрать наличные пузырьки), думая что это должно быть он, или же кто-нибудь из подземных, в коридоре спрашивает "С тобой кто-нибудь есть?" и она голая, как ни в чем ни бывало, и совсем как в переулке просто стоит там и говорит: "Не-е чувак, приходи завтра я занята я не одна," такой у меня чайный глюк пока я там лежал, поскольку в стонскрипе двери был такой вот стон голосов, поэтому когда она вернулась из туалета я ей об этом рассказал (все равно рассуждая честно) (и веря что это в самом деле было так, почти так, и по-прежнему веря в то что она активно безумна, как на заборе в переулке) но когда она услышала мое признание то ответила что чуть не поехала снова и испугалась за меня и чуть не вскочила и не выскочила прочь - по вот таким вот причинам, безумия, возобновляющиеся возможности для еще большего безумия, у меня были мои "сомнения" мои мужские скрываемые внутри сомнения по части ее, поэтому рассуждал: "Я просто в какое-то время отвалю и найду себе другую девчонку, белую, белые бедра и т. д., а это был великолепный роман и надеюсь я не причиню ей боли." - Ха! - сомнения поскольку она неаккуратно готовила и никогда не мыла тарелки сразу, что сначала мне не понравилось а затем я начал потихонечку видеть что на самом деле готовит она отнюдь не неряшливо и тарелки моет через некоторое время а когда ей

было шесть лет (сказала она мне позже) ее заставляли мыть посуду за всей семьей ее дядьки-тирана и мало того все время заставляли выходить в переулок темной ночью с мусорным ведром каждую ночь в одно и то же время где она была убеждена одно и то же привидение поджидало ее - сомненья, сомненья - которых нет теперь у меня в роскоши минувшего. - Что это за роскошь знать что теперь я хочу ее навсегда к своей груди мою награду мою единственную женщину которую я буду защищать от всех Юриев и от кого бы там ни было собственными кулаками и всем чем угодно, ее время пришло заявить о своей независимости, объявив, всего лишь вчера когда я начал это слезокнижие: "Я хочу быть свободной биксой со средствами и рассекать везде." - "Ага, познавать и трахать всех подряд, Бродяжка," думаю я, бредя прочь от того когда мы - я стоял на автобусной остановке на пронизывающем ветру а там было много мужчин и вместо того чтобы стоять рядом со мною она побрела прочь в смешном красном плащике и черных брючках и зашла в двери обувного магазина (ВСЕГДА ДЕЛАЙ ТО ЧТО ХОЧЕШЬ СДЕЛАТЬ НИЧЕГО НЕ НРАВИТСЯ МНЕ БОЛЬШЕ ЧЕМ ПАРЕНЬ КОТОРЫЙ ДЕЛАЕТ ЧТО ХОЧЕТ, всегда говорил Лерой) поэтому я иду за нею неохотно думая: "Она действительно бродяжка ну ее к черту найду себе другую биксу" (ослабевая в этом месте как читатель может догадаться по тону) но выясняется что она знала что на мне только рубашка а майки нет и значит лучше стоять там где нет ветра, рассказав мне позже, осознание того что она не разговаривала ни с кем голой в коридоре как и того что она не бродяжка а уходила чтоб увести меня туда где теплее ждать, что это было не больше чем дерьмо, по-прежнему не производившее никакого впечатления на мой жадный впечатлительный готовый творить конструировать уничтожать и умирать мозг - как станет видно по огромной конструкции ревности которую я позже из сновидения и по причинам самораздирания воссоздал... Будьте ко мне снисходительны все любовники читатели кто страдал от мук, будьте ко мне снисходительны мужчины кто понимает что моря черноты в глазах темноглазой женщины это одинокое море само по себе а станете ли вы просить море объяснить само себя, или спрашивать женщину почему она накрест складывает руки над розой на коленях? нет...

Сомненья, следовательно, о том что, ну, Марду негритянка, естественно не только моя мать но и моя сестра с которыми мне может придется когда-нибудь жить вместе и ее муж южанин и все кого это касается, ужаснутся до смерти и не захотят иметь с нами ничего общего - типа это будет совершенно препятствовать возможности жить на Юге, как в том фолкнеровском поместье со столбами фасада в лунном свете Старого

Дедушки что я так долго воображал себе и вот он я с Доктором Уайтли выдвигаю ящик своего бюро и мы пьем за великие книги а снаружи паутина на соснах и старые мулы топают по мягким дорогам, что бы они сказали если б моя жена-помещица оказалась черной чероки, это бы обрезало мне жизнь напополам, и всякие такие разнообразные ужасные американские то есть как бы бело-амбициозные мысли или белые грезы. - Сомнения в изобилии к тому же и о самом ее теле, опять-таки, и неким смешным образом на самом деле успокивающе для ее любви так удивительно что даже сам я не мог в это поверить, я увидел это при свете одной игривой ночью поэтому я - идя по Филлмору она настояла чтобы мы признались во всем что скрывали эту первую неделю наших отношений, для того чтобы увидеть и понять и я выдал свое первое признание, с запинкой: "Я думал что увидел какую-то черную штуку которой раньше никогда не видал, болталась, типа это меня напугало" (смеясь) - слышать такое должно быть пронзило ей сердце, мне показалось я почувствовал в ней какой-то шок рядом со мною пока она шла я разглашал эту тайную мысль - но позднее в доме со включенным светом мы оба по-детски исследовали упомянутое тело и смотрели внимательно и оно не было чем-то злокачественным и полным гнилостных соков а просто иссиня-темным как и во всех женщинах и я на самом деле и истинно убедился действительно увидев своими глазами и изучив с нею вместе - но поскольку это было сомнением в котором я признался, оно разогрело ей сердце ко мне и заставило увидеть что в основе своей я никогда не стану змейски прятать ни самого дальнего, ни - но к чему защищать, я не могу уже вообще никак начать понимать кто я или что я, моя любовь к Марду полностью отъединила меня от каких бы то ни было предыдущих фантазий ценных и наоборот - Тем что следовательно удерживало эти всплески сомнений от того чтобы они одержали верх в моих поступках касающихся ее было осознание не только того что она сексуальна и мила и хороша для меня и я представлял довольно-таки фигуру с нею на Пляже в любом случае (и в некотором смысле к тому же срезая подземных которые чем дальше тем холоднее смотрели в мою сторону у Данте и на улице по естественным причинам того что я забрал себе их кукольную игрушку и одну из в самом деле если не самых блестящих чувих в пределах досягаемости) - Адам тоже говорил: "Вы хорошо подходите друг другу и для тебя это хорошо," будучи в то время да и до сих пор моим художественным и родительским руководителем - не только это но и, трудно признаться, показать сколь абстрактна жизнь в городе Болтающего Класса к которому все мы принадлежим, к Болтающему Классу

пытающемуся рационализировать себя я полагаю от в самом деле низменного почти развратного похотливого материализма - то было чтение, внезапное просветленное радостное изумительное открытие Вильгельма Райха, его книги Функция Оргазма, ясность какой я очень давно не видел, возможно даже с самой ясности личной современной скорби Селина, или, скажем, ясности разума Кармоди в 1945 году когда я впервые сидел у его ног, ясности поэтического искусства Вулфа (в 19 это было для меня ясностью), ясность здесь однако была научной, германской, прекрасной, истинной - нечто которое я знал всегда и в самом деле тесно соединял со своим внезапным понятием 1948 года что единственно действительно имеет значение только любовь, влюбленные ходят взад и вперед под сенью ветвей Мирового Арденского Леса, увеличенного здесь и в то же время микрокосмированного и направленного и по-мужски входящего в: оргазм - рефлекс оргазма - невозможно быть здоровым без нормальной половой любви и оргазма - Я не стану пускаться в теорию Райха поскольку ее можно найти в его собственной книге - но в то же время Марду не переставала повторять "О прекрати натягивать на меня в постели этого своего Райха, читала я его чертову книжку, не хочу я чтобы то что ОН сказал разлиновывало и заябывало наши отношения," (и я заметил что все подземные и практически все интеллектуалы которых я знал в самом деле наистраннейшим образом всегда принижали Райха если не с самого начала, то через некоторое время) - а помимо этого, Марду не достигала оргазма из нормального совокупления а только через некоторое время от стимуляции применяемой мною самим (старый трюк которому я научился с предыдущей фригидной женой) поэтому не столь уж великим было с моей стороны заставить ее кончить но как она в конце концов лишь вчера сказала "Ты делаешь это только ради того чтобы доставить мне удовольствие кончить, ты такой добрый," что оказалось утверждением в которое нам обоим вдруг стало трудно поверить и которое возникло следом за ее "Я думаю нам следует расстаться, мы никогда ничего вместе не делаем, и я хочу быть независ..." так вот значит сомнения что были у меня по части Марду, что я великий Финн Макпоссипи должен взять ее себе в жены на долгую любовь здесь там или где бы то ни было и со всеми возражениями которые моя семья, в особенности на самом деле но мило но тем не менее на самом деле тираничная (из-за моего субъективного взгляда на нее и на ее влияние) власть моей мамы надо мной - власть или что там еще может быть. - "Лео, я не думаю что для тебя хорошо постоянно жить со своей матерью," Марду, утверждение которое в моей первоначальной уверенности заставило меня подумать: "Ну естественно она, она просто

ревнует, своей родни-то у нее нет, и она одна из тех современных психоанализированных людей которые все равно ненавидят матерей" - вслух говоря: "Я в самом деле по-настоящему люблю ее и тебя тоже люблю и неужели ты не видишь как сильно я стараюсь проводить свое время, делить свое время между вами двоими - там моя писательская работа, мое благосостояние и когда она возвращается вечером домой с работы, усталая, из магазина, не забывай, мне очень хорошо готовить ей ужин, ужинать и мартини наготове когда она должна войти в дом поэтому к 8 часам вся посуда вымыта, видишь, и у нее остается больше времени смотреть свое телевидение - чтобы купить ей которое я шесть месяцев работал на железной дороге, видишь." - "Что ж ты многое для нее сделал," и Адам Мурэд (которого моя мама считала безумным и злым) тоже как-то однажды сказал "Ты в самом деле много для нее сделал, Лео, забудь ее ненадолго, у тебя есть своя жизнь чтобы жить," что в точности всегда говорила мне моя мама во тьме ночи Южного Сан-Франциско когда мы расслаблялись с Томами Коллинзами под луною и к нам заходили соседки: "У тебя своя жизнь, я не стану вмешиваться, Ти Лео, ни во что что ты хочешь делать, тебе решать, разумеется я против не буду," а я сидя там хамски понимая что все это я, одна большая субъективная фантазия что я в самом деле нужен своей матери и она умрет если меня рядом не будет, и тем не менее имея полное брюхо набитое другими рациональными обоснованиями позволяющими мне дважды или трижды в год срывать в гигантские путешествия в Мехико или в Нью-Йорк или на Панамский Канал на судах - Миллион сомнений о Марду, теперь уже рассеянных, теперь (и даже без помощи Райха который показывает как жизнь это просто мужчина входящий в женщину и трение их двоих в мягкой - этой сущности, этой звенящей сущности - нечто заставляющее меня сейчас почти что так рассвирепеть что хочется орать: У МЕНЯ ЕСТЬ МОЯ СОБСТВЕННАЯ МАЛЕНЬКАЯ УРЕЗАННАЯ СУЩНОСТЬ И ЭТА СУЩНОСТЬ ОСОЗНАНИЕ РАЗУМА -) теперь уже нет больше сомнений. Даже, тысячу раз, я даже не помня об этом позже спрашивал ее действительно ли она украла порнографическую открытку у Бернарда и в последний раз она наконец взорвалась "Но я же твердила и твердила тебе, раз восемь уже, не брала я ту открытку и я говорила тебе еще тыщу раз у меня нет даже не было даже карманов ни единого в том костюме который был на мне в ту ночь - вообще никаких карманов," и все равно никак не оставляло впечатления (в лихорадочном безрассудном мозгу меня) то что это Бернард вот кто теперь действительно спятил, это Бернард постарел и у него развился некий персональный прискорбный пунктик, обвинять других в

воровстве, на полном серьезе - "Лео разве ты не видишь а все продолжаешь спрашивать" - и это последнее глубочайшее окончательное сомнение которого я хотел по части Марду что она на самом деле воровка в некотором роде и следовательно намеревается украсть мое сердце, мое сердце белого человека, негритянка крадущаяся по миру украдкой крадя святых белых людей для священных ритуалов попозже когда их зажарят и они надоедят (вспоминая рассказ Теннеси Уильямса про негритянку-служительницу в турецких банях и маленького белого педика) поскольку, не только Росс Валленстайн назвал меня в лицо педом - "Чувак ты что, голубой? тебя послушать так ты вылитый педак," сказав это после того как я ему сказал с тем что я надеялся было культурными интонациями: "Ты на колесах сегодня вечером? тебе следует попробовать три как-нибудь, они наглухо тебя вставят, и пивом догонись, но четыре не принимай, только три," это оскорбило его до глубины души, поскольку он хипстер-ветеран Пляжа и для любого особенно для наглого новичка крадущего Марду из его компании и в то же время похожего на громилу с репутацией великого писателя, чего он не видел, по единственной напечатанной книге - вся эта катавасия, Марду становится негритянкой-банщицей с крутыми бабками, а я маленький педик разбившийся вдребезги в своем любовном романе и которого теперь несут к бухте в джутовом мешке, чтобы разбросать там осколок за осколком и одну переломанную косточку за другой рыбам если там еще есть рыба в этой печальной воде) - поэтому она похитит мою душу и съест ее - вот значит повторяла мне тысячу раз: "Не краля я эту открытку и уверена что Эйлуорд какеготам тоже нет и ты нет это просто Бернад, у него там просто какой-то фетиш" - Но это так и не запечатлелось и оставалось до последнего, вот только что ночью, раза это глубочайшее сомнение о ней возникающее к тому же и из времени, (о котором она мне рассказала) она жила на хате у Джека Стина в сумасшедшей мансарде на Коннектикут-Стрит рядом с залами морских собраний, впотьмах, сидела перед его чемоданом целый час раздумывая заглянуть ли ей внутрь чтобы посмотреть что у него там, затем Джек вернулся домой и стал в нем рыться и подумал или увидел что там чего-то не хватает и сказал, зловещий, угрюмый: "Ты лазила ко мне в сумку?" и она чуть не подпрыгнула и не закричала ДА потому что она ЛАЗИЛА - "Чувак я туда лазила, в Мыслях, лазила в этой сумке весь день как вдруг он смотрит на меня, таким взглядом - я чуть не поехала" - Эта история тоже не запечатлеваясь в моем закоснелом охваченном паранойей мозгу, поэтому два месяца я ходил везде и думал о том что она мне сказала: "Да, я действительно лазила в его сумку но ничего конечно не взяла," но так я увидел что она соврала Джеку Стину

в реальности - но в реальности теперь, по фактам, она лишь думала это сделать, и так далее - моим сомнениям всем им торопливо способно помогла неудержимая паранойя, которая и есть на самом деле мое признание - сомнения, стало быть, все исчезли.

Ибо теперь я хочу Марду - она только что сказала мне что полгода назад в ее душе глубоко пустила корни болезнь, и уже навсегда - разве не сделало это ее еще прекраснее? - Но я хочу Марду - потому что вижу как она стоит, в своих черных вельветовых брючках, руки-в-карманах, худенькая, сутулая, сигочка болтается в губах, сам дымок заворачивается вверх, ее маленькие черные волосы на затылке короткой стрижки зачесаны тонко и гладко, ее помада, бледнокоричневая кожа, темные глаза, то как тени играют на ее высоких скулах, носу, маленькая мягкая форма ее подбородка к шее, маленькое адамово яблоко, такая хиповая, такая сдержанно-четкая, такая прекрасная, такая современная, такая новая, такая недостижимая для грустного мешкоштанного меня в моей хижине в лесной глухомани - я хочу ее из-за того как она передразнивала Джека Стина в тот раз на улице и это изумило меня так сильно но Адам Мурэд оставался серьезен наблюдая как она его передразнивает как будто может был слишком поглощен самой этой штукой, или просто скептичен, но она откололась от двух человек с которыми шла и обогнала их явив походку (посреди толп) мягкое покачивание рук, широкие четкие шаги, остановку на углу немного там поболтаться подняв лицо к птицам с типа как я уже говорил видом венского философа но видеть как она это делает, притом в совершенстве, (как я видел как он в самом деле шел через парк), сам факт ее - я люблю ее но эта песня... сломана - но теперь по-французски... по-французски я могу воспевать ее дальше и дальше....

Наши маленькие удовольствия дома ночью, она ест апельсин, она слишком шумно высасывает его

Когда я смеюсь она смотрит на меня маленькими круглыми черными глазами которые прячутся под веками потому что она смеется тяжело (искажая все свое лицо, обнажая зубки, освещая все везде) (первый раз когда я ее увидел, у Ларри О'Хары, в уголке, я помню, я приблизил свое лицо к ее чтобы поговорить о книгах, она обернулась ко мне близко-близко, то был океан всего тающего и тонущего, я мог бы плыть в нем, я боялся всего этого богатства и смотрел в другую сторону)

Со своим розовым платком который она всегда повязывает на голову ради удовольствий постели, как цыганка, розовым, а потом пурпурным, и маленькие волоски опадают черным с фосфоресцентного пурпура на ее челе коричневом как дерево

Ее небольшие глаза шевелятся как кошки

Мы ставим Джерри Маллигэна громко когда он приезжает посреди ночи, она слушает и грызет ногти, ее голова медленно покачивается из стороны в сторону как у монахини глубоко в молитве

Когда она курит то подносит сигарету ко рту и сощуривается

Она читает до серой зари, подперев голову одной рукой, Дон Кихота, Пруста, что угодно

Мы ложимся, смотрим серьезно друг на друга ничего не говоря, голова к голове на подушке

Временами когда она говорит а моя голова ниже ее лица на подушке и я вижу линию ее подбородка ямочку женщину в ее шее, я вижу ее глубоко, богато, шею, глубокий подбородок, я знаю что она одна из самых оженствованных женщин которых я видел, брюнетка вечности непостижимо прекрасной и навечно печальной, глубокой, спокойной

Когда я настагаю ее в доме, маленькую, сжимаю ее, она пронзительно вскрикивает, щекочет меня яростно, я смеюсь, она смеется, ее глаза сияют, она колотит меня кулачком, ей хочется избить меня хлыстом, она говорит что я ей нравлюсь

Я прячусь с нею вместе в тайном домике ночи

Заря застает нас мистическими под нашими покрывами, сердцем к сердцу

"Сестра моя!" подумал я вдруг когда впервые увидел ее

Свет гаснет.

Грезы дневные вот она и я раскланиваемся на больших приемах феллахов с коктейлями как-то с блистающими Парижами на горизонте и переднем плане - она пересекает длинные доски моего пола с улыбкой.

Вечно испытывая ее, что идет рука об руку с "сомнениями" - да уж сомненья - и мне бы хотелось обвинить себя в сволочизме - такие испытания кратко я могу назвать два, та ночь когда Ариаль Лавалина знаменитый молодой писатель вдруг стоял в Маске а я сидел с Кармоди теперь тоже знаменитыми писателем в каком-то смысле только что приехавшим из Северной Африки, Марду за углом у Данте рассекая взад и вперед по нашему всеобщему обыкновению, из бара в бар, и иногда она туда врывалась без спутников повидать Жюльенов и прочих - я заметил Лавалину и позвал его по имени и тот подошел. - Когда Марду зашла забрать меня и идти домой я не хотел уходить, я уперся в то что это самое важное литературное событие, встреча этих двоих (Кармоди замыслив со мною вместе за год до этого в темном Мехико когда мы жили нищо и битово а он торчал: "Напиши письмо Ральфу Лоури разужнай как мне

повстречаться с этим вот симпатичным Ариалем Лавалиной, чувак, посмотри только на эту фотку сзади на Признании Рима, ништяк какой а?" мои симпатии к нему в этом деле будучи личными и опять-таки как и Бернارد тоже гомик он был связан с легендой о моих собственных крутых мозгах которые были моей РАБОТОЙ, этой всепоглощающей работой, поэтому написал письмо и все такое) но теперь вдруг (после конечно никакого ответа из Искии и иначе всяких сплетен и определенно в такой же степени хорошо для меня по крайней мере) он стоял там и я узнал его с того вечера когда мы с ним встретились на балете в Мете когда я был в Нью-Йорке в смоке в котором рассекал вместе со своим редактором тоже в смокинге чтоб посмотреть на сверкающий ночной мир Нью-Йорка мир литературы и острого ума, и Леон Даниллиан, вот я и заорал "Ариаль Лавалина! иди сюда!" что он и сделал. - Когда пришла Марду я зашептал ликующе "Это Ариаль Лавалина безумно правда!" - "Ага чувак только я хочу домой." - А в те дни ее любовь означала для меня не больше чем то что у меня была милая удобная собачонка бегущая за мною по пятам (совсем как в моем подлинном скрытном мексиканском видении ее следующей за мною вниз по темным глинобитным улочкам трущоб Мехико на идущей со мною рядом а следующей за мной, как индейская женщина) я лишь приколотся и сказал "Но погоди, ты иди домой и подожди меня, я хочу врубиться в Ариалья а потом сразу домой." - "Но бэби ты же говорил так прошлой ночью и опоздал на два часа и ты не знаешь какую боль мне причиняет ждать." (Боль!) - "Я знаю но посмотри," и поэтому я пошел с нею вокруг квартала дабы убедить ее, и пьяный как обычно в одном месте чтобы доказать что-то встал на голову на мостовой Монтгомери или Клэй-Стрит и какие-то лохи проходили мимо, увидели это и сказали "Эт пральна" - наконец (она смеялась) засунув ее в такси, ехать домой, ждать меня - вернувшись к Лавалине и Кармоди кого ликующе и теперь в одиночку обратно в своем вселенском ночном подростковом литературном видении мира, с носом прижатым к оконному стеклу: "Вы только посмотрите сюда, Кармоди и Лавалина, великий Ариаль Лавалина хоть и не великий великий писатель как я однако такой же знаменитый и блистательный и т. д. вместе в Маске и это я это устроил и все завязано вместе, миф дождливой ночи, Мастер Псих, Разбитая Дорога, возвращаясь назад в 1949 и 1950 и все вещи великолепны замечательны Маска старых корок истории" - (вот мое чувство и я вхожу) и сажусь с ними и пью дальше - отправившись потом втроем в 13 Патер на лесбийскую точку по Колумбусу, Кармоди, улетевший, оставил нас кайфовать и мы сидели там, дальнейшее пиво, ужас невыразимый ужас меня самого внезапно

обнаружившего в себе нечто вроде возможно Уильяма Блейка или Сумасшедшей Джейн или на самом деле Кристофера Смарта алкогольное унижение хватая и целуя руку Ариалю и восклицая "О Ариаль дорогуша - ты будешь - ты так знаменит - ты писал так хорошо - я помню тебя - что - " что бы там ни было а теперь невоспоминаемо и пьяный угар, и вот он такой хорошоизвестный и совершенно очевидно гомосексуальный чистой воды, мой ревущий мозг - мы идем к нему в номер в каком-то отеле - Я просыпаюсь утром на тахте, наполненный первым ужасным признанием факта: "Я не вернулся к Марду вообще" поэтому в такси которое он для меня берет - я прошу пятьдесят центов но он дает мне доллар со словами "Ты мне должен доллар" и я вылетаю наружу и быстро иду под горячим солнцем лицо все разломано от кира и врываюсь к ней в Небесный Переулочек как раз когда она одевается идти к врачу. - Ах грустная Марду с темными глазками глядящими с болью и прождала всю ночь в темной постели и пьянящий мужик ухмыляется ей и я помчался вниз фактически сразу же за двумя банками пива чтобы все поправить ("Оттащить страшных гончих волос" сказал бы Старый Бык Баллон), поэтому пока она омывалась перед тем как выйти я вопил и куролесил - уснул, чтобы дождаться ее возвращения, которое случилось в конце дня просыпаясь лишь чтобы услышать крик чистых детей в закоулках внизу - ужас ужас, и решив: "Напишу-ка сразу письмо Лавалине," приложив к нему доллар и извиняясь за то что так надрался и вел себя так что ввел его в заблуждение - Марду вернулась, никаких упреков, только несколько чуть позже, и дни катятся и минуют и все-таки она прощает меня достаточно или смиренна достаточно вслед за падением моей разбивающейся звезды фактически чтобы написать мне, несколько ночей спустя, вот это письмо:

ДОРОГОЙ БЭБИ, Разве не хорошо знать что зима подходит - поскольку мы так много жаловались на жару а теперь жара спала, воцарилась прохлада, ее можно было ощутить в сером воздушном стоке Небесного Переулочка и в том как выглядело небо и ночи с более волнистым посверкиванием в уличных фонарях

- и что жизнь станет немножко поспокойнее - и ты будешь дома писать и хорошо кушать и мы будем проводить приятные ночи обернутые друг вокруг дружки - а ты сейчас дома отдохнувший и хорошо кушаешь потому что, тебе не следует слишком грустить

написано после, одной ночи, в Маске с нею и только что прибывшим и будущим врагом Юрием былым близким братушкой я вдруг сказал "Я чувствую себя невозможно грустно и типа я умру, что нам делать?" и Юрий предложил "Позвони Сэму" что, в своей грусти, я и сделал, да так

старательно, поскольку иначе он не обратил бы внимания будучи газетчиком и молодым папой и времени на приколы нет, но так старательно он принял нас, троицу, сразу же пригласив, из Маски, к себе на квартиру на Русском Холме, куда мы пошли, я напиваясь больше чем обычно, Сэм как всегда лупцую меня и приговаривая "Беда с тобой, Перспье," и "У тебя на дне твоего склада гнилые мешки," и "Вы кануки в натуре все похожи и я даже не верю что вы признаете это когда помирать станете" - Марду наблюдала развлекаясь, немножко пила, Сэм наконец, как всегда свалился мертвецки, но не всамделишне, мертвецки-желая, на маленький низенький столик покрытый в фут высотой пепельницами нагроможденными на три дюйма в высоту и напитками и всякими кнюсями, тресь, его жена, с младенцем только что из колыбельки, вздыхая одними глазами - Юрий, который не пил а лишь наблюдал бусиноглазо, после того как сказал мне в первый же день по своем приезде: "Знаешь Перспье ты мне теперь в самом деле нравишься, мне в самом деле хочется с тобой теперь общаться," что мне и следовало подозревать, в нем, как составляющее новый вид зловещего интереса к невинности моих занятий, которые существовали под именем, Марду

- потому что тебе не следует слишком грустить

было лишь милым замечанием оброненным Марду сердчишко которой разбить было очень легко про ту катастрофическую ужасную ночь - похожее на пример 2, тот что следовал за Лавалиной, ночь прекрасного мальчика фавна бывшего в постели с Мики за два года до этого на великой порочной дикой пьянке которую лично я организовал в те дни когда жил с Мики великолепной куколкой ревущей легендарной ночи, увидев его в Маске, и будучи вместе с Фрэнком Кармоди и всеми остальными, дергая его за рубашку, настаивая чтобы он пошел за нами по другим барам, везде за нами ходил, Марду наконец в расплыве и реве ночи вопя на меня "Или он или я черт побери," поскольку подземная помимо своего романа с Перспье но на самом деле не всерьез (сама она обычно не пьяница а горькая пьяница теперь) - она ушла, я слышал как она сказала "У нас вс°" но никогда ни на миг не верил в это и это было не так, она вернулась потом, я увидел ее вновь, мы покачались вместе, в очередной раз я был негодным мальчишкой и вновь нелепо как педик, это снова меня обеспокоило проснувшись в сером Небесном Переулке тем утром когда ревело пиво. - Вот признания человека, который не может пить. - И вот стало быть в ее письме говорилось:

потому что тебе не следует слишком грустить - и я чувствую себя лучше когда тебе хорошо

прощая, забывая все это печальное безрассудство когда все чего ей хочется делать: "Я не хочу идти никуда пить и напиваться со всякими твоими друзьями и продолжать ходить к Данте и видеть всех этих Жюльенов и всех остальных снова, я хочу чтобы мы остались тихо дома, послушали станцию КПФА и почитали или что-нибудь еще, или сходили в кино, бэби мне нравится в кино, на Маркет-Стрит, мне в самом деле нравятся фильмы." - "Но я ненавижу кино, жизнь интереснее!" (еще один облом) - в ее милом письме дальше:

Я полна странных чувств, переживая и перекраивая многое из старого - когда ей было 14 или 13 может быть она прогуливала школу в Окленде и садилась на паром ехала на Маркет-Стрит и проводила весь день в одной киношке, бродя вокруг ловя глюки фантазий, заглядывая во все глаза, маленькая негритянская девочка скитающаяся по шаркающей беспокойной улице алкашей, громил, сэмов (4), копов, шнырантов, безумная каша толпа там оглядывает заглядывает везде сексуальноозабоченная толпа и все это под серым дождиком прогульных дней - бедная Марду - "У меня бывали сексуальные фантазии страннейшего сорта, не половые акты с людьми а странные ситуации на которые я тратила целые часы чтобы понять что к чему пока гуляла, и мои оргазмы те немногие что у меня бывали наступали, потому что я никогда не мастурбировала и даже не знала как, когда мне снилось что мой отец или кто-то бросает меня, убегает от меня, я просыпалась с такой смешной конвульсией и во мне было влажно, в бедрах у меня, и на Маркет-Стрит так же по-другому и тревожные сны сплетенные из того что я видела в кино." - А я думал О серозкранный гангстер коктейльный дождливдень ревущий выстрел спектральное бессмертие киношка-развлекаловка груды шин черная-в-тумане Дикамерика но это сумасшедший мир! - "Милая" (громко) "вот бы я мог увидеть как ты гуляешь по Маркету вот так вот - спорим я и ВИДЕЛ тебя - спорим видел - тебе было тринадцать а мне двадцать два - 1944-й, ага спорим я тебя видел, я был моряком, я там всегда бывал, я знал все банды по всем барам..." Значит в ее письме говорится:

переживая и перекраивая многое из старого
вероятно переживая те дни и фантазии, и более ранние более грубые ужасы дома в Окленде где ее тетка истерически била ее или истерически пыталась а ее сестры (хоть и время от времени нежность к младшей сестренке типа обязательных поцелуйчиков перед сном и писанием друг у друга на спинах) третировали ее, и она бродя по улицам допоздна, глубоко в угрюмыслях и мужчины пытались сделать ее, темные мужчины из темных дверных проемов цветных кварталов - вот значит продолжая,

и чувствуя холод и успокоение даже посреди моих дурных предчувствий и страхов - которые ясные ночи утишают и обостряют и делают реальными ощутимыми и тогда с ними легче справиться

- сказано в самом деле с хорошеньким таким ритмом к тому же, так что я помню как восхищался ее разумностью даже тогда - но в то же время мрачней дома за своим столом благосостояния и думая: "Но справляться этим психоаналитическим справлянием, она говорит как и все они, городской декадентский интеллектуальный тупиковый в причине и следствии анализ и решение так называемых проблем вместо великой РАДОСТИ бытия и воли и бесстрашия - разрыв вот их восторг вот в чем ее беда, она совсем как Адам, как Жюльен, как все они, боятся безумия, страх безумия преследует ее - не Я Не Я ей-Богу"

Но к чему я пишу все это тебе. Но все чувства реальны и ты вероятно различаешь или чувствуешь тоже то что я говорю и почему мне необходимо написать это

- сантимент тайны и очарования - но, как я часто ей говорил, недостаточно деталей, детали вот жизнь всего этого, я настаиваю, скажи все что у тебя на уме, не таи ничего, не анализируй или чего-то там еще вот как у тебя катит, высказывай: "Вот (я теперь говорю при чтении письма) типичный пример - но ничего, она всего лишь девчонка - хм"

Мой образ тебя сейчас странен

- Я вижу ветвь этого утверждения, она покачивается на дереве

Я ощущаю отдаленность от тебя которую ты можешь почувствовать тоже что рисует мне тебя теплым и дружелюбным

и затем вставляет, помельче,

(и любящим)

чтобы устранить мое ощущение подавленности вероятно видя в письме от любимой одно лишь слово "дружелюбный" - но вся эта сложная фраза далее усложняется тем фактом что она представлена в первоначально написанной форме под отметками и добавлениями переписывания, что мне не так интересно, естественно - переписанное будучи

Я ощущаю отдаленность от тебя которую ты можешь почувствовать тоже что рисует мне тебя теплым и дружелюбным (и любящим)

- и из-за тревог которые мы испытываем но о которых никогда на самом деле не говорим, и похожих к тому

же

часть коммуникации заставляющая меня внезапно каким-то величием ее пера ощутить жалость к себе, видя себя как и ее потерянным в страдающем невежественном море человеческой жизни чувствуя даль от

нее кому следует быть ближе всех и не зная (нет не на этом свете) почему отдаленность вместо и есть это чувство, мы оба сплетены и потеряны в нем, как в море под водой

Я собираюсь спать чтоб видеть сны, чтобы проснуться

- намеки на наши занятия записью снов или рассказыванием снов когда просыпаешься, все в самом деле странные сны и (будущее покажет) дальнейшая мозговая связь которую мы осуществили, телепатуруя образы совместно закрытыми глазами, где это будет показано, все мысли встречаются в хрустальной жирондоли вечности - Джим - все же мне к тому же нравится ритм чтоб видеть сны, чтобы проснуться, и льщу себе у меня в любом случае ритмичная девчонка, на моем метафизическом домашнем столе

У тебя очень красивое лицо и мне нравится видеть его как я это делаю сейчас

- отголоски того замечания нью-йоркской девицы а теперь исходит от робкой покорной Марду не столь уж невероятно и я в действительности начинаю охорашиваться и верить в это (О покорная бумага букв, О время когда я сидел на бревне возле аэропорта Айдлуайлд в Нью-Йорке и наблюдал за вертолетом снижавшимся с почтой и пока я смотрел я видел улыбку всех ангелов земных что написали буквы упакованные в его грузовом отсеке, их улыбки, в особенности моей мамы, склоняющейся над милой бумагой и ручкой чтобы связаться по почте со своей дочерью, ангельская улыбка словно улыбки работниц на фабриках, всесветное блаженство ее и мужество и красота ее, признания коего факта мне не следует даже заслужить, относясь к Марду так как я к ней относился) (О простите меня ангелы небес и земли даже Росс Валленстайн попадет на небеса)

Прости мне союзы и двойные инфинитивы и не сказанное

- вновь я впечатлен и думаю, она тоже там, впервые само-осознает писание письма писателю

Я не знаю на самом деле что я хотела сказать но я хочу чтобы у тебя было несколько слов от меня утром в эту среду

а почта принесла его только гораздо позже, после того как я ее уже увидел, письмо утратило следовательно свое плотное воздействие на которое была надежда

Мы как два зверька удирающие в темные теплые норки и переживающие нашу боль поодиночке

- в это мгновение моя тупая фантазия о нас двоих (после того как все пьяницы мне осточертели и город осточертел) и появилась, хижина

посреди лесов на Миссиссиппи со мною, к чертям линчевателей, антипатии, поэтому я написал в ответ: "Я надеюсь ты под этой строчкой имела в виду (зверьки в темные теплые норки) ты окажешься той женщиной которая сможет в самом деле жить со мною в глубоком уединении лесов наконец и в то же время делать блистательные Парижи (вот оно) и стареть вместе со мной в моем особнячке мира" (вдруг видя себя этаким Уильямом Блейком с кроткой женою посреди Лондона ранним росистым утром, Крэбб Робинсон входит с какой-то еще граверной работой но Блейк блуждает в собственном видении Агнца за столом с остатками завтрака). - Ах прискорбная Марду и никогда ни мысли о том что бьется у тебя во лбу, который мне следует целовать, боль твоей собственной гордости, довольно 19-векового романтического общего трепя детали вот жизнь всего этого - (мужчина может вести себя глупо и превосходственно и изображать большую шишку 19 столетия доминирующую над женщиной но это ему не поможет когда дело близится к развязке - утрата которую дева вернет, она таится в ее глазах, ее будущая победа и сила - с его же губ мы не слышим ничего кроме "конечно же любви") - Ее заключительные слова прекрасный пастишпатисс, или пирожок, такого вот

Напиши мне что-нибудь Пожалуйста Пусть У Тебя Все Будет Хорошо Твой Друк И моя любовь И Ох навсегдасокрытыми вымарками> крестиков означающих конечно поцелуи> И С Любовью К Тебе МАРДУ

и самое жуткое, самое странное, центральнее всего - обведенное само по себе, слово, ПОЖАЛУЙСТА - ее последняя мольба о которой никто из нас и не подозревал - Отвечая на это письмо я сам тупой ерундою чушью собачьей возникающей во мне из гнева после инцидента с тележкой.

(И сегодня это письмо моя последняя надежда.)

Инцидент с тележкой начался, опять-таки как обычно, в Маске и у Данте, напиваясь, я зашел увидеть Марду с работы, мы были в пьянчужном настроении, по какой-то причине мне вдруг захотелось выпить красного бургундского вина которое пробовал с Фрэнком и Адамом и Юрием в предыдущее воскресенье - еще одним, и первым, достойным упоминания инцидентом, был - но вот где собака зарыта - СОН. Ох распроклятый сон! В котором видна ручная тележка, и все остальное напророченное. Это тоже после ночи сурового пьянства, ночи мальчика-фавна в красной рубашке - где все после разумеется говорили "Ты свалял дурака, Лео, у тебя и так уже на Пляже репутация гомика, дергающего всем известных пидаров за подолы рубашек." - "Но я же всего лишь хотел чтобы ты в него врубился." - "Все равно" (Адам) "на самом деле." - А Фрэнк: "Ты действительно зарабатываешь себе жуткую репутацию." - Я: "Мне плевать, помните 1948

год когда Сильвестр Штраус этот голубой композитор разозлился на меня за то что не хотел идти с ним в постель потому что он прочел мой роман и подверг его, он орал на меня: "Я про тебя все знаю и про твою ужасную репутацию." - "Что?" "Ты и этот твой Сэм Веддер шляетесь по всему Пляжу, снимаете моряков и даете им ширево а он их делает только затем чтобы кусаться, я про вас все слышал." - "Да где ты слышал эту фантастическую галиматью?" - ты знаешь эту историю, Фрэнк." - "Мне следовало вообразить" (Фрэнк смеется) "что со всем тем что ты делаешь прямо здесь в Маске, пьяный, при всех, если б я тебя не знал то поклялся бы что ты самый психованный и крутой пинч на свете" (типичное кармодиевское высказывание) а Адам "Это в самом деле так" - После ночи мальчика в красной рубашке, пьянящий, я спал с Марду и у меня был страшнейший кошмар, хуже некуда, там были все, весь мир собрался вокруг нашей постели, мы лежали на ней и все происходило. Покойная Джейн была там, у нее большая бутылка токайского была припрятана в комод у Марду для меня и она ее достала и нацедила мне здоровенный стакан и пролила из него много на постель (символ еще большего пьянства, грядущего вина) - и Фрэнк с нею - и Адам, который вышел за дверь на темную трагическую итальянскую улицу Телеграфного Холма с тележкой, спустившись по хилой деревянной лесенке Шатова где подземные "врубались в старого еврейского патриарха только что приехавшего из России" выполняющего какой-то ритуал бочонками котов с рыбьими головами (рыбы головы, в самый разгар жарких дней Марду держала рыбью голову для нашего сумасшедшего приبلудного котенка который был почти что человеком в своей настойчивости быть любимым его изгиб шеи и мурлыканье прямо в тебя, для него у нее была рыбья голова вонявшая так ужасно в почти безвоздушной ночи что я выкинул ее кусок в бочку внизу после того как сначала вышвырнул туда кусок склизких внутренностей на который в неведении наткнулся руками когда полез в темный ледник где лежал кусочек льда которым я хотел остудить свой сотерн, шлеп об большую мягкую массу, кишки или рот рыбы, оставшиеся в леднике после того как с рыбой было покончено я их выкинул, кусок зацепился за пожарную лестницу и провисел там всю жаркую ночь и вот значит утром просыпаясь меня стали кусать гигантские большие синие мухи слетевшиеся на рыбу, я был весь голый а они кусались как безумные, что меня достало, как доставали пушинки от подушки и я как-то увязал это с индейскостью Марду, рыбы головы ужасно неряшливая разделка рыбы, она ощущала мое раздражение но смеялась, ах птичка) - тот тупичок, там, во сне, Адам, а в доме, действительная комната и постель Марду и я весь

мир ревет вокруг нас, ошарашенно сидящих на задницах - Юрий тоже там, и когда я поворачиваю голову (после безымянных событий миллионносвернутых роев бабочек) вдруг он разлатывает Марду на кровати и извивается и обжимается яростно с нею - сначала я ничего не говорю - когда смотрю снова, они дальше-больше, я свирепею - начинаю просыпаться, как только бью Марду в затылок кулаком, после чего Юрий начинает тянуть ко мне руку - я просыпаюсь я размахиваюсь Юрием держа его за пятки о кирпичную стенку камина. - Проснувшись от этого сна я рассказал все Марду кроме той части где я бью ее или Юрия - и она тоже (в увязке с нашими телепатиями уже испытанными в тот печальный летний сезон теперь осень догрезившаяся до смерти, мы сообщали друг другу множество раз вчувствываясь друг в друга и я бежал к ней по ночам когда она это ощущала) видела сон как я о целом мире вокруг нашей постели, о Фрэнке, Адаме, прочих, ее вновь возникающий сон об отце убегающем прочь, в поезде, спазм почти что оргазма. - "Ах милая мне хочется прекратить все это пьянство эти кошмары прикончат меня - ты не представляешь как я ревновал в том сне" (чувство которого у меня еще не было к Марду) - энергия таящаяся за этим встревоженным сном вытянула из нее реакцию на мое дурацкое безрассудство с мальчиком в красной рубашке ("Абсолютно несносный тип в любом случае" заметил по его поводу Кармоди "хоть очевидно и хорошенький, в самом деле Лео ты был смешон" а Марду: "Вел себя как маленький мальчик но мне нравится.") - Ее реакция разумеется была неистойвой, придя домой, после того как выволокла меня из Маски на глазах у всех включая ее друзей из Беркли которые видели а возможно и слышали "Или я или он!" и безумие юмор и тщетность этого - придя в Небесный Переулок она нашла в коридоре шарик, славный молодой писатель Джон Гольц живший внизу надувал шарики для детишек со всего Переулка целый день и некоторые валялись в коридоре, с шариком который у Марду был она (пьяная) танцевала по всему коридору, отдуваясь и пыхтя и подкидывая его становясь в многозначительные танцевальные позы и говорила так что я не только вынужден был бояться ее безумия, ее сумасшествия клинического типа, но это еще и глубоко ранило мне сердце, да так глубоко что она следовательно не могла быть безумна сообщая нечто столь взвешенно, с точной - чем бы то ни было - "Ты теперь можешь идти когда у меня есть этот шарик." - "То есть как это?" (Я, пьяный, на полу затуманенный слезами). - "Теперь у меня есть вот этот шарик - Ты мне больше не нужен до свиданья - уходи - оставь меня в покое" - заявление которое даже в моем пьяном чаду наполнило меня свинцовой тяжестью и я лежал там, на полу,

где проспал час пока она играла с шариком и в конце концов сама завалилась спать, разбудив меня под утро чтобы раздеться и залезть под одеяло - и эта ВИНА-Ревность впервые проникла мне в разум - а суть всех этих рассказней такова: я хочу Марду поскольку она начала отвергать меня - ПОСКОЛЬКУ - "Но бэби это был сумасшедший сон." - "Я так ревновал - Мне было плохо." - Я внял вдруг тому что Марду сказала в первую неделю наших отношений, когда, как я тайно думал, у себя в уме втихомолку заместил ее важность важностью моей писательской работы, как, во всяком романе, первая неделя так интенсивна что все предшествовавшие миры подлежат пересмотру, но стоит энергии (тайны, гордости) начать убывать, как старшие миры благоразумия, благосостояния, здравого смысла, и т. д., возвращаются, поэтому я тайно говорил себе: "Моя работа важнее Марду." Тем не менее она почувствовала это, в ту первую неделю, и теперь сказала: "Лео сейчас что-то по-другому - в тебе - я это в себе чувствую - я не знаю что это." Я очень хорошо знал что это было и сделал вид что не могу выразить это словами ни для себя ни меньше всего на свете все равно для нее - теперь вспомнил, просыпаясь от кошмара ревности, в котором она обнимается с Юрием, что-то изменилось, я мог это ощутить, что-то во мне надтреснуло, была какая-то новая утрата, даже какая-то новая Марду - и, опять-таки, разница не была изолирована во мне кому снился рогоносный сон, но в ней, в субъекте, кому он не снился, но кто как-то участвовал в общем горестном смятенном сне всей этой жизни со мной - поэтому я чувствовал что она может вот этим самым утром посмотреть на меня и сказать что что-то умерло - не из-за шарика и "Ты теперь можешь идти" - а из-за сна - и вот поэтому сон, сон, я продолжал твердить про него, отчаянно я все жевал и говорил о нем, за кофе, ей, в конце концов когда пришли Кармоди и Адам и Юрий (сами по себе одинокие и жаждущие вытянуть все соки из этого великого потока текшего между Марду и мною, потока в который как я позже выяснил все хотели попасть, в действие) я начал рассказывать им про этот сон, подчеркивая, подчеркивая, подчеркивая роль Юрия, где Юрий "всякий раз когда я отворачиваюсь" целует ее - естественно остальные желают знать и свои роли, о чем я рассказал с меньшей живостью - печальный воскресный день, Юрий выходит купить пива, закусок, хлеб - немного поели - и вот несколько настоящих борцовских поединков разбивших мне сердце. Ибо когда я увидел как Марду прикола ради борется с Адамом (который отнюдь не был главным негодяем в моем сне, хотя сейчас я прикинул что должно быть поменял лица местами) меня пронзила та боль что ныне охватывает меня всего, та первоболь, как миленько она выглядела в своих джинсах борясь и

сопротивляясь (Я сказал "Она сильная как черт, вы когда-нибудь слышали про ее драку с Джеком Стином? попробуй тронь ее Адам") - Адам уже начавший бороться с Фрэнком подтолкнутый каким-то разговором о

само по себе меня отнюдь не ранило) - то была ее красота, ее игра в борьбу не на шутку, я гордился, я хотел знать как Кармоди себя чувствует ТЕПЕРЬ (чувствуя что должно быть он вначале относился к ней критически за то что она негритянка, он-то техасец и притом техасец-джентльмен) когда видит как она великолепна, как сестренка, запросто вписывается, смиренная и покладистая к тому же и настоящая женщина. Даже почему-то присутствие Юрия, чья личность уже была подпитана у меня в уме от энергии сна, прибавляло толику моей любви к Марду - я вдруг полюбил ее. Они хотели чтоб я пошел с ними, посидеть в парке - как будто уговорено на серьезных трезвых конклавах Марду сказала "А я останусь здесь и почитаю и кое-что сделаю, Лео, ступай с ними как мы договорились" - пока они выходили и маршировали вниз по лестнице я задержался сказать ей что сейчас люблю ее - ее это не так удивило или обрадовало, как я желал - она взглянула теперь уже на Юрия с точки зрения глаз не только моего сна но увидела его в новом свете как вероятного преемника меня из-за моего беспробудного предательства и пьянства.

Юрий Глигорич: молодой поэт, 22 года, только что приехал из яблонеурожайного Орегона, перед тем был официантом в столовой на большом пижонском ранчо - высокий худой светловолосый югослав, симпатичный, очень дерзкий и превыше всего прочего старающийся срезать Адама и меня и Кармоди, все время зная нас как старинную почитаемую троицу, желая, естественно, будучи молодым непубликуемым неизвестным но очень гениальным поэтом уничтожить больших установленных богов и возвысить себя - желая следовательно и их женщин тоже, будучи не стесненным условностями, или неопечаленным, пока еще, по меньшей мере. - Мне он понравился, я считал его еще одним новым "молодым братушкой" (как Лероя и Адама до этого, кому я "показывал" писательские уловки) а теперь буду показывать Юрию и он будет мне корешком и ходить со мною и Марду - его собственная любовница, Джун, бросила его, он к ней плохо относился, он хотел чтоб она вернулась, у нее была другая жизнь в Комптоне, я ему сочувствовал и расспрашивал как идут у него дела с письмами и звонками в Комптон, и, что самое важное, как я говорил, теперь он впервые вдруг смотрел на меня и говорил "Перспье я хочу с тобой поговорить - внезапно мне захотелось узнать тебя на самом деле." - В шутку за воскресным вином у Данте я сказал: "Фрэнк залип на Адаме, Адам залип на Юрии" а Юрий вставил "А я залип на тебе."

В самом деле залип в самом деле. В то скорбное воскресенье моей первой болезненной любви к Марду посидев в парке с парнями как договаривались, я притащился снова домой, к работе, к воскресному обеду, виновато, опоздав, обнаружив мать пасмурной и все-выходные-одной в кресле со своей теплой шалью... а мои мысли теперь переполненные Марду - не думая что хоть сколько-нибудь важно то что бы я там ни наболтал молодому Юрию не только "Мне снилось что ты обнимался с Марду" но еще и, у киоска с газировкой по дороге в парк когда Адам захотел позвонить Сэму и мы все сидели у стойки и ждали, с лимонадами, "С тех пор как мы с тобой виделись в последний раз я влюбился в эту девчонку," информация воспринятая им без комментариев и которую я надеюсь он помнит до сих пор, и разумеется так оно и есть.

И вот теперь раздумывая о ней, ценя ее драгоценные хорошие мгновенья что у нас были о которых прежде я и думать избегал, возник факт, раздувавшийся в своем значении, тот поразительный факт что она единственная девушка из всех кого я когда-либо знал которая по-настоящему понимала боп и умела петь его, она сказала в первый уютный денек красной лампочки у Адама "Пока я ехала головой я слышала боп, в музыкальных автоматах и в Красном Барабане и везде где мне случалось его слышать, с совершенно новым иным ощущением, которое я, правда, на самом деле не могу описать." "Но каким же оно было?" - "Но я не могу описать его, оно не только посылало волны - проходило сквозь меня - Я не могу ну типа, сделать его, пересказывая его словами, понимаешь? УУ ди би ди ди" спев несколько нот, так прелестно. - Та ночь когда мы стремительно шагали вниз по Ларкину мимо Черного Сокола вместе с Адамом на самом деле только он шел следом и слушал, тесно голова к голове, распевая дикие припевы джаза и бопа, временами я фразировал а она издавала совершенные фактически очень интересные современные и передовые аккорды (подобных которым я никогда нигде не слышал и которые имели сходство с модерновыми аккордами Бартока но были по-боповому хеповы) а в другие разы она просто делала аккорды а я делал контрабас, по старинной великой легенде (вновь ревущей высокой кушетки поразительно убойного дня которую я не рассчитываю что кто-то поймет) прежде, мы с Оссипом Поппером пели боп, выпускали пластинки, всегда беря на себя партию контрабаса тум тум под его фразировку (настолько как я вижу сейчас похожую на боповую фразировку Билли Экстайна) - мы вдвоем рука об руку несясь длинными шагами по Маркету по хиповой старой сердцевине Калифорнийского Яблока распевая боп и притом неплохо - восторг этого, и придя после жуткой попойки у Роджера Уолкера где

(организация Адама и мое молчаливое согласие) вместо нормальной бал^охи были одни мальчики и все голубые включая одного молодого фарцовщика-мексиканца и Марду отнюдь не застигнутая врасплох веселилась и болтала - однако несмотря на все это, сорвавшись домой на автобус что ходит по Третьей Улице распевая ликуя

Тот раз когда мы читали вместе Фолкнера, я прочел ей Кони в яблоках, вслух - когда зашел Майк М^орфи она велела ему сесть и слушать пока я продолжал но тогда я был другим и не мог читать одно и то же и остановился - но на следующий день в своем мрачном одиночестве Марду села и прочла весь однотомник Фолкнера.

Тот раз когда мы пошли на французское кино на Ларкин, в Вог, посмотрели Нижние Глубины, держались за руки, курили, прижимались друг к другу - хотя снаружи на Маркет-Стрит она не позволила мне держать себя под руку из страха что люди на улице решат что она шлюха, так это и выглядело бы но я рассвирепел но не стал дергаться и мы пошли дальше, мне захотелось зайти в бар выпить вина, она боялась мужиков в шляпах рассевшихся у стойки, теперь я увидел ее негритянский страх перед американским обществом о котором она постоянно говорила но ощутимо на улицах что никогда никак меня не заботило - пытался утешить ее, показать что она может делать со мной вместе все что ей угодно: "Фактически крошка я буду знаменитым человеком а ты будешь достойной и гордой женой знаменитого человека поэтому не переживай" но она сказала "Ты не рубишь" но страх маленькой девочки так прелестен, так съедобен, я оставил его в покое, мы пошли домой, к нежным любовным сценам вместе в нашей собственной и тайной темноте

Фактически, тот раз, один из тех прекрасных разов когда мы, или вернее, я не пил и мы провели целую ночь вместе в постели, на сей раз рассказывая истории про привидения, сказки По те что я мог вспомнить, потом кое-что сочиняли, а в конце строили друг другу дебилные рожи и пытались напугать друг друга круглыми остановившимися глазами, она показала мне как одной из ее грез наяву на Маркет-Стрит был тот приход что она кататоник ("Хотя тогда я не знала что это слово означает, но типа, я ходила зажато болтурукаясь рукоболтаясь и честное слово ни единая душа не смела со мною заговорить а некоторые и взглянуть-то боялись, и я такая там ходила как зомби а ведь всего тринадцать мне было.") (Ох что за ликующее пришепетывание в шепелявых маленьких ее губках, я вижу выступающие вперед зубки, я говорю строго: "Марду тебе следует сейчас же почистить зубы, вон в той вот больнице, пойдешь к своему терапевту, и к зубному тоже зайди - это все бесплатно поэтому давай..." поскольку вижу

как уголки ее жемчугов начинают темнеть что приведет к порче) - и она строит мне рожу сумасшедшей, лицо неподвижное, а глаза сияют сияют как звезды небесные и какие угодно но только не испуганные я до крайности поражен ее красотой и говорю "И еще я вижу землю в твоих глазах вот что я думаю о тебе, в тебе есть определенная красота, не то чтобы я завис на земле и индейцах и все такое и желаю все время талдычить про тебя и про нас, но я вижу в твоих глазах такое тепло - но когда ты строишь сумасшедшую я вижу не безумие а восторг восторг - как беспризорные хлопья пыли в уголке у маленького пацанчика а он сейчас спит в своей кровати и я люблю тебя, настанет день и дождь падет на наши вежды милая" - и у нас горит одна свечка поэтому все безумства еще смешнее а истории о привидениях еще жутче - одна про - но увы недостает, как жаворонок, я расшалился во всем хорошем и не забываю и забываю свою боль

Продолжая прикол с глазами, тот раз когда мы закрыли глаза (снова не пивши потому что нет денег, нищета бы спасла этот роман) и я отправлял ей послание: "Ты готова," и вижу первую вещь в моем черном мире глаз и прошу ее описать ее, поразительно как мы пришли к одному и тому же, это было какое-то взаимное понимание, я видел хрустальные жирондоли а она видела белые лепестки в черной бочажине сразу после некоторого слияния образов так же изумительно как и те точные образы которыми я обменивался с Кармоди в Мексике - Марду и я оба видели то же самое, какие-то очертания безумия, какой-то фонтан, ныне уже мною позабытый и на самом деле пока еще не важный, сходимся вместе во взаимных описаниях его и радуемся и ликуем в этом нашем телепатическом триумфе, заканчивая там где встречаются наши мысли в кристальной белизне и лепестках, в тайне - я вижу ликующий голод в ее лице поглощающем взглядом мое лицо, я мог бы умереть, не разбивай мне сердце радио своей прекрасной музыкой, О мир вновь свет свечей, мигающий, я купил уйму свечей в лавке, углы нашей комнаты во тьме, ее тень обнаженно смугла когда она спешит к раковине как мы пользуемся раковиной - мой страх передать БЕЛЫЕ образы ей в наших телепатиях из страха что это ей (в ее веселии) напомнит о нашей расовой разнице, отчего в то время я чувствовал себя виновато, теперь-то я понимаю что все это было одним сплошным любовным реверансом с моей стороны Господи.

Хорошие - поднимаясь на вершину Ноб-Хилла ночью с квинтой токайского Ройял Челис, сладкого, густого, крепкого, огни города и бухты под нами, печальная тайна - сидя там на скамейке, влюбленные, одинокие проходят мимо, мы передаем друг другу бутылку, разговариваем - она

рассказывает все свое маленькое девчачье детство в Окленде. - Это словно Париж - мягко, ветерок веет, город может изнемогать от зноя но обитатели холмов все равно летают - а на той стороне бухты Окленд (ах эти я Харт Крейн Мелвилл и вы все разнообразнейшие братья поэты американской ночи которая как я однажды думал станет моим священным алтарем и теперь так и есть но кому до этого дело, кому знать это, а я потерял любовь из-за нее - пьянчуга, тупица, поэт) - возвращаясь через Ван-Несс на пляж Акватик-Парка, сидя в песке, когда я прохожу мимо мексиканцев то ощущаю эту великую хеповость что была у меня все лето на улице с Марду моя старинная мечта о желании быть жизненным, живым как негр или индеец или денверский японец или нью-йоркский пуэрториканец сбылась, с нею рядом такой молодой, сексуальной, гибкой, странной, хипейной, сам я в джинсах и такой небрежный и мы оба как бы молодые (Я говорю как бы, в мои-то 31) - мусора велят нам уходить с пляжа, одинокий негр проходит мимо нас дважды и таращится - мы идем вдоль плеска кромки воды, она смеется видя чокнутые фигуры отраженного света луны пляшущие совсем как насекомые в завывающей прохладной гладкой воде ночи - мы слышим запах гаваней, мы танцуем

Тот раз когда я повел ее в разгар сладкого сухого утра типа как на плоскогорьях в Мексике или где-нибудь в Аризоне на прием к терапевту в больницу, вдоль Эмбаркадеро, презрев автобус, рука об руку - я гордый, думая: "В Мехико она будет выглядеть точно так же и ни единая душа не будет знать что я сам не индеец ей-Богу и мы сходим вместе" - и указываю на чистоту и ясность облаков: "Совсем как в Мексике милая, О ты ее полюбишь" и мы поднимаемся по суетливой улочке к мрачнокирпичной больнице и предполагается что я пойду отсюда домой но она медлит, печальная улыбка, улыбка любви, когда я уступаю и соглашаюсь подождать окончания ее 20-минутного свидания с доктором и ее выхода она лучезарно вырывается оттуда радостная и стремглав несется к воротам которые мы чуть было не прошли в ее вот-чуть-чуть-и-к-черту-лечение-лучше-погуляю-с-тобой блуждании, мужчины - любовь - не продается - моя награда - собственность никто ее не получит а заработает сицилийский разрез поперек середины германским сапогом в целовальник, топор канука - я припилю этих корчащихся поэтишек к какой-нибудь лондонской стенке прямо здесь, объяснено. - И пока жду пока она выйдет, я сижу на стороне воды, в мексиканском таком гравии и траве и среди бетонных блоков и вытаскиваю блокнотики и рисую большие словесные картинки небесного горизонта и бухты, вставляя крошечные упоминания великого факта громадного всего-мира с его бесконечными уровнями, от Стандарт Ойла

вниз до шлепков прибоа о баржи где старым матросам снятся сны, с различием между людьми, различием таким неохватным между заботами директоров в небоскребах и морских псов в гавани и психоаналитиков в душных кабинетах громадных мрачных зданий набитых мертвыми телами в морге под низом и сумасшедшими женщинами у окон, надеясь таким вот образом внедрить в Марду признание того факта что это большой мир а психоанализ лишь маленький способ объяснить его поскольку он только царапает поверхность, которая суть, анализ, причина и следствие, почему вместо что - когда она выходит я читаю ей это, не производя на нее слишком большого впечатления но она меня любит, держит меня за руку пока мы рассекаем вниз по Эмбаркадеро к ее дому и когда я оставляю ее на Третьей и Таунсенде поезд в теплом ясном полдне она говорит "О до чего я не хочу чтобы ты уходил, мне тебя теперь по-настоящему не хватает." - "Но я должен быть дома вовремя чтобы приготовить ужин - и писать - поэтому милая я вернусь завтра не забудь ровно в десять." - И на завтра я вместо этого заявляюсь в полночь.

Тот раз когда у нас произошел содрогаящийся оргазм вместе и она сказала "Я вдруг потерялась" и потерялась со мною хоть сама и не кончала но неистовствовала в моем неистовстве (райховское заволакивание чувств) и как же она любила это - все наши учения в постели, я объясняю ей себя, она объясняет себя мне, мы вкалываем, мы стенаем, мы джазуем - мы срываем прочь одежду и прыгаем друг на друга (после всегдашнего ее маленького путешествия к диафрагмовой раковине а мне приходится ждать держась мягче и отпуская дурацкие шуточки а она смеется и брызжется водой) потом вот она подходит шлепая ко мне через Райский Сад, и я вытягиваюсь вверх и помогаю ей опуститься на мою сторону мягкой постели, я притягиваю ее маленькое тельце к себе и оно тепло, ее теплое место горячо, я целую ее коричневые грудки обе обе, я целую ее любвеплечия - она не перестает делать губами "пс пс пс" крохотные звуки поцелуев там где на самом деле никакого соприкосновения нет с моим лицом разве что совсем случайно пока я делаю что-нибудь другое я трогаю им ее и ее поцелуйчики пс пс соединяются и так же печальны и мягки как и когда нет - это ее маленькая литания ночи - а когда она больна и мы взбудоражены, тогда она принимает меня на себя, на свою руку, на мою - она прислуживает безумному безумному зверю - Я провожу долгие ночи и многие часы делая ее, наконец она становится моей, я молюсь чтобы это подошло, я слышу как жестче она дышит, я надеюсь против всякой надежды что пора, шум в коридоре (или взвой пьянчуг по соседству) отвлекает ее и у нее не получается и смеется - но когда у нее действительно

получается я слышу как она плачет, хнычет, содрогающийся электрический женский оргазм заставляет ее плакать как маленькую девчушку, стонать в ночи, он длится добрых двадцать секунд и когда все кончено она стонет: "О почему он не может длиться дольше," и "О когда я когда и ты тоже?" - "Теперь уж скоро спорим," говорю я, "ты все ближе и ближе" - покрываясь испариной у ее кожи в теплом грустном Фриско с этими его чертовыми старыми шаландами мычащими в приливе там снаружи, вуум, вуууум, и звезды посверкивают на воде даже там где она волнуется под пирсом куда легко можно допустить гангстеры сбрасывают зацементированные трупы, или крысы, или Тень - моя малютка Марду кого я люблю которая никогда не читала моих неопубликованных работ а один лишь первый роман, где есть кишки но и безобразная проза в нем тоже есть когда все сказано и сделано и вот теперь держа ее в объятьях и истраченный от секса я грежу о том дне когда она прочтет великие мои работы и восхитится мною, вспоминая тот раз когда Адам вдруг сказал во внезапной странности сидя у себя на кухне: "Марду что ты на самом деле думаешь о Лео и обо мне как о писателях, о наших положениях в мире, о дыбе времени," спрашивая ее об этом, зная что ее мышление в согласии некоторыми образами в большей или меньшей степени с подземными которыми он восхищается и которых боится, чьи мнения он ценит с изумлением - Марду не то чтобы отвечая а избегая темы, но старичина я замысливает сюжеты великих книг для того чтобы ее поразить - все те хорошие вещи, хорошие разы что у нас были, другие о которых я сейчас в горячке своей лихорадки забываю но я должен рассказать все, однако лишь ангелы знают все и записывают это в книги

Но подумайте обо всех плохих разгах - у меня есть список плохих разговоров чтобы уравновесить хорошие, те разы когда я бывал к ней хорош и типа каким и должен был бы быть, чтобы оно заболело - когда ближе к началу нашей любви я опоздал на три часа а это много часов опоздания для молодовлюбленных, и поэтому она психанула, испугалась, походила вокруг церкви руки-в-карманах тяжело размышляя разыскивая меня в тумане предрассвета а я выбежал (увидев ее записку где говорилось "Ушла наружу искать тебя") (во всем этом Фриско, а! этот восток и запад, север и юг бездушной безлюбой хмари которую она видела со своего забора, все эти бессчетные люди в шляпах садящиеся в автобусы и плевать хотящие на обнаженную девушку на заборе, а) - когда я увидел ее, сам выскочив ее искать, я раскрыл объятья на целых полмили

Худший почти что самый худший раз из всех когда красное пламя перечеркнуло мне мозги, я сидел с нею и Ларри О'Харой у него на хате, мы пили французское Бордо и орали, живая тема была поднята, я хлопал рукой

Ларри по колену крича "Но послушай меня, послушай же меня!" желая высказаться так сильно что в интонации у меня звучала огромная сумасшедшая мольба а Ларри глубоко поглощенный тем что одновременно говорит ему Марду и подкидывая по несколько слов к ее диалогу, в пустоте после этого красного пламени я вдруг подскакиваю и рву к двери и дергаю ее, агх, заперта, изнутри на цепочку, скольжу рукой и отцепляю ее и с еще одной попытки вылетаю в коридор и вниз по лестнице настолько скоро насколько мои воровские быстрые башмаки на каучуке мне позволяют, путт, питтерпит, за этажом этаж кружатся вокруг меня пока я накручиваю вниз пролет за пролетом, оставив их там с разинутыми ртами - позвонив обратно через полчаса, встретившись с нею на улице в трех кварталах оттуда - нет надежды

Тот раз даже когда мы уговорились что ей нужны деньги на еду, что я схожу домой и возьму и просто принесу их ей и останусь ненадолго, но я в этот раз далек от влюбленности, меня наоборот все достало, не только ее жалкие требования денег но и это сомнение, это старое сомнение-Марду, и вот я несусь к ней на хату, там Алиса ее подружка, я под предлогом этого (потому что у Алисы тип лесбиянки молчаливая неприятная и странная и никто ей не нравится) кладу две бумажки на тарелки Марду у раковины, скоренько чмокаю ее в солод ее ушка, говорю "Вернусь завтра" и сразу же выскакиваю наружу даже не спросив ее мнения - как если б шлюха сделала меня за два доллара а я разозлился.

Как ясно осознание того что сходишь с ума - разум обладает молчанием, с физическим состоянием ничего не происходит, моча собирается в чреслах ребра сжимаются.

Плохой раз когда она спросила меня: "Что Адам на самом деле обо мне думает, ты мне никогда не говорил, я знаю что он презирает нас вместе но..." и я рассказал ей обстоятельно то что Адам рассказывал мне, из которого ничто не должно было быть разглашено ей ради ее же спокойствия духа: "Он сказал что в нежелании зависать с тобой в смысле любви всего лишь социальный вопрос для него потому что ты негритянка" - снова чувствуя как ее телепатический маленький шок пересекает комнату ко мне, он увязает глубоко, я ставлю под вопрос свои мотивы тому, что я ей это рассказал.

Тот раз когда ее неунывающий маленький сосед молодой писатель Джон Гольц поднялся (он исполнително по восемь часов в день стучит на машинке работая над рассказами для журналов, почитатель Хемингуэя, частенько подкармливает Марду и милый такой паренек из Индианы и мухи не обидит и разумеется не изящный змеиный интересный подземный

а открытолицый, общительный, играет с детишками во дворе да ради Бога) - поднялся повидать Марду, я сидел там один (по какой-то причине, Марду в баре по нашему уговорному договору, та ночь когда она пошла с каким-то негритянским мальчишкой который ей не слишком-то и нравился но просто приколоться и сказала Адаму что делает это потому что хочет сделать это опять с негритянским мальчиком, отчего я взревновал, но Адам сказал "Если бы я услышал если б она услышала что ты пошел с белой девчонкой посмотреть можешь ли ты сделать это снова она определенно была бы польщена, Лео") - в ту ночь, я был у нее, ждал, читал, молодой Джон Гольц заглянул стрелкнуть сигаретку и видя что я один захотел поговорить о литературе - "Ну я полагаю что самая важная штука это избирательность," а я взорвался и сказал "Ах вот только не надо мне проповедовать тут высшую школу я все это слышал и слышал задолго до того как ты родился почти что за ради Бога и в самом деле теперь, скажи-ка лучше что-нибудь интересное и новое о писательстве" - обломив его, угрюмый, по причинам главным образом раздражения и поскольку он казался безобидным и следовательно считалось что на него безопасно орать, а так оно и было - обломить его, ее друга, было некрасиво - нет, мир неподходящее место для такого рода деятельности, и что же нам делать? и где? когда? уа уа уа, младенец ревет в полночном рокоте.

И не могло ни очаровать ее ни помочь ее страхам и тревогам когда я с самого начала, при зарождении нашего романа, стал "целовать ее внизу меж ее стеблей" - начав а затем вдруг бросив так что позже в пойманное врасплох пьяномгновенье она сказала: "Ты неожиданно бросил как будто я была..." а причина по которой я прекратил сама по себе была не столь важна как та по которой я вообще это начал, чтобы обеспечить себе как можно большую ее сексуальную заинтересованность, которую раз завязанную на бантик, я мог не спеша затягивать в свое удовольствие - теплый любовный рот женщины, чрево, место как раз для мужчин которые любят, а не... для этого недозрелого пьянчуги и эгоманьяка... этого... зная как я это знаю по прошлому опыту и внутреннему ощущению, вам следует пасть на колени и молить позволения женщины, молить женщину о прощении за все ваши грехи, защищать ее, поддерживать ее, делать для нее все, умереть за нее но ради Бога любить ее и любить до предела и так как вы только можете да психоанализ, слышу я (тайно боясь те несколько раз когда я соприкасался с жестким щетинистым качеством лобка, негроидного и потому несколько более грубого, хоть и не настолько чтоб была какая-то разница, а сами внутренние стороны я должен сказать самые лучшие, богатейшие, плодороднейшие влажные теплые и полные тайных мягких

соскальзывающих возвышенностей, к тому же тяготение и сила мускулов так мощны что она не зная об этом часто сжимается тисками и перегораживает как плотиной и больно, хотя это я понял только в другую ночь, слишком поздно -). И вот последнее затянувшееся физиологическое сомнение которое у меня оставалось что это сокращение и огромная сила чрева виновны как я думаю теперь оглядываясь назад в том случае когда Адам встретившись впервые с ее умудренной пронизывающей нестерпимой внезапнокрикой болью, да так что ему пришлось мчаться к доктору делать перевязку и все такое (и даже потом когда приехал Кармоди и сделал локальный оргонный аккумулятор из большой старой канистры и джута и растительных материалов поместив свой собственный патрубок в раструб канистры чтоб излечиться), я теперь недоумеваю и подозреваю а не намеревалась ли наша маленькая цыпочка на самом деле развалить нас напополам, если Адам не думает что это все его собственная вина и не знает, но она там так мощно сжалась (лесбиянка!) (всегда это знал) и сломала его и выложила его а мне так сделать не смогла но старалась достаточно пока не бросила меня мертвой оболочкой которой я сейчас и остался - психоаналитик, я серьезно!

Это слишком. Начавшись, как я уже сказал с инцидента с тележкой - в ту ночь когда мы пили красное вино у Данте и были в пьянчужном настроении теперь нас обоих с души воротило - Юрий пришел вместе с нами, Росс Валленстайн уже сидел там и может чтобы выпендриваться перед Марду Юрий вел себя как маленький весь вечер и без усталости постукивал Валленстайна по затылку самыми кончиками пальцев как бы валяя дурака в баре а Валленстайн (которого всегда из-за этого били лохи) ворочал вокруг неподвижным взглядом мертвой головы с большими глазами сверкавшими из-за очков, его Христоподобные синие небритые щеки, несгибаемо уставившись как будто одним лишь взглядом можно сбить Юрия с ног, долго ничего не говоря, в конце концов сказал: "Чувак, кончай достачу," и вновь вернувшись к своему разговору с друзьями а Юрий по-новой и Росс опять поворачивается с той же самой безжалостной ужасной подземным свойственной ненасильственной какой-то самозащитой типа индийца Махатмы Ганди (которую я в нем подозревал еще в самый первый раз когда он разговаривал со мной и сказал: "Ты что голубой ты говоришь как педак" реплика из его уст настолько нелепая потому как настолько огнеопасная и мои 170 фунтов к его 130 или 120 ради Бога поэтому я про себя подумал "Нет этого человека не побить он будет только вопить и орать и звать ментов и позволит тебе бить себя снова и преследовать тебя в снах, нет такого способа чтобы уложить подземного на

лопатки либо если уж на то пошло вообще их уложить, они самые неуложимые на этом свете и суть новая культура) - наконец Валленстайн выходит в галльон поссать и Юрий говорит мне, а Марду в это время у стойки забирает еще три вина: "Давай пошли в сортир и там его вдуюем," и я поднимаюсь чтобы идти с Юрием но не затем чтобы вдуть Росса а скорее чтобы прекратить то что там может произойти - потому что Юрий по своему фактически более реально чем я был почти что громилой, отсидел в Соледаде за превышение пределов самообороны в какой-то жестокой драке в исправительной школе - Марду остановившая нас обоих когда мы уже совсемплыли к галльону, сказав: "Боже мой, если б я вас не остановила" (смеясь своей смущенной маленькой улыбкой Марду и пришепетывая) "вы б на самом деле туда вошли" - бывшая любовь Росса а ныне бездонная параша положения Росса в ее привязанностях я думаю вероятно сравнимого с моим теперь, О распрочертовские терновые лоскуты сюсюкающей страницы

Оттуда отправившись в Маску как обычно, пиво, надираясь все крепче, затем наружу и пешком домой, Юрий только что приехавший из Орегона не имея где переночевать спрашивает ничего будет если он переспит у нас, я позволяю Марду высказаться по поводу ее собственного дома, хоть и слабо но выдавливая "ладно" посреди неразберихи, и Юрий направляется в сторону дома вместе с нами - по пути находит тележку, говорит "Залазьте, я буду такси и завезу вас обоих наверх до самого дома." - Ладно мы забираемся в нее и ложимся навзничь пьянющие как только можно напиться красным вином, и он толкает нас от самого Пляжа к тому роковому парку (где мы сидели в тот первый печальный воскресный день моего сна и предчувствий) и мы катим себе в тележке вечности, Ангел Юрий ее толкает, мне видны только звезды да случайные крыши кварталов - ни мысли ни в одном мозгу (кроме краткой в моем, возможно и в других тоже) о грехе, об утрате настигшей бедного итальянского попрошайку потерявшего там свою тачку - вниз по Бродвею к самому дому Марду, в ручной тележке, в одном месте я толкаю а они едут, мы с Марду распеваем боп и импровизируем на мелодию Есть ли сегодня звезды в небе и просто пьяные - глупо оставив ее перед домом Адама и ринувшись наверх, с грохотом. - На следующий день, проспав ночь на полу с Юрием храпевшим на кушетке, поджидая Адама как будто он весь аж лучится услышать про наш подвиг, Адам возвращается домой мрачнее тучи свирепый с работы и говорит "В натуре у вас нет никакого соображения что за боль вы причинили какому-то старому бедному торговцу-армянину вы об этом никогда не думаете - но так подставить мою хату этой штукой под самыми

окнами, допустим фараоны ее найдут, что это с вами такое." А Кармоди мне говорит: "Лео я думаю этот шедевр твоих рук дело" или "Ты замыслил и состряпал этот блистательный ход" или что-то в этом роде где я на самом деле не при чем - и весь день мы рассекаем вверх и вниз по лестнице поглядывая на тележку которая далеко не заметенная мусорами до сих пор там стоит но перед ней уже шныряет хозяин квартиры Адама, рассчитывая увидеть кто придет ее забирать, ощущая что-то мыльное, а в довершение всего несчастный кошелек Марду лежит все еще там где мы по пьяни его оставили и хозяин в конце концов конфисковал ЕГО и стал ждать дальнейшего развития событий (она лишилась нескольких долларов и своего единственного кошелька). - "Может произойти только то, Адам, что если копы найдут тележку, они могут запросто увидеть кошелек, в нем адрес, и принести Марду а ей нужно сказать всего лишь "О мой кошелек нашелся", и всего делов-то, и ни фиги не будет." Но Адам кричит: "О вы даже если ни фиги не будет вы засохнули безопасность моей хаты, вваливаетесь с грохотом, оставляете зарегистрированную тележку у крыльца, и после этого говорите мне что ни фиги не будет." - А я чувствовал что он распахнется и готов к этому и говорю: "Ну его к черту, это ты им можешь скандалы закатывать а мне ты скандала не устроишь, не на того напал - это была всего лишь пьяная выходка," добавляю я, а Адам говорит: "Это мой дом и я тут могу психовать когда..." поэтому я встаю и швыряю его ключи (те что он сделал для меня чтобы я мог входить и выходить в любое время) ему но они перепутались с цепочкой от ключей моей матери и какой-то момент мы серьезно возмемся на полу расцепляя их и он свои забирает а я говорю "Нет погоди, это мои, вот эти на," и он кладет их в карман и вот и вс°. - Мне хочется вскочить и дернуть отсюда как тогда у Ларри. - Марду сидит и видит как я снова еду - а отнюдь не помогаю вылезти ей. (Однажды она спросила меня "Если у меня когда-нибудь поедет крыша ты что станешь делать, ты мне поможешь? - Предположим я подумаю что ты хочешь причинить мне зло?" - "Милая," ответил я, "я постараюсь фактически я успокою тебя что не причиню тебе зла и ты придешь в себя, я тебя оберегу," уверенность старика - но на самом деле сам ехал гораздо чаще.) - Я чувствую как огромные волны темной враждебности, в смысле ненависти, злобы, разрушительности текут из Адама сидящего в углу в своем кресле, я едва могу высидеть под испепеляющим телепатическим выплеском и по всей хате вся эта кармодиевская яге, в чемоданах, это слишком - (хоть это и комедь, мы уговорились что это будет комедью позже) - мы говорим о другом - Адам ни с того ни с сего снова перебрасывает ключи мне, они приземляются мне

на колени, и вместо того чтобы покрутить их на пальчике (как бы раздумывая, будто лукавый канук вычисляет преимущества) я как мальчишка подскакиваю и закидываю ключи обратно себе в карман прихихикнув слегка, чтоб Адам почувствовал себя лучше, а также чтобы произвести на Марду впечатление своей "справедливостью" - но она этого так и не заметила, она наблюдала за чем-то другим - и вот теперь когда мир восстановлен я говорю "И в любом случае это Юрий виноват а вовсе не так как говорит Фрэнк про мои неквалифицированные замыслы" - (эта тележка, эта тьма, то же самое как и когда Адам в пророческом сне спускался по деревянным ступенькам увидеться с "Русским Патриархом", там тоже были тележки) - Поэтому в письме которое я пишу Марду отвечая ее красоте которую я пересказал, я делаю глупые сердитые но "претендующие на то чтобы быть справедливыми", "быть спокойными, глубокими, поэтичными" заявления, вроде: "Да, я разозлился и швырнул ключи Адама ему же, потому что "дружба, восхищение, поэзия дремлют в почтительной тайне" а невидимый мир слишком красив чтоб быть притянутым к суду социальных реальностей," или какую-то подобную чушь на которую Марду должно быть взглянула краем глаза - письмо, которое как предполагалось будет соответствовать теплоте ее письма, ее уютненькому-в-октябре шедевр, начинаясь с бессмысленного-если-вообще признания: "Последний раз когда я писал любовную записку она оказалась полной чепухой" (имелся в виду более ранний полуроманчик с Арленой Вольстеттер) "и я рад что ты честна," или что "у тебя честные глаза", говорилось в следующем предложении - письмо должно было прийти в субботу утром чтоб она ощутила мое теплое присутствие пока меня нет а я вывожу мою работающую и заслужившую мамочку в ее кино где она бывает дважды каждые полгода и за покупками на Маркет-Стрит (старая работница-канучка абсолютно не осведомлена о расположении перемешанных улиц Сан-Франциско) но пришло долгое время спустя после того как мы с нею уже увиделись и было прочитано в моем присутствии, и скучно - это не литературная жалоба, но то что должно быть причинило Марду боль, отсутствие взаимности и глупость относящаяся к моим нападкам на Адама - "Чувак, ты не имел права орать на него, в самом деле, это его хата, его право" - а письмо одно большое оправдание этого "права орать на Адама" а вовсе не ответ на ее любовные записки

Инцидент с ручной тележкой сам по себе неважен, но то что я заметил, что сожрали мой быстрый взгляд и голодная паранойя - жест Марду от которого у меня провалилось сердце несмотря даже на то что я сомневался может я и не видел ничего, неправильно понял, как часто со мною бывает.

Мы ввалились и взбежали наверх и прыгнули на здоровенную двуспальную кровать разбудив Адама и вопя и ероша все на свете и Кармоди тоже присел с краю как бы говоря "Ну же детки полно вам," просто куча в умат пьяных - один раз в игре происходившей туда и сюда между всеми комнатами Марду с Юрием очутились вместе на кушетке в гостиной, куда я думаю мы хлопнулись все втроем - но я помчался в спальню еще за какими-то делами, разговорами, вернувшись я увидел как Юрий знавший что я возвращаюсь шлепнулся с кушетки на пол и не успел он сделать этого как Марду (которая вероятно не знала что я возвращаюсь) дернула рукою за ним следом как бы говоря ОХ ТЫ НЕГОДНИК как если б он перед тем как скатиться с кушетки щекотал ее или как-нибудь игриво проказничал - я в первый раз заметил их юношескую игривость в которой я по своей хмуроте и писательскости не участвовал и по своей стариковости о которой постоянно себе твердил "Ты стар ты старый сукин сын тебе повезло что у тебя такая молоденькая милашка" (однако тем не менее в то же самое время замышляя, как я это делал уже три недели, избавиться от Марду, но так чтобы не ранить ее, даже если возможно "чтоб она не заметила" дабы вернуться к более удобным режимам жизни, типа скажем, сидеть дома всю неделю и писать и работать над тремя романами чтобы заработать кучу денег и приезжать в город только затем чтобы оттянуться если не видеть Марду так любая другая бикса сойдет, такова была моя трехнедельная мысль и в самом деле энергия за этим или поверхность за этим созданием Фантазии Ревности в сновидении Серой Вины о Мире Вокруг Нашей Постели) - теперь я увидел как Марду отталкивает Юрия с таким ОХ ТЫ и содрогнулся от мысли что может быть что-то происходит у меня за спиной - к тому же почувствовал себя предупрежденным быстротой и немедленностью с которой Юрий услышал как я иду и скатился оттуда но как бы виновато как я уже сказал после каких-нибудь шалостей или пощупав каким-нибудь незаконным прикосновением Марду что заставило ее надуть на него свои любовные пухлые губки и отпихнуть его и совсем как дети. - Марду была совсем как дитя я помню первую ночь когда я встретил их с Жюльеном, сворачивая кропали на полу, она у него за спиной сгорбившись, я объяснял им почему ту неделю я не пью вообще (в то время правда, и благодаря событиям на пароходе в Нью-Йорке, напугавшим меня, сказав себе "Если будешь квасить так и дальше то сдохнешь ты уже даже на простейшей работе удержаться не можешь," поэтому вернувшись во Фриско и совсем не кляня и все восклицали "О ты выглядишь чудесно"), рассказывая в ту первую ночь почти голова к голове с Марду и Жюльеном, они такие дети в своих наивных ПОЧЕМУ когда я рассказывал им что

больше не пью, так по-детски слушая мои объяснения про то как одна банка пива ведет ко второй, ко внезапным взрывам в кишках и к блескам, к третьей банке, к четвертой, "А потом я срываюсь и кирую дни напролет и я конченный человек, типа, я боюсь что стал алкашом" и они по-детски и как другое поколение ничего на это не говорят, но в почтении, любопытны - в том же самом контакте с молодым Юрием вот здесь (ее лет) отпихивая его, Ох Ты, на что я в своем пьяном угаре не слишком-то обратил внимание, и мы уснули, Марду и я на полу, Юрий на кушетке (так по-детски, снисходительно, смешно с его стороны, все это) - это первое проявление осознания тайн вины ревности к которым вел сон, с самого времени тележки, к той ночи когда мы отправились к Бромбергу, к самой кошмарной из всех.

Начавшись как обычно в Маске.

Ночи начинающиеся так блестяще ясно с надежды, пошли повидаемся с друзьями, всякие штуки, телефоны звонят, люди приходят и уходят, пальто, шляпы, фразы, яркие рассказы, столичные возбуждения, пиво всем по кругу, разговоры становятся все прекраснее, все возбужденнее, румянее, еще по кругу, полночный час, еще позже, разрумяннившиеся счастливые лица теперь дики и скоро уже покачивающийся кореш до дэй убаб трах дым гам пьяная ночная дурь приводящая в конце концов к тому как бармен, будто провидец у Элиота, ПОРА ЗАКРЫВАТЬСЯ - таким вот манером в большей или меньшей степени прибыв в Маску куда зашел пацан по имени Гарольд Сэнд, случайный знакомец Марду еще по прошлому году, молодой романист похожий на Лесли Говарда у которого только что приняли рукопись и который поэтому приобрел в моих глазах странную благодать которую мне хотелось поглотить - заинтересовался им по тем же причинам что и Лавалиной, литературная алчность, зависть - как обычно обращая следовательно меньше внимания на Марду (за столиком) чем Юрий чье теперь непрерывное присутствие с нами не возбуждало во мне подозрений, чье нытье "Мне негде остановиться - ты понимаешь Перспье что значит когда тебе негде даже писать? У меня нет ни девчонок, ничего, Кармоди и Мурэд больше не позволят мне у себя останавливаться, это просто парочка старых кошек," не впитывалось в меня, и к этому времени единственным моим замечанием Марду по поводу Юрия было, после его ухода: "Он совсем как этот мексиканский жеребец что поднимается сюда и хапает твои последние сигареты," мы оба расхохотались потому что когда бы она ни сидела на крутейшем подсосе, бац, кто-нибудь кому нужно "перехватить" тут как тут - не то чтобы я хоть в малейшем называл Юрия попрошайкой (я с ним был полегче именно вот на этом повороте, по очевидным причинам).

- (У нас с Юрием на той неделе в баре был долгий разговор, за портвейном, он утверждал что вс^о поэзия, я пытался провести обычное старое разграничение между стихом и прозой, он сказал: "Ссушай Перспье ты веришь в свободу? - тогда говори все что захочешь, это поэзия, поэзия, все это поэзия, великая проза это поэзия, великие стихи это поэзия." - "Да" сказал я "но стихи это стихи а проза это проза." - "Нет нет" завопил он "это все поэзия." - "Ладно," сказал я, "я верю что ты веришь в свободу и возможно ты и прав, вкитай еще вина." И он прочел мне свою "лучшую строчку" в которой было что-то про "редкий ноктюрн" на что я сказал что она звучит как стихи для маленького журнальчика и далеко не самая лучшая у него - поскольку я уже видел у него кое-что гораздо лучше про его крутое детство, про кошек, про матерей в водосточных канавах, про Иисуса шагающего в мусорной урне, появляющегося воплощенным сияя на воздуходувках трущобных многоэтажек или того что широко шагает через полосы света - сумма всего что он мог сделать, и делал, хорошо - "Нет, редкий ноктюрн не твое мясо," но он утверждал что это замечательно, "Я бы скорее сказал что это замечательно если б ты написал ее внезапно в приливе момента." - "Но я так и сделал - это вылилось у меня из разума и я швырнул его на бумагу, звучит как будто это было спланировано заранее но оно не было, только бах! в точности как ты говоришь, спонтанное видение!" - В чем я теперь сомневаюсь хоть то что его выражение "редкий ноктюрн" явилось ему спонтанно и заставило меня уважать его сильнее, какая-то фальшь таилась под нашими винными воплями в салуне на Кирни.) Юрий таскался со мною и Марду почти каждый вечер - как тень - и сам будучи знаком с Сэндом еще раньше, поэтому он, на Сэнда, войдя в Маску, зардевшегося преуспевающего молодого автора но "иронично" выглядящего и с большой квитанцией за неположенную стоянку торчащей из-за лацкана пиджака, набросилась с прожорливостью наша троица, заставили сесть за наш столик - заставили разговаривать. - За угол из Маски в 13 Патер куда множество нас отправилось, и по пути (напоминающем теперь то сильнее а то с намеками боли о той ночи с тележкой и об этом ОХ ТЫ Марду) Юрий и Марду начинают бегать наперегонки, толкаться пихаться, бороться на тротуаре и в конце она хватает большой пустой картонный ящик и запускает в него а он отшвыривает его обратно, они снова как дети - я однако иду впереди за беседой в серьезных тонах с Сэндом - он тоже положил глаз на Марду - почему-то я не могу (по крайней мере не пытался) сообщить ему что она моя любовь и мне было бы предпочтительней если б он не давил на нее косяка так явно, совсем как Джимми Лоуэлл, цветной моряк вдруг

позвонивший посреди попойки у Адама, и приехавший, вместе с помощником капитана скандинавом, глядя на меня и Марду вопросительно, спрашивая меня: "Ты делаешь с нею ее секс?" а я отвечаю да и в ту ночь после сейшена в Красном Барабане где Арт Блэйки наворачивал как полоумный а Телониус Монк весь потел уводя за собою целое поколение своими локтевыми аккордами, пожирая безумно банду глазами чтобы вести ее дальше за собой, монах и святой бопа твердил я Юрию, ловкий острый хеповый Джимми Лоуэлл опирается на меня и говорит "Я бы хотел сделать это с твоей чувихой," (как в былые дни Лерой и я всегда махались девчонками поэтому меня это не шокирует), "ничего будет если я ее спрошу?" и я говорю "Она не такая девчонка, я уверен что она верит в то что один зараз лучше, если ты ее спросишь она тебе так и ответит чувак" (в то время еще не чувствуя никакой боли ни ревности, это по случаю вечер перед Сном Ревности) - не способен сообщить Лоуэллу что - что я хотел - чтобы она осталась - чтобы заикаясь заикаясь была моею - не будучи способным вот так вот выступить вперед и сказать: "Слушай это моя девчонка, что это ты мелешь, если хочешь попытаться ее сделать, тебе придется впутать и меня тоже, ты же понимаешь это папаша так же хорошо как и я." - Таким вот способом с жеребцом, иначе с вежливым вальяжным Сэндом очень интересным молодым человеком, типа: "Сэнд, Марду моя девушка и я бы предпочел, и так далее" - но он на нее положил глаз и причина по которой он остается с нами и идет за угол в 13 Патер, но именно Юрий начинает с нею бороться и придуряться посреди улиц - и вот значит когда мы позже уходим из 13 Патера (лесбийский бар теперь задрипан и ничего в нем нет, а год назад там были ангелы в красных рубашках прямиком из Жене и Джуны Барнза) я усаживаюсь на переднее сиденье старенькой машины Сэнда, он собирается по крайней мере отвезти нас домой, я сажусь с ним рядом у рычага сцепления с целью лучше побеседовать и в угаре своем вновь избегаю женскости Марду, оставляя ей место сидеть рядом со мной у переднего окна - вместо чего, не успев и плюхнуться своею попкой подле меня, перескакивает через спинку и ныряет на заднее сиденье к Юрию который там один, чтобы снова бороться и валять с ним дурака и теперь уже с такой интенсивностью что я боюсь оглянуться и увидеть своими собственными глазами что происходит и как сон (тот сон что я объявил всем и каждому и сделал из него такие проблемы и даже Юрию о котором рассказал) сбывается.

Мы подъезжаем к дверям Марду в Небесном Переулке и она выпимши теперь говорит (Сэнд и я решили спяну поехать в Лос-Альтос всей нашей кодлой и вломиться к старине Осипу Бромбергу и гулеванить по-крупному

далее) "Если вы едете к Бромбергу в Лос-Альтос то вы двое вылезайте, а мы с Юрием остаемся тут" - сердце мое оборвалось - упало так глубоко что я взлорадовался услышав это в первый раз и подтверждение этого увенчало меня и благословило меня.

И я подумал: "Ну парень вот твой шанс избавиться от нее" (что я замышлял уже три недели) но звук этих слов в моих собственных ушах звучал ужасно фальшиво, я не верил им, себе, больше.

Но на тротуаре заходя вовнутрь зардевшийся Юрий берет меня за руку пока Марду с Сэндом поднимаются впереди по рыбьеголовой лестнице: "Ссушай, Лео я не хочу делать Марду вообще, она меня всего охомутала, я хочу чтоб ты знал что я не хочу ее делать, все чего мне хочется если ты туда собираешься это поспать на твоей кровати потому что завтра у меня ответственная встреча." - Но теперь уже сам я ощущаю неохоту оставаться в Небесном Переулке на ночь потому что там будет Юрий, фактически подразумевается что он уже как бы на кровати, будто бы уже приходится говорить: "Слазь с кровати чтобы мы сами могли туда забраться, ступай ночевать вон в то неудобное кресло." - Поэтому именно это больше чем что-либо другое (в моей усталости и возрастающей мудрости и терпении) заставляет меня согласиться с Сэндом (также неохотно) что мы с таким же успехом можем съездить в Лос-Альтос и разбудить старого доброго Бромберга, и я оборачиваюсь к Марду со взглядом говорящим или предполагающим: "Можешь оставаться со своим Юрием сука" но она уже подцепила свою маленькую дорожную корзинку или выходную сумку и засовывает туда мою зубную щетку головную щетку и свои пожитки и мысль заключается в том что мы едем втроем - и мы выезжаем, оставив Юрия в постели. - По дороге, где-то у Бэйшо в великой шоссе-фонарной ночи, которая теперь для меня не более чем одна сплошная унылость и перспектива "выходных" у Бромберга как кошмар позорища, я больше этого вынести не могу и смотрю на Марду как только Сэнд вылезает из машины купить гамбургов в забегаловке: "Ты перепрыгнула на заднее сиденье к Юрию зачем ты это сделала? и почему ты сказала что хочешь с ним остаться?" - "Это была глупость с моей стороны, я просто балдая бэби." Но я теперь смурно и больше не желаю верить ей - искусство кратко, жизнь длинна - теперь во мне полным драконцветом расцвело чудовище ревности такое же зеленое как и в любом расхожем мультике поднимаясь в моем существе: "Вы с Юрием играете вместе все время, это совсем как в сновидении о котором я тебе рассказывал, вот что ужасно - О я никогда больше не стану верить в то что сны сбываются." - "Но бэби это все совсем не так" но я ей не верю - По одному ее виду могу сказать что

она положила глаз на вьюношу - вам не обмануть старого матроса который в возрасте шестнадцати лет не успел еще даже сок стереться с его сердца Великим имперским Всемирным Стирателем с Печальной Тряпкой влюбился в невозможную ветреницу и обманщицу, это я хвастаюсь - Мне так плохо что я не вытерплю, сворачиваюсь калачиком на заднем сиденье, один - они едут дальше, и Сэнд уже предвкусив веселый уикэнд с болтологией теперь вдруг оказывается с парочкой угрюмых возлюбленных тревожников, на самом деле слышит обрывок "Но я не рассчитывала на то что ты так подумаешь бэби" столь очевидно внимая своим разумом инциденту с Юрием - оказывается с этой парочкой кисляев и вынужден ехать аж до самого Лос-Альтоса и поэтому так же крепко стиснув зубы как и когда писал свой роман в полмиллиона слов приступает к выполнению этой задачи и толкает машину сквозь всю ночь Полуострова и дальше в рассвет.

Прибыв домой к Бромбергу на серой заре, поставив машину и позвонив в звонок все втроем застенчиво а я-то уж и подавно - и Бромберг такой сразу спускается, тут же, с одобрительным ревом "Лео я и не знал что вы знакомы друг с другом" (имея в виду Сэнда, которым Бромберг сильно восхищался) и вот мы уже входим в безумную знаменитую кухню Бромберга пить кофе с ромом. - Вы бы сказали что Бромберг самый поразительный парень на свете с короткими темными кучерявыми волосами типа хипушка Роксанна заплетала ему надо лбом маленьких змеек с ленточками и с его огромными действительно ангельскими глазами сияющими вращающимися, большое болбочущее чадо, великий гений трепа, на самом деле писал диссер и разные эссе и у него (чем и знаменит) величайшая из всех возможных личная библиотека в мире, прямо вот в этом самом доме, библиотека вследствие его эрудиции а это к тому же никак не отражалось на его огромном доходе - дом унаследован от отца - к тому же неожиданно стал закадычным дружкой Кармоди и уже собирался с ним вместе ехать в Перу, они там врубались бы в индейских мальчишек и разговаривали на эту тему и беседовали бы об искусстве и навещали литературных знаменитостей и всякое такое, все эти темы настолько звенели у Марду в ухе (чудные культурные темы) в ее любовной истории со мной что к этому времени она уже приподустала-таки от культурных интонаций и причудливой выразительности, от эмфатической щеголеватости выражения, коей вращающий глазами экстатичный почти что судорожный большой Бромберг чуть ли не сам непревзойденный мастер: "О дорогой мой это такая очаровательная штука и я думаю гораздо ГОРАЗДО лучше гасконского перевода хоть я и глубоко убежден что..." а

Сэнд изображал его ну в точности, после какой-то недавней великой встречи и взаимного восхищения - и вот значит оба они там в некогда для меня авантюрной серой заре Метрополии Велико-Римского Фриско болтают о литературе и о музыкальных и художественных делах, кухня замусорена, Бромберг носится наверх (в пижаме) принести трехдюймовой толщины французское издание Жене или старинные издания Чосера или к чему там они с Сэндом еще приходят, Марду темноресничная и по-прежнему думает о Юрии (как я себе смекаю) сидя на углу кухонного стола, со своим остывающим ромом и кофе - О и я такой на табуретке, уязвленный, сломленный, раненый, а скоро станет еще хуже, хлебающий чашку за чашкой и нагружающийся четким тяжелым варевом наконец около восьми начинают петь птицы и великолепный голос Бромберга, один из мощнейших что только можно услышать, заставляет стены кухни отбрасывать назад великие содроганья глубокого экстазного звука - включая фонограф, дорогой хорошо оснащенный совершенно определенный дом, с французским вином, холодильниками, трехскоростными машинами с колонками, погребом, и т. д. - Я хочу смотреть на Марду прямо не знаю с каким выражением - я боюсь фактически того что посмотрев найду там лишь мольбу в ее глазах "Не беспокойся бэби, я же тебе сказала, я тебе призналась я была глупой, прости прости прости..." этот взгляд "прости" делает мне больнее всего когда я краем глаза замечаю его...

Не годится когда даже сами синие птички блеклы, о чем я упоминаю Бромбергу, а тот спрашивает "Ч° это с тобой такое сегодня с утра Лео?" (болбочуще метнув взглядик из-под бровей чтоб получше рассмотреть меня и развеселить). - "Ничего, Остин, просто когда я смотрю в окно сегодня утром все птички блеклы," - (А чуть раньше когда Марду пошла наверх в туалет я в самом деле заметил, бородатый, прогонистый, глупый, пьянь, этим эрудированным джентльменам, по поводу чего-то вроде "непостоянства", что должно было однако удивить их - О непостоянство!

И вот они все равно пытаются сделать здесь вс° по уму невзирая на мои осязаемые несчастливые думы и брожение по всему дому, слушая пластинки с операми Верди и Пуччини в огромной библиотеке наверху (четыре стены от ковра до потолка с такими вещами как Толкование Апокалипсиса в трех томах, полное собрание работ и стихов Криса Смарта, полное то и полное с°, апология такого-то-и-такого-то написанная т°мно сами-знаете-кому в 1839-м, в 1638-м...). Я бросаюсь сказать когда выпадает случай: "Я иду спать," уже одиннадцать, я имею право устать, сам сидел на полу а Марду с подлинно дамским величием все это время восседала в

креслах в углу библиотеки (где однажды я видел как сидел знаменитый однорукий Ник Спейн когда Бромберг в более счастливый раз чуть раньше в том году проигрывал нам оригинальную запись Странствия Повесы) и выглядела так, сама, трагично, потерянно - так израненно моей израненностью - моей жалкостью заимствованной у ее жалкости - я думаю чувствительно - что в одном месте во вспышке прощения, нужды, я подбегаю и сажусь к ее ногам и опускаю голову ей на колени прямо перед остальными которым теперь уже совершенно наплевать, то есть Сэнду наплевать на такие вещи теперь глубоко поглощенному музыкой, книгами, блистательной беседой (подобные которым не могут быть превзойдены нигде на свете, между прочим, и это тоже, хоть теперь уже и устало, приходит мне на ум жаждущий нетленки и я вижу расклад всей своей жизни, все знакомые, все любимые, все заморочки, все скитанья вновь поднимаются гигантской симфонической массой но теперь я начинаю сам плевать помаленьку из-за этих 150 фунтов женщины и смуглой притом чьи ногти на ногах, красные в шлепанцах, заставляют меня сглотнуть горлом) - "О дорогой Лео, тебе **ДЕЙСТВИТЕЛЬНО** кажется скучно." - "Да не скучно! Как может мне здесь быть скучно!" - Хотел бы как-нибудь сочувственно сказать Бромбергу: "Всякий раз как приезжаю сюда со мной что-то не так, это должно быть кажется довольно ужасным замечанием по поводу твоего дома и твоего гостеприимства а это совсем не так, неужели ты не можешь понять что сегодня утром мое сердце разбито а за окном блекло" (и как объяснить ему другой раз когда я был у него в гостях, вновь незванным но ворвавшись перед серым рассветом с Чарли Краснером и пацаны там были, и Мэри, и другие потом подвалили, джин со швепсом, я так надрался, буянил, потерялся, тогда я тоже мрачнел и заснул фактически на полу посреди комнаты на глазах у всех в самый разгар дня - и по причинам настолько далеким от сегодняшних, хотя по-прежнему это и есть стремное замечание насчет качества выходных у Бромберга) - "Нет Остин мне просто плохо..." Вне всякого сомнения, к тому же, Сэнд должно быть наступал ему где-нибудь тихонько шепотом что происходит с влюбленными, а Марду тоже молчалива -одна из самых странных гостей когда-либо залетавших к Бромбергу, бедная подземная битовая негритяночка вся одежда на ней и двух пенни не стоит (я щедро проследил за этим), и все же такая страннолика, торжественная, серьезная, как смешной торжественный нежеланный вероятно ангел в доме - чувствуя себя, как она рассказала мне, уже потом, действительно нежеланной из-за обстоятельств. - Поэтому я схилял, от всех, от жизни, от всего, пошел спать в спальню (где мы с Чарли в тот первый раз танцевали мамбо голыми с

Мэри) и провалился изможденный в новые кошмары проснувшись примерно три часа спустя, посреди сердцецежительного чистого, ясного, здорового, счастливого дня, птицы вс^о еще поют, теперь и детишки запели, как будто я паук проснувшийся в пыльной урне и мир не для меня а для других более воздушных существ и более постоянных самих по себе и к тому же менее подверженных кляксам непостоянства

Пока я спал они втроем забрались в машину Сэнда и (должным образом) поехали на пляж, за двадцать миль, мальчишки прыгают в воду, плавают, Марду бродит по берегам вечности ее пальчики и пятки которые я люблю вжимаются в бледный песок поближе к маленьким ракушкам и анемонам и к обнищавшим сухим водорослям давно вымытым на берег и ветер сбивает назад ее короткую стрижку, так словно Вечность встретила с Небесным Переулком (как я думал об этом в своей постели) (видя как она к тому же бродит вокруг надувшись, не зная что делать дальше, заброшенная Страдальцем Лео и в самом деле одинокая и не способная перебивать косточки каждому тому дику или гарри в искусстве вместе с Бромбергом и Сэндом, что делать?) Поэтому когда они возвращаются она подходит к постели (после того как Бромберг предварительно дико запрыгнул на верх лестницы и ворвался в дверь и "ПРОСЫПАЙСЯ Лео ты же не хочешь дрыхать весь день мы были на пляже, правда так не честно!") - "Лео," говорит Марду, "Я не хотела с тобой спать потому что мне не хотелось просыпаться в постели у Бромберга в семь вечера, это было бы слишком, я бы не справилась, я не могу..." имея в виду свое лечение (на которое больше не ходила из чистого паралича со мною и всей моей бандой и с киром), свою неадекватность, огромный теперь уже сокрушительный вес и страх перед безумием возрастающий в этой безалаберной ужасной жизни и безлюбой любви со мной, проснуться в страхе с бодуна в незнакомой (доброе но тем не менее не вполне искреннеприветливого незнакомца) постели, с бедным неполноценным Лео. - Я вдруг взглянул на нее, слушая не столько эти реальные жалкие мольбы сколько врубаясь в ее глазах в тот свет что сиял на Юрия и это ведь не ее вина что он мог сиять всему миру все время, мой свет о любовь

"Ты искренне?" - ("Господи ты пугаешь меня," сказала она потом, "ты заставил меня вдруг подумать что я это два человека и предала тебя с одной стороны, с одним человеком, и этот другой человек - это на самом деле зашугало меня...") но пока я спрашиваю вот это: "Ты искренне?" боль что я испытываю так велика, она только что возникла заново из этого беспорядочного ревущего сна ("Господу угодно так чтобы сделать наши жизни менее жестокими чем наши сны," это цитата которую я как-то видел

Бог знает где) - чувствуя все это и внимая иным ужасным похмельным пробуждениям у Бромберга и всем похмельным пробуждениям в своей жизни вообще, чувствуя теперь: "Парень, вот настоящее реальное начало конца, далеко отсюда тебе не уйти, сколько еще смутности сможет принять твоя положительная плоть и насколько долго еще останется она положительной если твоя психика продолжает по ней лупить что есть мочи - парень, ты сдохнешь, если птички становятся блеклыми - это знак..." Но мысли режут гораздо больше чем вот так, видения о моей работе позабыты, мое благосостояние (так называемое благосостояние снова) разнесено в клочья, мозг постоянно теперь поврежден - мысли пойти работать на железную дорогу - О Господи все это скопище и дурацкая иллюзия и весь этот вздор и безумие что мы воздвигли на месте единственной любви, в своей печали - но теперь когда Марду склоняется надо мною, усталая, торжественная, мрачная, способная пока играла с маленькими небритыми уродствами моего подбородка прозревать прямо сквозь мою плоть мой кошмар и способная прочувствовать каждое дрожание боли и тщетности которое я мог послать, о чем, к тому же, говорило ее признание моего "Ты искренне?" как зова прозвучавшего со дна глубокого колодца - "Бэби, поехали домой."

"Нам придется ждать пока Бромберг не поедет, сесть с ним вместе на поезд - наверное..." И вот я встаю, иду в ванную (где уже побывал раньше пока они были на пляже и секс-фантазировал вспоминая тот раз, в другой еще более дикий и давний уикэнд у Бромберга, бедняжка Энни с волосами накрученными на бигудях и ненакрашенная и Лерой бедный Лерой в соседней комнате недоумевая что это его жена там делает, и Лерой же позже умчавшийся отчаянно в ночь осознав что мы что-то затеяли в ванной и так вспоминая себя теперь ту боль что я причинил Лерою в то утро только лишь ради крошки насыщения этого червя и этой змеи которых зовут сексом) - Я захожу в ванную и моюсь и спускаюсь вниз, пытаюсь выглядеть жизнерадостно.

Все же я не могу смотреть Марду прямо в глаза - в сердце у себя: "О зачем ты это сделала?" - ощущая, в своем отчаянии, провозвестие того что грядет.

Как будто еще недостаточно это был день той ночи с великой пьянкой Джоунза, которая стала ночью когда я выпрыгнул из такси Марду и бросил ее псам войны - человек войны Юрий сражается против человека Лео, каждый из них. - Начинаясь, Бромберг звонит по телефону и собирает подарки на день рождения и собирается ехать автобусом чтоб успеть на старый 151-й в 4.47 до города, Сэнд везет нас (в самом деле жалкий удел) к

автобусной остановке, где мы пропускаем по быстрой в баре через дорогу пока Марду теперь уже ей стыдно не только за себя но и за меня тоже остается на заднем сиденье в машине (хоть и выдохшаяся) но при свете дня, пытаюсь подремать - на самом деле пытаюсь придумать себе выход из той западни из которой только я мог помочь ей выбраться если б мне дали еще один шанс в баре, преходяще изумленный, я вынужден выслушивать Бромберга продолжающего себе громогласно громыхать болботать свои соображения об искусстве и литературе и даже фактически ей-Богу анекдоты про гомиков пока хмурые фермеры долины Санта-Клара наливались у поручней, у Бромберга нет даже никакого понятия о своем фантастическом воздействии на обыкновенных - а Сэнду по кайфу, сам он тоже в действительности шиза - но это несущественные детали. - Я выхожу сообщить Марду что мы решили ехать следующим поездом чтобы пока вернуться в дом забрать забытый там пакет что для нее не больше чем еще один наворот тщеты и суеты она принимает эту новость официально сжатыми губами - ах любовь моя и утраченная моя заветная (старомодное слово) - если б я знал тогда то что знаю сейчас, вместо того чтобы возвращаться в бар, дальше трепаться, и вместо того чтобы смотреть на нее обиженными глазами, и т. д., и позволить ей лежать там в блеклом море времени заброшенной и неутешенной и непрощенной за грех моря времени я влез бы внутрь и сел бы с нею, взял бы ее за руку, обещал бы свою жизнь и защиту - "Потому что я люблю тебя и нет никакой причины" - но тогда будучи далек от того чтобы полностью успешно осознать эту любовь, я все еще пребывал в процессе размышления я выкарабкивался из собственного сомнения по ее поводу - но вот пришел поезд, наконец-то, 153-й в 5.31 после всех наших проволочек, мы сели, и поехали в город сквозь Южный Сан-Франциско и мимо моего дома, лицом друг к другу на сиденьях купе, проезжая громадные верфи в Бэйшо и я ликующе (пытаясь быть ликующим) показываю товарный вагон рывком поданный под бункеровку и видно как вдали вздрагивает загрузочная воронка, ух - но большую часть времени блекло сижу под перекрестными взглядами и выдавливаю из себя, в конце концов: "Я действительно чувствую что должно быть спиваюсь аж нос краснеет" - первое же что я мог придумать и сказать чтоб облегчить давление того о чем мне на самом деле хотелось рыдать - но в главном все втроем мы действительно печальны, едем вместе на поезде к веселухе, к кошмару, к неизбежной водородной бомбе.

- Сказав наконец Остину адью на каком-то кишашем перекрестке на Маркете где мы с Марду бродили в огромных печальных угрюмых толпах в смятенной массе, как будто вдруг потерялись в действительном физическом

проявлении умственного состояния в котором были с нею вместе вот уже два месяца, не держась даже за руки а я озабоченно прокладывал путь через толпы (с тем чтобы выбраться побыстрее, терпеть не могу) но на самом деле поскольку был слишком "задет" чтобы держать ее за руку и вспоминая (теперь с большой болью) ее обычное требование чтобы я не обнимал ее на улице или люди подумают что она шлюха - закончившись, ярким потерянным грустным днем вниз по Прайс-Стрит (О обреченная Прайс-Стрит) к Небесному Переулку, среди детей, молодых симпатичных мексиканских лапочек причем при виде каждой я вынужден был говорить самому себе с презрением "Ах они почти все без исключения лучше Марду, мне надо лишь поднять одну из них... но О, но О" - ни она ни я много не говорили, и такая досада в ее глазах что в первоначальном месте где я видел эту индейскую теплоту которая в самом начале подвигла меня на то чтобы сказать ей, в одну из счастливых ночей при свече: "Милая то что я вижу в твоих глазах это вся жизнь наполненная любовным расположением не только от индианки в тебе но поскольку ты отчасти негритянка то неким образом ты первая, сущностная женщина, и следовательно самая, самая первоначально самая полно любовная и материнская" - там теперь и досада тоже, некая утраченная американская примесь и настроение с нею вместе - "Эдем в Африке", прибавил я как-то раз - но сейчас в моей обиде ненависть оборачивается другой стороной и вот спускаясь по Прайсу с нею всякий раз как вижу мексиканскую девку или негритянку я говорю себе: "бляди," все они одинаковы, всегда пытаются обдурить и ограбить тебя - припоминая все свои отношения с ними в прошлом - Марду ощущающая эти волны враждебности от меня и молчаливая.

И кто еще в нашей постели в Небесном Переулке как не Юрий - бодренький - "Эй я тут работал весь день, так устал что пришлось вернуться и еще чуток отдохнуть." - Я решаюсь высказать ему все, пробую сформировать слова во рту, Юрий видит мои глаза, ощущает напряжение, Марду ощущает напряжение, стук в дверь и возникает Джон Гольц (всегда романтически заинтересованный в Марду но как-то более наивно), он ощущает напряжение: "Я зашел книжку попросить" - суровое выражение у него на лице и вспомнив как я обломил его по части избирательности - поэтому сваливает сразу же, взяв книгу, а Юрий поднимается с кровати (пока Марду прячется за ширмой переодеться из выходного платья в домашние джинсы) - "Лео подай мне штаны." - "Встань и сам возьми, они у тебя перед носом на стуле, ей тебя не видно" - смешное утверждение, и разум мой чувствует этот смех и я смотрю на Марду которая молчалива и внутренняя.

В тот момент когда она уходит в ванную я говорю Юрию "Я очень

ревную по части вас с Марду на заднем сиденье сегодня ночью, чувак, в самом деле." - "Я не виноват, это она первая начала." - "Слушай, ты такой - типа не позволяй же ей, держись подальше - ты такой донжуан что они все сами на тебя вешаются" - говоря это в тот миг когда Марду возвращается, метнув острый взгляд не слыша слов но видя их в воздухе, и Юрий сразу же хватается за ручку еще открытой двери и говорит "Ну ладно я пошел к Адаму увидимся там позже."

"Что ты сказал Юрию - ?" - Пересказываю ей слово в слово - "Боже напруг тут был непереносимый" - (баранье я озираю тот факт что вместо того чтобы быть жестким и подобным Моисею в своей ревности и положении я вместо этого молот Юрию нервную "поэтическую" чушь, как обычно, сообщая ему напруг но никак не позитивность своих чувств в словах - баранье я озираю свою дурость - Мне грустно почему-то увидеть Кармоди

"Бэби я собираюсь - как ты думаешь на Колумбусе есть цыплята? - Я там видела - И приготовить, понимаешь, у нас с тобой будет славный ужин с цыпленком." - "А," говорю я себе, "что хорошего в славном ужине с цыпленком когда ты любишь Юрия так сильно что он вынужден сваливать в тот миг когда ты входишь из-за давления моей ревности и твоей возможности как напорочено во сне?" "Я хочу" (вслух) "увидеть Кармоди, мне грустно - ты оставайся тут, готовь цыпленка, ешь - сама - я вернусь попозже и заберу тебя." - "Но так всегда начинается, мы вечно уходим, мы никогда не остаемся одни." - "Я знаю но сегодня вечером мне грустно мне надо увидеться с Кармоди, по какой-то причине не спрашивай меня у меня невообразимо печальное желание и причина просто - в конце концов я как-то на днях нарисовал его картинку" (Я сделал свои первые карандашные наброски человеческих фигур полулежа и они были встречены с изумлением Кармоди и Адамом и поэтому я возгордился) "и в конце концов когда я рисовал Фрэнка как-то на днях я заметил такую великую печаль в морщинках у него под глазами что я знаю он - " (себе: Я знаю он поймет как грустно мне сейчас, я знаю что он страдал точно так же на четырех континентах). - Взвешивая услышанное Марду не знает куда приткнуться но неожиданно я рассказываю ей о своем поспешном разговоре с Юрием ту часть о которой совсем забыл в своем первом пересказе (и здесь тоже забыл) "Он сказал мне "Лео я не хочу делать твою девчонку Марду, в конце концов я глаз на нее не ложил..." "Ах, так значит глаз не ложил! Вот так сказанул!" (те же самые зубки ликованья теперь порталы сквозь которые проносятся рассерженные ветра, а глаза ее блещут) и я слышу это торчковое ударение на концы слов где она нажимает на свои окончания как

многие торчки которых я знаю, по некой внутренней тяжелой дремлющей причине, которую в Марду я приписывал ее изумительной современности выбранной (как я однажды спросил у нее) "Откуда? где ты научилась всему что знаешь и этой своей изумительной манере говорить?" но слышать теперь эти интересные окончания только бесит меня поскольку это происходит в явной речи о Юрии которой она показывает что не сильно против увидеть его снова на вечеринке или иным образом, "если он собирается и дальше так говорить про то что глаз не ложил", скажет она ему. - "О," говорю я, "теперь ты уже ХОЧЕШЬ идти на вечеринку к Адаму, поскольку там сможешь расквитаться с Юрием и отделать его - у тебя все на лбу написано."

"Боже," пока мы идем вдоль скамеек церковного парка печального парка всего этого лета, "теперь ты еще и обзываешься, на лбу написано."

"Ну дак так и есть, ты думаешь я не вижу тебя насквозь, сначала ты не хотела идти к Адаму совсем а теперь когда услышала - а да ну его к черту если это у тебя на лбу не написано то я тогда вообще не знаю." - "Еще обзываешься, Боже" (всхлипнув перед тем как засмеяться) и мы оба на самом деле истерично так улыбаемся и как будто бы ничего и не случилось вообще и фактически как счастливые беззаботные люди которых вы видите в роликах новостей деловые спешащие по улице к своим обязанностям и по своим надобностям и мы в таком же дождливом ролике новостей таинственно печальные внутри самих себя (как и должно значит быть внутри игрушечных фильмокукол экрана) грандиозный разрастающийся вихрящийся кавардак аллитеративный как молотком по костям мозгам мешкам и яйцам, ба-бах как жаль что я вообще родился...

В довершение всего, как будто и этого еще было недостаточно, целый мир раскрывается когда Адам распахивает нам двери торжественно склоняясь но с проблеском и секретиком во взгляде и с какой-то неприветливостью при виде которой я оцетиниваюсь - "В чем дело?" Затем чую присутствие еще каких-то людей внутри кроме Фрэнка и Адама и Юрия. - "У нас гости." - "О," говорю я, "почетные гости?" - "Видимо да." - "Кто?" - "МакДжоунз и Филлис." - "Что?" (настал великий момент когда мне предстоит лицом к лицу встретиться, или же уйти, со своим архизлейшим литературным врагом Баллиолом МакДжоунзом некогда столь близким мне что мы плескали пивом друг другу на колени склоняясь друг к другу в возбуждении беседы, мы говорили и обменивались и одалживали и читали книги и литературоложивали так много что этот невинный бедняга на самом деле подпал под некое влияние с моей стороны, то есть, в том смысле, и только, что научился разговору и стилю, в

основном истории хипового или битового поколения или подземного поколения и я сказал ему: "Мак, напиши великую книгу обо всем что случилось когда Лерой приехал в Нью-Йорк в 1949-м и не пропусти ни слова и дуй, давай же!" что он и сделал, и я прочел ее, критически Адам и я навещали его оба критикуя рукопись но когда она вышла ему гарантировали 20.000 долларов неслыханную сумму и все мы битовые личности скитающиеся по Пляжу и по Маркет-Стрит и по Таймс-Сквер когда мы в Нью-Йорке, хоть Адам и я признали на полном серьезе, цитирую: "Джоунз не наш - а из другого мира - мира среднегородских глупышек" (это адамизм). И вот значит его великий успех подходил как раз в тот момент когда я был беднее некуда и наиболее обойден издателями и хуже того зависший на параноичной наркоте я распалился но слишком не рассвирепел, хоть остался по этому поводу чернушным, изменив свое настроение после нескольких местных подсеков косы папы-времени и различных наворотов и всяких поездок, пиша ему письма с извинениями на судах которые я рвал, он тоже тем временем их писал, а потом, Адам выступая год спустя в роли какого-то святого и посредника доложил о благоприятном расположении с обеих наших сторон, к обеим же сторонам - великое мгновение когда мне придется встретиться со стариной Маком и пожать ему руку и бросить все эти дрязги к чему такая злопамятность - производя настолько мало впечатления на Марду, которая так независима и недостижима по-новому по-своему сердцещемительно. В любом случае МакДжоунз уже был там, немедленно я громко заявил: "Хорошо, превосходно, я ждал встречи с ним," и бросился в гостиную и кому-то через голову кто как раз поднимался (это Юрий был) я крепко пожал Баллиолу руку, посидел немного в думах, даже не заметил как бедной Марду удалось устроиться (здесь как и у Бромберга как и везде бедный темный ангел) наконец уйдя в спальню не в силах переносить вежливую беседу под которую не только Юрий но и Джоунз (да еще Филлис его женщина которая все тарацилась на меня чтоб разглядеть по-прежнему ли это сумасшедствие) урчали дальше, я сбежал в спальню и лег в темноте и при первой же возможности попытался затащить Марду лечь со мною но она сказала "Лео я не хочу разлеживаться здесь в темноте." - Затем подвалил Юрий, напялив на себя один из галстуков Адама, со словами: "Выйду поищу себе девчонку," и у нас теперь устанавливается некое сопонимание шепотом вдали от прочих в гостиной - все прощено. - Но я чувствую что поскольку Джоунз не сдвигается никуда со своей кушетки то он в действительности не хочет поговорить со мной и вероятно желает чтобы я ушел. Когда Марду приобретает обратно к моей постели стыда и

кручины и укрытию моему, я спрашиваю: "О чем вы там говорите, о бопе? Ему не говори о музыке ничего." - (Пусть сам для себя все открывает! вздорно говорю я себе) - Я боповый писатель, вот кто! Но когда меня отрягают вниз за пивом, когда захожу снова с пивом в руках они все уже на кухне, Мак прежде всего, улыбается и говорит: "Лео! дай мне посмотреть те твои рисунки про которые мне рассказали, я хочу их увидеть." - Так мы становимся друзьями снова склоняясь над рисунками и Юрию приходится свои тоже показать (он рисует) а Марду в другой комнате, вновь позабытая - но это исторический момент и пока мы к тому же, с Кармоди вместе, изучаем кармодиевские южноамериканские тусклые картинки с деревьями в высоких джунглях и с городишками в Андах где видно как проплывают облака, я замечаю дорогую хорошо сидящую одежду Мака, браслетку с часами, я горжусь за него и теперь у него маленькие привлекательные усики придающие ему зрелость - о чем я и объявляю всем - пиво к этому времени всех нас уже разогрело, а затем его жена Филлис начинает ужин и общительная праздничная веселость проистекает взад и вперед

В краснолампочной гостинной фактически я застаю Джоунза наедине с Марду задающим вопросы, как бы берущим у нее интервью, я вижу что он ухмыляется и говорит самому себе "Старина Перспье надыбал себе еще одну потрясную куколку" а я внутри томлюсь самому себе: "Ага, надолго ли" - и он выслушивает Марду, которая, под впечатлением, предупрежденная, все понимая, произносит торжественные утверждения по части бопа, типа: "Я не люблю боп, на самом деле не люблю, он для меня как ширка, слишком многие торчки бопмены и я в нем слышу наркоту." - "Что ж," Мак поправляет очки, "это интересно." - А я подхожу и говорю: "Но тебе же никогда не нравится то откуда ты родом" (глядя на Марду). - "В каком смысле?" - "Ты дитя Бопа," или дети бопа, что-то в этом духе, на чем Мак и я сходимся - так что потом когда все мы всей бандой налаживаемся в сторону дальнейших празднеств ночи, и Марду надев длинный черный бархатный пиджак Адама (на ней длинный) и безумный длинный шарф тоже, похожая на маленькую девочку из польской подземки или на мальчика в канализационной трубе под городом и миленькая и хиповая, и на улице мечется от одной группы к той в которой я, и я весь вытягиваюсь к ней когда она приближается (на мне фетровая шляпа Кармоди на самой голове типа хипстера прикола ради и по-прежнему моя красная рубаха, теперь уже непригодная для выходных) и смахиваю ее крохотность с ног и подхватываю и прижимаю ее к себе и иду себе дальше неся ее, я слышу маково оценивающее "У-ух" и "Давай" смех где-то позади и гордо думаю "Он теперь видит что у меня по-настоящему великолепная

девчонка - что я не сдох а продолжаюсь - старый непрерывный Перспье - никогда не стареющий, всегда тут внутри, всегда с молодежью, с новыми поколениями..." Разношерстная компания как бы то ни было спускающаяся по улице что с Адамом Мурэдом облаченным в полный смокинг одолженный у Сэма накануне ночью чтобы смочь пройти на открытие чего-то по бесплатным билетам от его конторы - шагая к Данте и в Маску снова - эта мне Маска, эта старая остохренившая Маска все время - у Данте это где в подъеме и реве светского и трепливого возбуждения я много раз поднимал глаза поймать взгляд Марду и поиграть в гляделки но она казалось сопротивлялась, абстрагировалась, размышляла - больше не расположенная ко мне - с надоевшей всей нашей болтовней, с Бромбергом снова приехавшим и с великолепными дальнейшими дискурсами и с этим особенно пагубным групповым энтузиазмом который ты просто обязан ощущать когда вот как Марду сейчас ты со звездой всей компании или даже я имею в виду просто с членом этого созвездия, как шумно, утомительно это должно быть для нее было когда приходилось ценить все что бы мы ни сказали, изумляться новейшей колкости слетающей с языка одного и единственного, последнему проявлению той же самой старой тягостной загадки личности в КаДже великой - в самом деле казалось ей и было противно, и она смотрела в пространство.

Поэтому позже в своей пьяности я умудрился затащить Пэдди Кордавана за наш столик и он пригласил нас всех к себе кирять дальше (обычно недостижимый светский Пэдди Кордаван благодаря своей женщине которой вечно хотелось идти с ним домой одной, Пэдди Кордаван о котором Бадди Понд сказал: "Он так прекрасен что смотреть больно," высокий светловолосый, с квадратной челюстью, мрачный монтанский ковбой неторопливый в движениях, неторопливый в речи, неторопливый в плечах) Марду не впечатлилась поскольку все равно хотела отвязаться от Пэдди и всех остальных подземных из Данте, кому я только что заново досадила снова завопив Жюльену: "Валяй к нам, мы все идем на бал^оху к Пэдди и Жюльен тоже идет," на что Жюльен немедленно подпрыгнул и рванул обратно к Россу Валленстайну и остальным что сидели в своей кабинке, думая: "Боже этот ужасный Перспье орет на меня и пытается опять затащить в свои дурацкие шалманы, вот бы с ним кто-нибудь что-нибудь сделал." На Марду же несколько не произвело дальнейшего впечатления когда, по настоянию Юрия, я сходил к телефону и поговорил с Сэмом (звонившим с работы) и договорился встретиться с ним попозже в баре через дорогу от его конторы - "Мы все пойдем! мы все пойдем!" уже ору я и даже Адам с Фрэнком зевают готовые отчаливать домой а Джоунз

так давно уже ушел - носясь вверх и вниз по лестнице у Пэдди звонить еще и еще Сэму и вот в одном месте я влетаю в кухню к Пэдди чтоб заставить Марду поехать со мной встретиться с Сэмом и Росс Валленстайн пришедший пока я звонил из бара говорит, возводя кверху глаза: "Кто впустил сюда этого парня, хей, кто это? как ты сюда попал! Эй Пэдди!" на полном серьезе продолжая свою первоначальную неприязнь вместе с этим приколом "ты-что-педак", который я игнорировал, говоря: "Братишка я поберею твой персик если ты не заткнешься," или какой-то сходный облом, не помню уже, достаточно крепкий чтоб он сделал направо кругом по-солдатски, как он это обычно делает, вытянувшись по стойке смирно, и отбыл - я таща Марду вниз к такси чтобы лететь к Сэму и весь этот вихрь ночи дикого мира и она своим крохотным голоском я слышу как протестует издали: "Но Лео, дорогой Лео, я хочу пойти домой и лечь спать." - "А-а к черту!" и я даю адрес Сэма таксисту, она говорит НЕТ, настаивает, дает Небесный Переулок: "Сначала отвезите меня туда а потом поезжайте к Сэму" но я по-настоящему серьезно залип на том неоспоримом факте что если я сначала отвезу ее в Небесный Переулок такси никогда не доберется до бара где нужно ждать Сэма до закрытия, поэтому я спорю, мы горячечно швыряем разные адреса водителю который как в кино ждет, но неожиданно, с таким красным пламенем тем же самым красным пламенем (за неимением лучшего образа) я выскакиваю из такси и вырываюсь наружу и там стоит еще одно, я запрыгиваю внутрь, даю сэмов адрес и он пулей рвет с места - Марду брошенная в ночи, в такси, больная, и усталая, а я намереваюсь расплатиться за второй мотор тем долларом который она вверила Адаму чтобы тот купил ей сэндвич но об этом в суматохе было забыто и он отдал его мне чтоб я вернул ей - бедняжка Марду поехавшая домой одна, снова, а пьяный маньяк исчез.

Что ж, думал я, это конец - я наконец сделал шаг и ей-Богу я оплатил ей за то что она мне сделала - это должно было прийти и вот оно - плюх.

Разве не хорошо знать что зима подходит - и что жизнь станет немножко поспокойнее - и ты будешь дома писать и хорошо кушать и мы будем проводить приятные ночи обернутые друг вокруг дружки - а ты сейчас дома, отдохнувший и хорошо кушаешь потому что тебе не следует слишком грустить и я чувствую себя лучше когда знаю что тебе хорошо.

и еще

Напиши мне Хоть что-нибудь

Пожалуйста пусть у тебя все будет хорошо

Твой друк

И моя любовь

И Ох

И с любовью к тебе

МАРДУ

Пожалуйста

Но глубочайшим предчувствием и пророчеством всего всегда было, что когда я входил в Небесный Переулок, резко свернув в него с тротуара, то поднимал взгляд вверх, и если свет у Марду был то свет у Марду был - "Но однажды, дорогой Лео, этот свет не будет сиять для тебя" - это пророчество безотносительно ко всем вашим Юриям и расслаблениям в кольцах змеи времени. - "Однажды ее там не будет когда ты захочешь чтобы она там была, свет будет погашен, и ты будешь смотреть вверх и будет темно в Небесном Переулке и Марду не будет, и так будет когда меньше всего ожидаешь и хочешь этого." - Всегда я это знал - оно промелькнуло у меня в уме в ту ночь когда я подскочил в бар, встретился с Сэмом, он был с двумя газетчиками, мы купили выпить, я ронял деньги на пол, я спешил нажраться (с моей крошкой покончено!), я дернул к Адаму и Фрэнку, снова разбудил их, боролся на полу, шумел, Сэм содрал с меня майку, грохнул лампу, вылакал квинту бурбона совсем как раньше в наши прежние невероятные денечки вместе, это просто был еще один большой загул в ночи и ради чего... проснувшись, я, наутро с окончательным бодуном подсказавшим мне: "Слишком поздно" - и встал и шатаясь дополз до двери через весь этот бардак на полу, и открыл ее, и пошел домой, Адам сказавший мне заслышав как я вожусь со стонущим краном: "Лео иди домой и хорошенько восстановись," чуя как мне плохо хоть и не зная ничего про Марду и меня - а дома я слонялся по комнатам, не мог оставаться в четырех стенах вообще, не мог остановиться, надо было пройтись, как будто кто-то собирался скоро умереть, как будто я ощущал запах смертных цветов в воздухе, и я пошел в депо Южного Сан-Франциско и плакал там.

Плакал в депо сидя на старой железяке под новой луной и на обочине старых рельсов Южно-Тихоокеанской, плакал не только потому что отверг Марду которую теперь я уже не был так сильно уверен мне хотелось отвергать но жребий был брошен, ощущая к тому же ее вчувствованные слезы через всю ночь и окончательный ужас мы оба расширив глаза осознавая что расстаемся - но видя внезапно не в лице луны а где-то в небе когда я возвел глаза к нему надеясь расставить все по своим местам, лицо моей матери - вспоминая его фактически по тревожной призрачной дреме сразу после ужина в тот же самый беспокойный день когда-невозможно-усидеть-на-стуле или на-поверхности-земли-вообще - только я проснулся

под какую-то программу Артура Годфри по телику, как увидел склонившийся ко мне образ матери, с непроницаемыми глазами и бездвижными губами и округлыми скулами и в очках что посверкивали и скрывали основную часть выражения ее лица который я вначале принял за видение ужаса от которого мог бы содрогнуться, но он не привел меня в трепет - размышляя о нем на прогулке и вдруг теперь в депо плача по своей утраченной Марду и так глупо поскольку я решил отбросить ее сам, это было видение материнской любви ко мне - это ничего не выражающее и невыразительное-поскольку-такое-глубокое лицо наклонившееся надо мной в видении моего сна, и с губами не столько плотно сжатыми сколько терпеливыми, словно говорящими: "Pauvre Ti Leo, pauvre Ti Leo, tu souffri, les hommes souffri tant, y'ainque toi dans le monde j'va't prendre soin, j'aim'ra beaucoup t'prendre soin tous tes jours mon ange." - "Бедный Ти Лео, бедный Малыш Лео, ты страдаешь, мужчины так страдают, ты совсем один на целом свете я позабочусь о тебе, мне бы очень хотелось заботиться о тебе все твои дни мой ангел." - Моя мама тоже ангел - слезы набухли у меня в глазах, что-то сломалось, я не выдержал - сидел там целый час, передо мной лежала Батлер-Роуд и гигантские розовые неоновые буквы длиной в десять кварталов ВИФЛЕЕМСКАЯ СТАЛЬ ЗАПАДНОГО ПОБЕРЕЖЬЯ со звездами сверху и прогремевшим мимо Зиппером и ароматом паровозной гари пока я сижу вот там и пускай они себе проходят мимо и вдалеке по линии в ночи вокруг вон того аэродрома в Южном Сан-Франциско видно как этот сукин сын этот красный фонарь мигает Марсу сигнальным светом плывущим в темноте большие красные метки взрывающиеся и гаснущие и посылающие огонь в пронзительночистые утраченной чистоты милонебеса старой Калифорнии посреди поздней печальной ночи осени весны предосенья зимнего лета высокого, как деревья - единственный человек во всем Южном Городе когда-либо уходивший от чистеньких пригородных домиков и шедший и прятавшийся за товарными вагонами подумать - сломался. Что-то расслабилось во мне - О кровь души моей думал я и Добрый Боженька или что там еще запихало меня сюда чтобы страдать и стонать и в довершение всего быть виновным и что дает мне плоть и кровь что так болезненны - женщины все добра желают -- что-что а это я знал - женщины любят, склоняются над тобой - тебе же предать любовь женщины все равно что плюнуть себе на ноги, глина

Это внезапное краткое плаканье в депо и по причине которой я в действительности не постигал, да и не мог постичь - говоря себе на самом доньшке: "Ты видишь видение лица женщины которая твоя мать которая любит тебя так сильно что поддерживала тебя и оберегала тебя много лет,

тебя шаромыжника, пьянь - никогда ни на полстолечка не пожаловалась - потому что знает что в своем нынешнем состоянии ты не можешь выйти в мир и прожить там и позаботиться о самом себе и даже найти и удержать любовь другой охранительницы - а все потому что ты бедный глупый Малыш Лео - глубоко в темном провале ночи под звездами мира ты потерян, бедняжка, никому нет дела, а теперь ты выкинул прочь любовь маленькой женщины потому что тебе хотелось еще выпить с неотесанным гадом по другую сторону твоего безумия."

И как всегда.

Закончившись великой печалью Прайс-Стрит когда Марду и я, объединившись в воскресенье вечером в соответствии с моим планом (Я составил план на той неделе думая себе во дворе в чайных грезах: "Это умнейший расклад который я когда-либо придумывал да-а с такой штукой я могу жить полной любовной жизнью," сознавая райхианскую ценность Марду, и в то же самое время напишу те три романа и стану великим - и т. д.) (весь план расписан, и доставлен Марду на прочтение, в нем говорилось: "Пойти к Марду в 9 вечера, спать, вернуться на следующий день и весь день писать и вечером ужин и отдых после ужина и затем вернуться в 9 часов снова," с дырками оставленными в плане незаполненными по выходным для "возможных выходов куда-л.") (нализаться) - с этим планом все еще сидящим в голове и проведя выходные дома погруженным в это ужасное - как бы то ни было я рванул к Марду воскресным вечером в 9 часов, по плану, в ее окошке не было света ("Я так и знал что это однажды случится") - но на дверях записка, мне к тому же, которую я прочел скоренько поспав в общественном сортире в коридоре - "Дорогой Лео, вернись в 10.30," и дверь (как всегда) незаперта и я вхожу чтобы там подождать и почитать Райха - снова таская с собой свою здоровую впередсмотрящую райховскую книгу здоровья и готовый по крайней мере "метнуть хороший такой в нее" в том случае если всему суждено завершиться в эту же самую ночь и сидя там глазами скользя по всему и замышляя - 11.30 а ее все нет - боится меня - скучает ("Лео," позже, сказала она мне, "я на самом деле думала что мы вс°, что ты уже вообще не вернешься") - тем не менее оставила мне эту записку Райской Птички, всегда и по-прежнему надеясь и не стремясь сделать мне больно и заставить меня ждать в темноте - но поскольку она не возвращается в 11.30 я наваливаю оттуда, к Адаму, оставив ей записку чтоб позвонила, с последствиями которые я через некоторое время стираю - все это уйма мелочей ведущих к великой печали Прайс-Стрит произошедшей после того как мы прожили ночь "успешного" секса (когда я говорю ей: "Марду ты

стала гораздо более драгоценна мне с тех пор как все это случилось," и из-за этого, как мы соглашаемся я становлюсь способным заставить ее исполнить все лучше, что она и делает - дважды, фактически, и притом впервые - проведя целый сладкий день как бы воссоединившись но в паузах бедная Марду поднимает на меня взгляд и говорит: "Но нам на самом деле следует разойтись, мы никогда ничего не делали вместе, мы собирались в Мексику, а потом ты собрался найти работу и мы бы зажили вместе, потом помнишь эту возвышенную идею, весь этот большой фантазм из которого типа ничего не вышло потому что ты не выпихнул их у себя из ума в открытый мир, не выполнил их, и типа, меня, я не - я не ходила к своему доктору уже много недель." (Она написала прекрасное письмо в тот же самый день своему терапевту прося прощения и позволения вернуться через несколько недель и совета что ей делать со своей потерянностью и я его одобрил.) Все это нереально с того момента как я вошел в Небесный Переулок после своего в-депо-плаксивого одинокого темного временного пребывания дома чтоб только увидеть что свет у нее не горит наконец (как глубоко обещано), но записка спасшая нас ненадолго, то как я нашел ее немного погодя в ту ночь поскольку она действительно в конце концов позвонила мне к Адаму и сказала чтоб я шел к Рите, куда я принес пива, затем пришел Майк М°рфи и тоже принес пива - закончившись еще одним дурацким ором а не разговором пьяной ночью. - Марду сказавшая наутро: "Ты помнишь хоть что-то что говорил вчера ночью Майку и Рите?" и я: "Конечно нет." - Целый день, заимствованный у небесного дня, сладкий - мы занимаемся любовью и пытаемся давать обещания маленьких добряков - фиг там, поскольку вечером она говорит "Пойдем в кино" (с ее жалкими деньжонками по чеку). - "Боже, да мы ведь истратим все твои деньги." - "Так черт возьми мне плевать, я все равно их истрачу и все тут," со страстностью - поэтому она надевает свои черные вельветовые брючки немного душит и я встаю и нюхаю ее шейку и Господи, до чего же сладко ты можешь пахнуть - и я хочу ее еще сильнее чем обычно, в моих объятьях она ушла - в моей руке она ускользает как прах - что-то не так. - "Я поранил тебя когда выпрыгивал из такси?" - "Лео, это было ребячество, это была самая маниакальная штука которую я видела." - "Мне очень жаль." - "Я знаю что тебе жаль но то была самая маниакальная штука которую я когда-либо видела и она происходит постоянно и становится все хуже и типа, вот сейчас, о черт - пошли в кино." - И вот мы выходим, и на ней этот никогда-мной-не-виданный прежде красный плащик от которого разбивается сердце под ним черные вельветовые брючки и рассекает, с черными короткими волосами от

которых выглядит так странно, словно - словно кто-нибудь в Париже - на мне же лишь мои старые железнодорожные "непобедимые" бывшего тормозного кондуктора и рабочая рубашка без майки а внезапно снаружи холодный октябрь, и с порывами дождя, поэтому я дрожу у нее под боком пока мы спешим вверх по Прайс-Стрит - к Маркету, к кинотеатрам - я вспоминаю тот день вернувшись с выходных у Бромберга - что-то зацепилось у нас обоих в горле, не знаю что, она знает.

"Бэби я собираюсь тебе кое-что сказать и если я тебе это скажу то я хочу чтоб ты пообещал мне что все равно пойдешь со мною в кино." - "Ладно." - И естественно добавляю, после паузы: "Что такое?" - Я думаю это имеет какое-то отношение к "Давай расстанемся на самом деле и по-настоящему, я не хочу больше делать этого, не потому что ты мне не нравишься но теперь уже это очевидно или должно быть очевидно для нас обоих вот к этому времени..." такого рода аргументы которые я могу, как издавна так и вновь, ломать, говоря так: "Но давай, смотри, у меня, погоди..." ибо всегда мужчина может склонить маленькую женщину, она была создана для того чтобы склоняться, да-да для этого маленькая женщина и была - поэтому я жду уверенно именно такого разговора, хоть чувствую себя блекло, трагично, мрачно, а воздух холодный. - "Ты знаешь как-то ночью" (она некоторое время старается привести в порядок перепутавшиеся недавние ночи - и я помогаю ей разобраться в них, и обнимаю ее рукой за талию, пока мы так пересекаем то подходим все ближе к хрупким драгоценным огонькам Прайса и Колумбуса к тому старому углу Норт-Бича такому диковинному и еще диковиннее оттого что у меня теперь по его поводу есть собственные личные мысли как бывало и от других сцен из моей сан-францисской жизни, короче говоря, почти самодовольные и уютно укутанные в коврик меня же самого - как бы то ни было мы уговариваемся что та ночь о которой она собирается мне рассказать это ночь субботы, та когда я плакал в депо - тот краткий внезапный, как я уже сказал, плач, то видение - я пытаюсь фактически перебить ее и рассказать про эту ночь, пытаюсь также вычислить не подразумевает ли она что в ту субботнюю ночь произошло нечто ужасное о чем мне следует знать...).

"Так вот я пошла к Данте и не хотела там надолго застревать и пыталась уйти - а Юрий пытался там тусоваться - и звонил кому-то - а я сидела возле телефона - и сказала Юрию что он нужен" (вот так вот невнятно) "и пока он был в будке я свалила домой, потому что устала - бэби в два часа ночи он приперся и забарабанил в дверь..."

"Зачем?" - "Негде переночевать, он был пьян, он вломился - и - ну..."

"А?"

"Ну бэби у нас получилось вместе," - это хиповое словечко - при звуке которого несмотря на то что я шел и ноги двигали меня вперед подо мной и твердо ступали по земле, весь низ желудка провалился мне в штаны или чресла и тело испытало ощущение глубинного таянья спускающегося в какое-то мягкое где-то, нигде - внезапно улицы стали такими блеклыми, люди проходили мимо столь зверино, огни стали так не нужны чтоб всего лишь освещать вот этот... этот режущий мир - когда мы переходили бульжную мостовую она это произнесла, "получилось вместе," и я вынужден был (по-паровозному) сосредоточиться на том чтобы вновь подняться на тротуар и на нее не смотрел - я смотрел вдоль Колумбуса и думал о том чтобы взять и уйти, скорее, как я уже делал у Ларри - не стал - я сказал: "Я не хочу жить в этом зверином мире" - но так тихо что она едва если вообще услышала меня и если даже так то ничего на это не сказала, но после паузы добавила еще кое-что, вроде: "Есть и другие детали, типа, что - но я не стану в них вдаваться - типа," заикаясь, и медленно - и все же мы оба неслись по улице в кино - а фильм был Храбрые Быки (я плакал видя скорбь матадора когда тот услышал что его лучший друг и девушка спустились с горы в его же машине, я плакал даже при виде быка который как я знал должен был умереть и знал те большие смерти которыми умирают быки в своей западне под названием арена) - мне хотелось убежать от Марду. ("Слушай чувак," говорила она лишь за неделю до этого когда я ни с того ни с сего заговорил об Адаме и Еве и намекнул на то что Ева это она, женщина своей красотой способная заставить мужчину сделать все что угодно, "не называй меня Евой.") - Но теперь неважно - идя дальше вместе, в какой-то момент так раздраженно для моих ощущений она резко остановилась посреди мокрого от дождя тротуара и холодно сказала: "Мне нужен платок" и повернулась зайти в магазин и я тоже повернулся и поплелся за нею следом в неохотных десяти шагах позади понимая что прежде не знал что происходит у меня в уме в действительности с самого момента Прайса и Колумбуса и вот мы уже на Маркете - пока она в магазине я продолжаю торговаться с самим собой, уйти ли мне прямо сейчас, с меня довольно, просто рвануть быстренько вниз по улице и пойти домой и когда она выйдет то увидит что ты ушел, она поймет что ты нарушил свое обещание пойти с нею в кино так же как нарушил кучу других обещаний но на сей раз она поймет что у тебя на это есть большое мужское право - но ничего этого недостаточно - я чувствую что заколот Юрием - а Марду я чувствую себя покинутым и опозоренным - я озираюсь в магазине слепо глядя вокруг и тут она выходит как раз в тот миг в светящемся пурпурном платке (потому что крупные капли дождя

только-только начали падать а ей не хотелось чтобы дождь распустил ее тщательно причесанные перед кино волосы и вот она тратила свои крохотные башли на платки.) - В кино я держу ее за руку, после пятнадцатиминутного ожидания, не думая совершенно не потому что разозлился а я чувствовал что она почувствует что это слишком подобострастно именно в это время брать ее за руку во время сеанса, как влюбленные - но я взял ее руку, она была теплая, потерянная - не спрашивай у моря почему глаза темноокой женщины странны и потерянные - вышли из кино, я смурной, она деловитая чтоб быстрее по холоду добраться до автобуса, где, на остановке, она ушла от меня прочь чтобы увести меня в место потеплее где можно подождать и (как я уже говорил) я мысленно обвинил ее в том что она бродяжка.

Приехав домой, где мы сели, она у меня на коленях, после долгой задушевной беседы с Джоном Гольцем, который зашел повидаться с нею, но наткнулся и на меня тоже, а я мог бы и уйти, но в своем новом духе хотел одновременно показать ему что уважаю его и что он мне нравится, и говорил с ним, и он просидел два часа - фактически я видел как он достал Марду разговорами о литературе с ней зайдя далеко за ту грань где ей было интересно а также о вещах про которые она давно знала - несчастная Марду.

Вот он ушел, а я свернул ее калачиком у себя на коленях, и она говорила о войне между мужчинами - "Они воюют для них женщина это награда, для Юрия просто то что твоя награда сейчас имеет меньше ценности."

"Ага," отвечаю я, печальный, "но мне следовало все равно обращать больше внимания на этого старого торчка, который говорил что любовницы есть на каждом углу - они все одинаковы парень - не зависай на одной."

"Это неправда, неправда, это просто Юрий хочет чтобы ты пошел сейчас к Данте и вы бы вдвоем посмеялись и обсудили бы меня и согласились бы что бабы клевые подстилки и их вокруг целая куча. - Я думаю что ты как я - ты хочешь одной любви - вроде как, мужчины имеют сущность в женщине, вот же она эта сущность" ("Да," думал я, "вот эта сущность, и она твое чрево") "и мужчина держит его в своей руке, но срывается возводить большие конструкции." (Я только что прочел ей первые несколько страниц Поминок по Финнегану и объяснил их и там где Финнеган всегда возводит "здание над воззданием над воззданием" на берегах Риффи - навоз!)

"Я ничего не скажу," думал я - "А ты решишь что я не мужчина если я не разозлюсь?"

"В точности как та война о которой я тебе говорила."

"У женщин тоже есть войны..."

Ох что же нам делать? Я думаю - вот сейчас я пойду домой, и с этим все покончено наверняка, ей не только теперь скучно и с нее хватит но она еще и пронзила меня в некотором роде изменой, была непостоянна, как напророчено в сновидении, сновидение проклятый сон - я вижу себя хватающим Юрия за рубашку я швыряю его на пол, он выхватывает югославский нож, я берусь за стул чтобы обрушить на него, все вокруг смотрят... но продолжаю грезить наяву и заглядываю в его глаза и встречаю внезапно яростный взгляд ангела-шута который превратил все свое пребывание на земле в большую шутку и я понимаю что все это с Марду тоже было шуткой и думаю: "Смешной Ангел, возвышенный среди подземных."

"Бэби тебе решать," вот то что она на самом деле говорит, "по части того сколько раз ты хочешь меня видеть и все такое - а я хочу быть независима как я уже сказала."

И я иду домой потеряв ее любовь.

И пишу эту книгу. -----

1. Канадец французского происхождения (здесь и далее - примечания пере водчика).

2. Под "Пляжем" имеется в виду Норт-Бич, сан-францисский район крутой богемы.

3. сутенеров (фр .)

4. "Сэм" (амер. жарг .) - агент по борьбе с наркотиками.

Спасибо, что скачали книгу в [бесплатной электронной библиотеке BooksCafe.Net](#)

[Оставить отзыв о книге](#)

[Все книги автора](#)